

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2017

Внешняя политика Китая
в 2016 г.

Итоги российско-японских
переговоров

Национальное образование
в КНР

Торговля Республики Корея
с Российской Федерацией

Японская геральдика
на современном этапе

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2017

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), О.Н. Борох,
к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Л.С. Переломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП «Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2017

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

Содержание

ПОЛИТИКА

- В.Я. Портяков.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.4
В.В. Кузьминков, В.Н. Павлятенко. Некоторые итоги российско-японских переговоров на высшем уровне13
А.О. Виноградов. Европейское наступление Пекина20
В.К. Сова. Роль и политика Австралии в АТР27

ЭКОНОМИКА

- И.А. Забелина, Е.А. Клевакина.* Оценка структурных сдвигов в экономике регионов трансграничного взаимодействия РФ и КНР36
Сон Бьонг Джик. Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией49
С.Л. Сазонов, УЦзы, Чэнь Сяо, Е.О. Захлязьминская. Транспортный комплекс КНР «подстегивает» развитие национальной экономики60
О.Н. Борох. Ван Янань и концепция «китайской экономической науки»72

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Н.Ю. Самсонов, Я.В. Крюков, В.А. Яценко.* О возможности участия капитала стран АТР в горнорудных проектах российского Дальнего Востока и Забайкалья85

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А.А. Семенов.* Регулирование деятельности иностранных НПО в КНР93
Ю.А. Грачева. Влияние глобализации на нацменьшинства в КНР (на примере наси)99
Т.Л. Гурулёва. Национальное образование в Китае: современное состояние и меры государственного регулирования107

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- Фань Сюэсун.* Позиция КНР по проблеме принадлежности южных Курил120

ИСТОРИЯ

- В.В. Кузьминков.* Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. в японской историографии129

КУЛЬТУРА

- В.С. Григорьев.* Новые книги об основоположнике российского научного
китаеведения Иакинфе Бичурине 136
- Е.Э. Войтишек, А.А. Речкалова.* Японская геральдика на современном
этапе 142

РЕЛИГИЯ

- О.В. Пелевина.* Христианские общины в современном Китае: типология
китайских религиоведов..... 151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- XXII международная научная конференция «Китай, китайская
цивилизация и мир: история, современность, перспективы» 160

IN MEMORIAM

- Памяти Якова Михайловича Бергера 172

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- К 150-летию Сунь Ятсена 175

РЕЦЕНЗИИ

- Я.В. Лексютина.* Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной
Республики в XXI столетии 178
- Е.А. Иконникова.* Сахалинская каторга (вторая половина XIX — начало
XX в.)..... 182

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Алексею Ивановичу Сенаторову — 90 лет..... 184
- Contents 186
- Summary..... 188

Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.

© 2017

В.Я. Портяков

В статье анализируются основные особенности и направления внешней политики Китая в 2016 г. Показано стремление Пекина играть все большую роль в глобальном управлении, для чего используются «дипломатия саммитов» и инициатива взаимодействия в формате сухопутного и морского «шелковых путей». Рассмотрены развитые ситуации вокруг споров по Южно-Китайскому морю, отношения КНР с США и РФ.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, 2016 г., глобальное управление, Южно-Китайское море, США, Россия.

Характеризуя 22 декабря 2016 г. в интервью Центральному китайскому телевидению отличительные особенности деятельности Китая на международной арене в истекшем году, министр иностранных дел КНР Ван И выделил проведение «политики великой державы (*даго*) с китайской спецификой»¹. Пожалуй, именно такая дефиниция раскрывает главную особенность современной внешней политики Китая: самоидентификацию как великой державы и усилия по приведению в соответствие с нею основных ориентиров и базовых параметров внешнеполитического курса. Пекин практически впервые без всяких оговорок признал свой глобальный статус и продемонстрировал желание играть адекватную ему роль в мировых делах. Ван И подчеркнул, что «более зрелый Китай приблизился к центру мировой арены, играя роль стабилизатора в глобальном хаосе».

Одним из главных практических проявлений глобальных амбиций Китая явилась более четкая, чем прежде, заявка на активное участие страны в глобальном управлении. Как констатировал Ван И: «В связи с историческими переменами в глобальном балансе сил реформа системы глобального управления будет неизбежной». По его словам, Китай взял на себя инициативу продвижения более справедливой и разумной глобальной политической и экономической системы, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления². Несколько ранее, 3 декабря 2016 г., выступая на открытии конференции Китайской академии изучения международных проблем по анализу международной обстановки в 2016 г., министр иностранных дел КНР подчеркнул, что ки-

тайская дипломатия добилась «всестороннего повышения места, влияния и институциональных прав страны в трансформации международной системы»³.

Основанием для таких оценок служит прежде всего заметная роль Китая в подготовке и проведении саммита G-20 в Ханчжоу. Как отмечается в китайских СМИ, саммит убедительно показал, что КНР из получателя «общественных продуктов международного сообщества» постепенно становится поставщиком таких «общественных продуктов» (калька с английского *public goods*). Этот процесс отражает переход Китая от пассивного следования международным правилам на позицию активного участника и вдохновителя их формирования⁴. На саммите в Ханчжоу это проявилось, в частности, в последовательном противодействии Пекина протекционизму и в отстаивании открытого характера мировой торговли, в защите принципов инклюзивного роста, в предложении о поиске «новаторских моделей роста» и более тесной координации макроэкономической политики ведущих государств мира. Персонально с именем Китая связана не только Ханчжоуская декларация, но и другой документ саммита — впервые принятый «группой 20» Меморандум о поддержке G-20 индустриализации Африки и наименее развитых государств.

Вполне закономерно, что саммит «двадцатки» в Ханчжоу — одно из первых проведенных Китаем мероприятий такого уровня — был назван «успешным примером дипломатии великой державы с китайской спецификой»⁵.

Еще одной площадкой демонстрации заявки Китая на активную роль в глобальном управлении стал 24-й саммит Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), состоявшийся в ноябре в Лиме (Перу). В ходе его работы председатель КНР Си Цзиньпин выступил с двумя важными речами — «Углубляя партнерские отношения, усилить движущие силы развития» и «Глядя в будущее, активно способствовать развитию и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона», которые в концентрированном виде представили «китайский проект» экономического развития региона.

Его суть — это так называемые «четыре содействия»: «содействуя экономической интеграции, строить открытую экономику; содействуя интенсификации взаимных связей, осуществлять совместное развитие; содействуя реформам и новаторству, укрепить внутренние движущие силы развития; содействуя сотрудничеству и достижению общего выигрыша, углублять партнерские отношения». При этом Си Цзиньпин особо подчеркнул решимость Китая непоколебимо реализовывать эти установки на практике. «Подобная уверенность стала особенно ценной в нынешней ситуации, когда экономическая глобализация сталкивается с трудностями, объемы мировой торговли и инвестиций падают, а протекционизм поднимает голову»⁶.

В комментариях в Китае к выступлениям Си Цзиньпина в Лиме основной акцент сделан на углублении взаимных связей (*ху лян ху тун*) как важном инструменте выявления потенциала развития и базовой предпосылке для осуществления совместного развития. В данном контексте подчеркивается значение китайского проекта «Пояса и пути». Он квалифицируется как важный поиск Китая в деле глобального управления экономикой и как проект, продвигающий реализацию целей устойчивого развития ООН до 2030 г.⁷

Несмотря на высказываемые зарубежными экспертами сомнения в конечной успешности проекта⁸, он продолжает, что называется, «обрастать мясом». К середине 2016 г. Китай заключил соглашения о сотрудничестве в формате «Пояса и пути» более чем с 30 странами, а к концу года — с 40⁹. За 11 месяцев 2016 г. китайские компании заключили со странами на пространстве «Пояса и пути» новые контракты на подрядные работы на сумму свыше 100 млрд долл. — 52% общей суммы подобных контрактов¹⁰.

Начальный этап реализации проекта «Пояса и пути» уже показал, что он помогает решать не только экономические, но и политические задачи. Проект стал важным ин-

струментом улучшения связей Пекина с государствами Центральной и Восточной Европы. Важная роль в этом процессе отводится Польше, которая открыла свое консульство в Чэнду вслед за налаживанием грузоперевозок из Чэнду в Варшаву и Лодзь. Помимо прочего, Китай, специально вступивший в январе 2016 г. в Европейский банк реконструкции и развития, ищет подходы к участию в реализации инвестиционного плана председателя Европейской комиссии Жана-Клода Юнкера объемом в 315 млрд евро, призванного дать толчок возобновлению экономического роста на континенте¹¹.

В целом же некоторые китайские эксперты видят значение инициативы «пояса и пути» в том, что она существенно увеличила Пекину пространство для маневра и помогла преодолеть «заикленность» его внешней политики на «повороте США в Азию» и отношениях с соседними странами¹².

Еще одной особенностью 2016 г. стала активная пропаганда в Китае особых заслуг председателя КНР Си Цзиньпина в выработке и проведении внешнеполитического курса страны.

Хотя официально Си Цзиньпин был объявлен «ядром партии» лишь на 6-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в конце октября, однако китайские СМИ, особенно партийные, на протяжении всего года освещали его видную роль в теории и практике деятельности КНР на международной арене значительно шире, чем раньше.

Набор имеющихся внешнеполитических идей и инициатив, связанных с именем Си Цзиньпина, достаточно велик. В их числе: «китайская мечта», продвижение дипломатии великой державы с китайской спецификой, обогащение концепции мирного пути развития, обеспечение комплексной безопасности государства с учетом китайской специфики, инициатива «одного пояса и одного пути», строительство нового типа отношений между великими державами на путях отказа от конфликтов и противостояний, взаимного уважения, сотрудничества и поиска общего выигрыша. Главным, центральным в комплексе его внешнеполитических идей провозглашено положение о «человечестве как сообществе общей судьбы» (*жэньлэй минъюнь гунтунти лилунь*). Оно квалифицируется как важный вклад Китая в мировую теорию международных отношений в XXI веке и, одновременно, как «важный руководящий курс» в реализации «китайской мечты» и в достижении «всемирной мечты». Немаловажно то обстоятельство, что Китай как участник и строитель международного порядка продвигает его практическое совершенствование на принципах «мира, развития, равенства, справедливости, сотрудничества и общего выигрыша»¹³.

Заявка Китая на более высокий статус в глобальной системе международных отношений и на теоретический вклад в обеспечение ее оптимального функционирования требует от него, с одной стороны, «лучше понимать международную ситуацию и иметь большее влияние на нее», а с другой стороны, порождает спрос на «интеллектуальную поддержку внешней политики и стратегии страны»¹⁴. В связи с этим выдвинутая в 2015 г. задача существенного улучшения деятельности различных «мозговых центров» (*think tanks*), занимающихся внешнеполитической проблематикой¹⁵, оставалась в фокусе внимания и в 2016 г. Например, развернутое обсуждение этой проблемы имело место 6 апреля в журнале «Сяндай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения»), издаваемом Академией современных международных отношений в Пекине¹⁶. В ходе дискуссии акцентировалась новаторская для китайских интеллектуальных кругов мысль, что «мозговые центры» должны не только разъяснять внутренней и международной аудитории действия своего правительства и популяризировать их, но и проводить по-настоящему независимые исследования, служить «голосом общественности».

В «полевой» дипломатии Пекина в центре внимания в 2016 г. находилась ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ). В первой половине года, в ожидании вердикта Постоянной палаты Третейского суда в Гааге по иску Филиппин к Китаю от 22 января 2013 г. по вопросу о принадлежности ряда островов ЮКМ и близлежащих водных аква-

торий, Китай всеми доступными средствами стремился обосновать, прежде всего с помощью исторических аргументов, свой суверенитет над соответствующими территориями. Одновременно оппонентам внушалась мысль, что обострение ситуации стало следствием вмешательства внерегиональных сил, в первую очередь США, и предлагалось вернуться к принципу решения спорных вопросов путем переговоров.

Тем не менее вынесенное 12 июля решение оказалось не в пользу Китая, практически все его претензии на обладание участками суши в ЮКМ (островки, рифы, мели, банки и т.п.) и окружающими их водами были отвергнуты.

В последовавших за этим заявлениях министра иностранных дел Китая по итогам арбитража и правительства КНР о территориальном суверенитете, морских правах и интересах страны в ЮКМ вердикт Третейского суда был объявлен «недействительным»¹⁷ (как это было обещано ранее¹⁸). Вновь было заявлено о суверенитете Китая над островами и наличии у островов ЮКМ эксклюзивных экономических зон и шельфа. 13 июля была опубликована пространная «белая книга» канцелярии информации Госсовета КНР «Китай придерживается позиции разрешения путем переговоров споров между ним и Филиппинами в Южно-Китайском море», в которой подробно излагалась китайская версия истории конфликта¹⁹. В китайских материалах заслуживает внимания тот любопытный факт, что гоминьдановская администрация, принимавшая после Второй мировой войны управление над островами ЮКМ от капитулировавшей Японии, была доставлена «на место действия» на военных судах США²⁰.

Как бы то ни было, многие наблюдатели в мире оценили случившееся как довольно тяжелое поражение Китая. В ряде комментариев звучали даже откровенно злобные нотки, Китаю предрекали «тяжелые времена». Однако Пекину удалось достаточно быстро переломить неблагоприятную ситуацию. Прибегнув к содействию Камбоджи и Лаоса, он минимизировал возможные негативные для него последствия вердикта Гаагского трибунала на встрече министров иностранных дел АСЕАН и Китая во Вьентьяне 25 июля 2016 г. В итоговом заявлении встречи арбитраж не упоминался, одновременно была подчеркнута роль Декларации 2002 г. о поведении сторон в Южно-Китайском море в разрешении имеющихся споров. Участники встречи от АСЕАН высказались за возобновление переговоров между КНР и Филиппинами²¹. А с избранием Родриго Дутерте новым президентом Филиппин начался заметный дрейф этой страны от США к Китаю.

Впрочем, ситуация вокруг ЮКМ разрешилась далеко не окончательно, а лишь совершила очередной круг, вернувшись на близкую к исходной позицию.

Конфликт в ЮКМ негативно сказался на китайско-американских отношениях. По мнению одного из ведущих китайских американистов Ван Цзисы, это было вполне закономерно, поскольку развитие ситуации в данном регионе затрагивает как вопрос территориальной целостности Китая, так и стратегическую безопасность США в западной части Тихого океана. В то же время китайский политолог полагает, что проблема ЮКМ не должна определять суть китайско-американских отношений, в чем с ним согласны и некоторые американские эксперты²². В связи с этим на протяжении 2016 г. не раз высказывались предложения перенести центр тяжести отношений КНР с США с конкретных двусторонних проблем на выработку общих подходов и синхронизацию действий в сфере глобального управления. Как утверждает Ян Цземьянь из Шанхайской академии международных отношений, китайский подход не противоречит американскому, они дополняют друг друга. Пекин не стремится заменить созданный и руководимый США механизм глобального управления, он хочет быть лишь участником, строителем и реформатором действующего международного порядка²³.

Таким образом, активизация идеи более тесного сотрудничества Пекина и Вашингтона в сфере глобального управления стала одной из примет 2016 г. Однако, похоже, с ней далеко не все солидарны и в Китае, и в США. К тому же в американской внешней политике немало прагматиков, ставящих во главу угла подход Пекина к решению

практических проблем, беспокоящих США и их союзников. В этом плане показательна критика американской стороной Китая за его возражения против размещения системы ТНААД в Республике Корея: как отмечает известный специалист по Китаю, ныне вице-президент Фонда Карнеги Дуглас Паал, «усилия по противодействию растущей угрозе со стороны Северной Кореи воспринимаются Китаем как агрессивные и требующие от Пекина ответных мер для защиты своей безопасности»²⁴.

С учетом нарастающей неопределенности в двусторонних отношениях многого ждали от встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина во время саммита G-20 в Ханчжоу. Как констатировал Д. Паал, «для лидеров США и Китая это была крайне важная встреча, когда они имели возможность напрямую высказать свои принципиальные позиции на фоне непростых отношений конкуренции и сотрудничества, характерных в последнее время для отношений двух держав»²⁵. Итогом встречи стала «сверка часов» по всему спектру двусторонних отношений²⁶.

В перечне итогов встречи, представленном китайской стороной, положительно оценен прогресс в строительстве «междержавных отношений нового типа». Американская сторона выразила поддержку экономическим реформам в Китае, особенно «реформам со стороны предложения», сокращению избыточных производственных мощностей. Было констатировано, что проблема избыточных мощностей в сталелитейной и ряде других отраслей промышленности носит глобальный характер и требует коллективных усилий для ее решения. Отмечено продвижение работы в направлении заключения двустороннего инвестиционного соглашения «высокого уровня». Заметное внимание уделено активизации сотрудничества двух стран в военной сфере, в обеспечении кибербезопасности, борьбе с коррупцией и терроризмом, в области гуманитарных обменов, взаимодействия регионов и побратимских организаций. Международная повестка оказалась прописана очень лапидарно и по набору тем (АТР, Афганистан, Ирак, Сирия, Южный Судан, ООН), и по существу затронутых проблем. Отмечены «широкие общие интересы и общая ответственность за поддержание мира, стабильности и процветания в регионе АТР», приверженность сторон решению сирийской проблемы политическими и дипломатическими методами при ведущей роли ООН.

Определенный позитивный посыл «ханчжоуского саммита» был в какой-то мере смазан фактом избрания следующим президентом США Д. Трампа, не раз прибегавшего в ходе избирательной кампании к антикитайской риторике. К опасениям возможного обострения двусторонних проблем добавилась угроза реанимации Вашингтоном розыгрыша «тайваньской карты». В прогнозах о возможном развитии китайско-американских отношений недостатка нет. Среди них есть и позитивные. Так, известный сингапурский политик Кишор Махбубани полагает, что тесное взаимодействие с Китаем поможет экономическому росту самих США и благоприятно для решения проблем планеты в целом²⁷.

Китайско-российское взаимодействие в 2016 г. носило почти столь же интенсивный характер, как и в 2015 г.

Москва и Пекин широко отметили 15-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и 20-летие провозглашения сторонами курса доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Получила продолжение традиция встреч и обменов мнениями глав Китая и России в формате различных международных саммитов (форумы «двадцатки», АТЭС, БРИКС и т.д.). В то же время визит президента РФ В.В. Путина в Китай 25 июня ознаменовался подписанием не только традиционного Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики, но и дополнительных документов: Совместного заявления Президента РФ и Председателя КНР об укреплении глобальной стратегической стабильности, Совместного заявления Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства, Декларации РФ и КНР о повышении роли международного права. В общей сложности

сти по итогам визита В.В. Путина было подписано 37 документов (большинство — экономического характера). Кроме того, к данному визиту было приурочено обнародование Совместного заявления Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции КНР об официальном запуске переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и КНР.

Достаточно плодотворной стала и 21-я регулярная встреча премьеров двух стран в ноябре в Санкт-Петербурге. Достигнута договоренность о создании межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока КНР. Наряду с десятками соглашений и меморандумов экономического характера был также подписан межправительственный протокол об итогах первой совместной проверки российско-китайской государственной границы.

Новым элементом сотрудничества в военной сфере стало проведение в сентябре военно-морских маневров двух стран в акватории Южно-Китайского моря (ранее такие маневры проводились в Японском и Восточно-Китайском морях). Маневры планировались заранее, и их проведение после вердикта Третейского суда в Гааге стало случайным совпадением. Однако сам факт их проведения именно в ЮКМ породил немало спекуляций относительно того, насколько далеко может зайти взаимная военная поддержка России и Китая. Отвечая на озабоченности такого рода, пекинская газета «Global Times» отметила в своей передовице: «Покуда у третьей страны нет скрытых мотивов, ей нечего беспокоиться по поводу китайско-российских маневров. Если же некая страна стремится к глобальной гегемонии и доминированию в западной части Тихого океана, ей стоит подумать дважды, ведь с Китаем или Россией трудно иметь дело и поодиночке, не говоря уже о том, когда они действуют совместно»²⁸.

Как бы то ни было, в совместном заявлении РФ и КНР от 25 июня была подтверждена приверженность сторон «поддержанию законного порядка на основе принципов международного права», урегулированию имеющихся споров «мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне»²⁹.

В комплексе двусторонних китайско-российских отношений все более важное место занимают торгово-экономические связи. Им удалось отойти от шокового потрясения 2015 г., когда объем торговли товарами упал на 28,6% — до 68,06 млрд долл. по сравнению с 95,28 млрд долл. в 2014 г. (по данным таможенной статистики КНР³⁰). Доля РФ в товарообороте Китая снизилась с 2,21% до 1,72%. В 2016 г. объем торговли между КНР и РФ удалось несколько увеличить: он составил 69,5 млрд долл. (прирост 2,2%), в том числе экспорт КНР 37,3 млрд (+7,3%) и импорт КНР 32,2 млрд долл. (-3,1%).

В структуре торговли происходят определенные подвижки. Главным товаром российского экспорта в КНР остается нефть. За 10 месяцев ее поставки составили 39,11 млн т по сравнению с 38,58 млн т за весь 2015 г.³¹ Однако в связи со снижением среднегодовой цены на нефть стоимостной объем её экспорта падает, снижается и доля углеводородов в российском экспорте в КНР: с 71,5% в 2014 г. до 60,7% в 2015 г. и еще ниже в 2016 г. Одновременно в экспорте несколько выросла доля других товарных групп: продовольствия, некоторых видов машин и оборудования.

Взаимное инвестирование постепенно переходит из разряда деклараций о намерениях в область практической реализации. В апреле китайская компания «Хайэр» (Haier) открыла в Набережных Челнах завод по производству холодильников, который стал первым реализованным совместным проектом двух стран за пределами энергетики³². В провинции Хэнань в ноябре российской инвестиционно-промышленной группой «Ви Холдинг» завершено создание комплекса по производству высокоточных алюминиевых сплавов и продукции горячего и холодного проката мощностью 600 тыс. тонн в год³³.

Есть некоторое продвижение в развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества в создании инфраструктуры Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). 23 июня «на полях» саммита глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте была одобрена программа строительства экономического коридора Китай — Монголия — Россия. Предметно прорабатываются вопросы создания коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». С китайской стороны согласованы параметры возможного роста грузопотока по двум этим коридорам с 1,5 млн т в настоящее время до 45 млн т в год в перспективе³⁴. Международный транспортный комплекс «Приморье-1», ориентированный главным образом на транзит грузов из провинции Хэйлуцзян через порты Владивостока и Находки в направлении зарубежных портов Японского и Восточно-Китайского морей, уже фактически начал работать. Однако на комплексное обустройство коридора еще нужно до 145 млрд руб. инвестиций. Коридор «Приморье-2», ориентированный на вывоз грузов из провинции Цзилинь через порт Зарубино, требует строительства современной портовой и железнодорожной инфраструктуры. Для его реализации нужны инвестиции порядка 170–200 млрд руб.³⁵

Между тем явная нехватка инвестиций в России и неудовлетворительные темпы ее экономического роста начинают вызывать беспокойство в Китае как фактор, способный затормозить выстраивание оптимальных логистических маршрутов в контексте программы ЭПШП.

Называя Россию «ключевым государством» для успешной реализации всего проекта ЭПШП, некоторые китайские политологи, тем не менее, полагают, что недостаточные финансовые возможности РФ, особенности ее экономической системы и «охранительное» отношение России к Центральной Азии в геополитике и геоэкономике формируют потенциальные ограничения и препятствия на пути развития двустороннего сотрудничества, в том числе в строительстве инфраструктуры и реализации ЭПШП в целом³⁶.

После периода колебаний в России осознали, что страна является бенефициаром реализации проекта сухопутного Шелкового пути, и активно стараются использовать связанные с ним возможности.

Если в 2015 г. Китай обеспечивал 41% транзита через Россию, то в 2016 г. эта доля возросла до 74%. Перспективы возможного наращивания транзитных перевозок видны хотя бы из того обстоятельства, что в настоящее время суммарный оборот между Китаем и Европой составляет 14 млн контейнеров в год, из которых через Казахстан — Россию — Белоруссию проходит чуть более 1%. На обустройство транспортно-терминальной инфраструктуры на этом маршруте уже сегодня требуются инвестиции минимум в 2,5 млрд долл., а в перспективе — до 10–12 млрд долл.³⁷

Так что от способности России своевременно изыскать необходимые средства будут зависеть и ее позиции в ЭПШП, и темпы реализации этого проекта в целом.

Следует учитывать и возможную конкуренцию. Китай уже вкладывает крупные средства в модернизацию транспортно-перевалочного комплекса в Белоруссии, который будет обеспечивать короткий выход в Центральную и Восточную Европу. Предлагает свои услуги по транзиту китайских грузов в Европу и Украина. Хотя с учетом необходимости использовать переправы через Каспий и Черное море этот маршрут не самый удобный, Киев стремится завлечь Пекин обещаниями разместить у себя часть китайских экспортных производств и имеющимся у него льготным тарифным режимом в торговле с ЕС³⁸.

* * *

Таковы, на наш взгляд, некоторые основные особенности внешней политики КНР в 2016 г. В текущем году, судя по заявлениям министра иностранных дел Китая Ван И и спикера МИД КНР Гэн Шуана, страна продолжит реализовывать политику ве-

ликой державы с китайской спецификой. Особое внимание придается обеспечению благоприятной международной обстановки для проведения XIX съезда КПК, организации в Китае форума высокого уровня по проблеме «Пояса и пути» и китайскому председательству в формате БРИКС. Будут продолжены усилия по совершенствованию глобального управления. Китай рассчитывает сохранить здоровое развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей с США в период «вхождения во власть» новой администрации во главе с Д. Трампом³⁹.

Наряду с Россией и Европой, фигурирующими в числе приоритетных направлений политики Пекина в 2017 г., стоит также обратить внимание на Японию и Индию, отношения Китая с которыми в 2016 г. находились несколько в тени.

1. *Wu Qimin, Wu Lejun, Zhao Cheng*. China's "circle of friends" enlarged in 2016: FM. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/1223/c90000-9158589.html>.
2. Там же.
3. *Ван И*. 2016 нянь ши Чжунго вайцзяо гунциань кайто дэ чжуньяо и нянь: [2016 год стал важным годом новаторства во внешней политике Китая]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1203/c1002-2892245.html>.
4. *Ван Жэньгуй, Ши Сицзи, Хуан Яньжань, Чжан Юэсэнь*. Цюаньцю цзинци чжили дэ чжунго лянля: [Сила Китая в управлении глобальной экономикой]. Ляован. 2016. № 37. С. 17.
5. *Цзя Сюдун*. G-20 Ханчжоу фэнхуй. Чжунго тэсэ даго вайцзяо ици чэнгун шисянь: [Саммит G-20 в Ханьчжоу: успешный образец дипломатии великой державы с китайской спецификой]. Ляован. 2016. № 37. С. 24–25.
6. *Вань Пэн*. Си Цзиньпин цинчжун чаньцзи ятай фачжань «Чжунго фаньянь» фэнфу цюаньцю цзинци чжили нэйхань: [Си Цзиньпин в концентрированном виде разъяснил «китайский проект» развития АТР, обогащающий содержание глобального экономического управления]. URL: <http://src.people.com.cn/xuexi/n1/2016/1123/c385474-28888696.html>. (дата обращения: 23.11.2016).
7. Там же.
8. См., например: *Holland Tom*. Why China's "One Belt, One Road" plan is doomed to fail // *South China Morning Post* (Hong Kong). 6 Aug. 2016.
9. Китай и более 30 стран подписали соглашения о сотрудничестве по инициативе «Один пояс, один путь». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0606/c31518-9068740.html>. Дата обращения 07.06.2016; *Ван И*. Указ. соч.
10. Прямые инвестиции из Китая за рубеж за 11 месяцев выросли более чем на 55 проц // Синьхуа. 15.12.2016.
11. *Zhao Minghao*. Belt, Road a boon to Central, Eastern Europe // *Global Times* (Beijing). 20.06.2016.
12. *Yong Wang*. Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // *The Pacific Review* (Vancouver). 2016. Vol. 29. No. 3. P. 455–463.
13. *Чэнь Сюйлуи*. Жэньлэй миньюнь гунтунти лилунь цзай Си Цзиньпин вайцзяо сысян чжун дэ дивэй хэ ни: [Место и значение теории человечества как сообщества общей судьбы в дипломатических идеях Си Цзиньпина] // *Дандай шицзе* (Современный мир). 2016. № 7. С. 8–11.
14. *Zhu Feng*. International Relations Think Tanks and Their Issues // *Contemporary International Relations* (Beijing). 2016. Vol. 26. No. 3. P. 14.
15. 20 января 2015 г. ЦК КПК и Госсовет КНР обнародовали «Мнения об усилении строительства «мозговых центров» нового типа с китайской спецификой».
16. Некоторые выступления в ходе дискуссии представлены в англоязычной версии журнала *Contemporary International Relations*. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 14–39.
17. Statement of Chinese Foreign Ministry on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines; Statement of the Government of the People's Republic of China on China's Territorial Sovereignty and Maritime Rights and Interests in the South China Sea // *Beijing Review*. 2016. No. 30. P. 13–16.

18. The Tribunal's Award in the "South China Sea Arbitration" Initiated by the Philippines Is Null and Void // People's Daily Online. 2016. June 11. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0611/c90000-9070386.html>. (Материал подготовлен Китайским обществом международного права).
19. «Белая книга» была, например, опубликована на китайском и английском языках в приложении «Документы» журнала "Beijing Review". 2016. No. 29–30.
20. См., например: The Final Award of the Arbitration amounts to Nothing more than a Piece of Paper: Full Text of Dai Bingguo's speech at China — U.S. Dialogue on South China Sea Between Chinese and U.S. Think Tanks // People's Daily Online. 2016. July 07.
21. *Yu Lintao*. Let's Talk. China and ASEAN are committed to promoting dialogue and prosperity despite regional tensions // Beijing Review. 2016. No. 31. Aug. 4.
22. *Ань Ган*. Чжун Мэй гуаньси жэдянь взньти, ляngo сюэчжэ цзэнмо кань?: [Как ученые двух стран смотрят на горячие проблемы китайско-американских отношений?] // Шицзе чжиши. 2016. № 13. С. 55.
23. Там же. С. 56.
24. *Douglas Paal*. Последнее турне Обамы в Азию: попытка разрешить противоречия с Китаем. URL: <http://carnegie.ru/2016/09/13/ru>.
25. Там же.
26. См.: Чжун Мэй юань шоу Ханчжоу хуйу чжунфан чэнго цинданы: [Представленный китайской стороной перечень результатов встречи глав Китая и США в Ханчжоу] // Жэньминь жибао. 05.09.2016.
27. *Kishore Mahbubani*. Why Trump should work with China // CNN. 10.11.2016.
28. Sino-Russian drills show mutual support // Global Times (Beijing) 12.09.2016.
29. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики 25 июня 2016 года // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>.
30. Хайгуань тунци: [Таможенная статистика]. Пекин. 2015. № 12. С. 118.
31. *Старинская Г.* Китай медлит с трубой // Ведомости. 19.12.2016.
32. *Коростиков М.* Поворот на Восток привел в Японию. Успехи и неудачи российской политики в Азии // Коммерсант. 30.12.2016.
33. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1110/c31518-9139472.html> (дата обращения: 10.11.2016).
34. *Вдовина Т., Коростиков М.* Дальний Восток испытал прилив инвесторов. На ВЭФ прошел китайско-японский день. URL: <http://www/kommersant.ru/doc/3080905>.
35. *Платонова М.* Приморье прирастет транзитом // Коммерсант. 02.09.2016.
36. *Сюй Цинхуа, Ши Иньхун*. Чжунго дуйвай чжаньлюэ чжун дэ Элосы: сяньчжо ни юй цяньцзай фусян: [Россия во внешней стратегии Китая: большое значение и скрытые препятствия] // Чжунго вайцзяо (Пекин). 2016. № 7. С. 29–32.
37. *Штанов В.* Россия выезжает на «Шелковый путь» // Ведомости («Грузоперевозки»). 13.12.2016.
38. *Никорак И.* Украина должна максимально использовать возможности Шелкового пути. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0105/c31519-9162997.html> (дата обращения: 05.01.2017).
39. Вайцзяобу: цзисюй кайчуань Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь: [Министерство иностранных дел: продолжить создавать новую обстановку дипломатии великой державы с китайской спецификой]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0103/c1002-28996071.html>. (дата обращения: 04.01.2017).

Некоторые итоги российско-японских переговоров на высшем уровне

© 2017

В.В. Кузьминков, В.Н. Павлятенко

В статье освещаются российско-японские переговоры на высшем уровне, прошедшие 15–16 декабря 2016 г. в Японии, дается краткая оценка их результатов. Представлен также аналитический обзор реакции в политологических и деловых кругах России и Японии на итоги встречи в верхах.

Ключевые слова: Россия, Япония, российско-японские отношения, южные Курилы, Дальний Восток России, Хоккайдо, мирный договор, Совместная декларация.

15–16 декабря 2016 г. президент России В.В. Путин посетил Японию с двухдневным рабочим визитом, во время которого были проведены российско-японские переговоры на высшем уровне.

Первый их раунд состоялся 15 декабря 2016 г. в г. Нагато (преф. Ямагути) — родном городе премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Второй был проведен 16 декабря 2016 г. в Токио в формате рабочего завтрака, на который были приглашены главы министерств и ведомств, представители деловых кругов двух стран. Затем оба руководителя приняли участие в заседании форума деловых кругов России и Японии и в последующей церемонии подписания пакета двусторонних документов.

Переговоры в Нагато проходили в узком составе и длились около трех часов, из которых в течение 95 минут президент России и премьер-министр Японии общались только в присутствии переводчиков. Именно в этом формате оба лидера рассмотрели ситуацию с подготовкой к дальнейшим переговорам по мирному договору и обсудили основные темы двусторонних отношений: политический диалог, вопросы безопасности и международную проблематику. Особое внимание было уделено совершенствованию мер по упрощению контактов между гражданами России и Японии, что, по убеждению сторон, будет способствовать наращиванию взаимовыгодного сотрудничества в экономической и культурно-гуманитарной сферах. Речь шла о совершенствовании визового режима в приграничных районах и на Курильских островах. Президент России предложил ввести режим свободного приграничного перемещения жителей Сахалинской области и Хоккайдо. Оба лидера договорились о максимальном обеспечении свободного доступа даже в те районы, которые до сих пор были закрыты. По мнению Абэ, такие решительные шаги со стороны российского президента не в последнюю очередь были обусловлены письмами бывших японских жителей островов, которые впервые в истории послевоенных советско/российско-японских отношений были вручены российскому лидеру, а некоторые из них прочитаны им.

Кузьминков Виктор Вячеславович, Ph.D. по политологии, старший научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: kuzminkov@yahoo.com.

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: victor@tnc.ru.

В ходе встречи оба руководителя отметили активизацию в последнее время контактов на разных уровнях и в разных форматах: диалог по стратегическим вопросам на уровне первых заместителей министров иностранных дел, серия консультаций по линии внешнеполитических ведомств, контакты пограничных служб и лиц, обеспечивающих безопасность мореплавания, контакты по линии секретарей советов безопасности России и Японии и др. Переговорщики выразили обоюдное согласие восстановить и другие механизмы двустороннего общения, которые последние годы были заморожены. В частности, российский президент предложил возобновить диалог по линии «два плюс два» (министры иностранных дел и обороны), а также встречи начальников генштабов, на что японский премьер-министр отреагировал позитивно¹.

При обсуждении международной ситуации оба лидера прежде всего отметили, что сотрудничество сторон в рамках ООН «идет неплохо», и статус Японии как постоянного члена Совета Безопасности ООН создает дополнительное поле для совместных действий. Высокая оценка была дана проекту подготовки афганских полицейских в центре МВД РФ в Домодедово при финансовой поддержке японской стороны.

Путин и Абэ обменялись мнениями о том, в каком состоянии находится сирийское урегулирование, ситуация на Украине в свете необходимости полного выполнения Минских соглашений. По словам министра иностранных дел России С. Лаврова, «здесь позиции практически совпадают».

Обсуждая общие проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, президент России довел до своего японского коллеги точку зрения о том, что стремление США создать в Северо-Восточной Азии позиционный регион ПРО рассматривается российской стороной как часть американской глобальной наступательной системы, а иностранное военное присутствие в регионе не адекватно угрозам со стороны КНДР. По оценке Лаврова, по итогам беседы сложилось впечатление, что «японские коллеги лучше стали понимать российские озабоченности в этой связи». Одновременно было отмечено, что, несмотря на особые отношения Японии с США, Россия и Япония заинтересованы в тесном сотрудничестве в различных форматах по обеспечению региональной безопасности, таких как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатские саммиты, встречи министров обороны «АСЕАН плюс партнеры».

Во второй день визита, 16 декабря, лидеры двух государств продолжили консультации в резиденции премьер-министра Японии в Токио в расширенном формате. После завершения переговоров президент России и премьер-министр Японии приняли участие в пленарном заседании российско-японского форума деловых кругов, присутствовали на церемонии подписания крупного пакета двусторонних документов, а затем сделали заявления для прессы и провели пресс-конференцию.

В экономической сфере конкретным итогом переговоров стал внушительный список подписанных документов, призванный обеспечить развитие экономического сотрудничества двух стран. В него вошли 12 межправительственных и межведомственных соглашений, 24 конкретных соглашения по уже согласованным проектам, 32 меморандума о взаимопонимании между компаниями обеих стран. Общая сумма контрактов, по оценкам, составляет примерно 300 млрд иен (2,5 млрд долл.)².

Одна из особенностей прошедших переговоров состояла в отсутствии традиционного политического заявления сторон, где бы в любой форме был отражен их главный итог, на который была настроена не только японская переговорная команда, но и вся страна — судьба мирного договора и перспективы решения вопроса о «возвращении северных территорий». По окончании российско-японских переговоров на высшем уровне это обстоятельство во многом стало причиной жесткой критики премьер-министра Абэ не только представителями политического истеблишмента, оппозиционными силами, но и его однопартийцами.

Вместе с тем оба лидера высказались о своих подходах и отношении к проблеме заключения мирного договора и сделали специальное Заявление для прессы по итогам

российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах). Именно в этом Заявлении обе стороны выразили консолидированное мнение о том, что начало консультаций о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на южных Курильских островах станет «важным шагом на пути к заключению мирного договора»³. В Заявлении также отмечается, что Россия и Япония могут заключить отдельный международный договор в процессе консультаций о совместной хозяйственной деятельности двух стран на южных Курильских островах. По оценке обоих лидеров, углубление взаимодействия между Россией и Японией будет способствовать развитию двусторонних связей и созданию атмосферы доверия. При этом из текста документа следует, что само Заявление, любые достигнутые на его основе договоренности о налаживании совместной хозяйственной деятельности и осуществление этой деятельности «не наносят ущерба позициям России и Японии по проблеме мирного договора». В данном вопросе стороны, похоже, пока не достигли понимания, и дальнейшее согласование позиций станет ключевой проблемой реализации сотрудничества на Курилах в близкой перспективе.

В сочетании с Заявлением для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам гуманитарного сотрудничества), опубликованном 16 декабря 2016 г. и посвященном решению вопросов безвизового обмена, данное Заявление, по сути, становится ключевым в оценке общих итогов состоявшихся переговоров на высшем уровне.

Следует отметить, что среди документов, которые были отправлены обоими лидерами на доработку, наиболее заверченный вид носили документы, касающиеся вопросов безвизового обмена и дальнейшей либерализации этой сферы двусторонних отношений. В сообщении МИД РФ от 27 декабря 2016 г. говорится, что с 1 января 2017 г. российской и японской сторонами на основе взаимности вводятся в действие синхронизированные меры, направленные на упрощение визового режима поездок для граждан двух стран. Отмечено также, что российская сторона готова к возобновлению совместной работы по дальнейшей либерализации визового режима, вплоть до отмены визовых требований при взаимных поездках граждан двух стран⁴.

Что касается безвизовых обменов между населением Сахалинской области и Хоккайдо, то для реализации указаний президента России и премьер-министра Японии, сделанных во время переговоров и отраженных в совместном Заявлении, есть очень хорошая основа. По Соглашению о взаимных посещениях японских и русских захоронений на территории СССР и Японии от 2 июля 1986 г., бывшие жители этих островов, а также члены их семей имеют возможность посещать южные Курилы без виз. В 1991 г. безвизовый режим был распространен и на туристические группы. Для посещения островов достаточно представить паспорт, к которому необходимо получить специальный вкладыш с отметками о пересечении границы. Жители Курил также без виз могут совершать краткосрочные поездки в Японию. В общей сложности с 1992 г. Курильские острова посетили более 21 300 японских граждан и более 9 600 курильчан выезжали в Японию (в 2016 г. — 802 японца и 282 гражданина РФ)⁵.

По окончании официальной части двусторонних встреч оба лидера сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров. Премьер-министр Абэ, высоко оценив итоги переговоров, заявил, что благодаря ряду встреч на высшем уровне ему удалось построить с президентом Путиным «глубокие доверительные отношения». В свою очередь президент России выразил благодарность японской стороне за гостеприимство и деловой, конструктивный подход ко всем обсуждавшимся вопросам.

* * *

Российско-японские переговоры на высшем уровне, которые стали самым заметным событием во внешнеполитической жизни России в 2016 г., и их итоги были по-разному оценены как в России, так и в Японии.

Россия. Главный политический итог прошедших переговоров для России состоит в том, что было явно подорвано «единство семерки» в отношении санкционного кордона вокруг России. При всех попытках японской стороны сохранять символическое единение с западным миром, визит российского президента и результаты переговоров стали ярким свидетельством тщетности попыток Запада изолировать Россию. Япония не то чтобы намеренно помогла это сделать, а предпочла использовать геополитическую ситуацию для реализации собственных национальных интересов. Подтверждением этому служит ряд факторов:

1. Визит российского президента в Японию и тот прием, который был ему оказан, резко контрастируют с отношением к главе российского государства западноевропейских и американского руководителей и свидетельствуют о признании его в качестве мирового лидера.

2. Несмотря на санкционный режим в отношении ряда высокопоставленных российских государственных деятелей, высшие должностные лица РФ, тем не менее, посещали Японию. Характерно, что японская сторона не публиковала этот персональный санкционный список, что открыло «двери» для таких визитов.

3. Японская сторона, по сути, отменила некоторые свои санкции. Так, после введения в марте 2014 г. санкций в отношении России Токио приостановил консультации с Москвой о смягчении визового режима. Однако вышеуказанное сообщение МИД РФ о синхронизированном введении новых визовых правил расценивается, в том числе и японской прессой, как фактическое смягчение санкций.

4. Ряд подписанных во время переговоров соглашений, связанных с инвестированием и кредитованием российских компаний и совместных российско-японских предприятий, являются, по сути, вызовом западным санкциям в отношении финансовых сделок с Россией. К этой же категории относится создание Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Японским банком международного сотрудничества (JBIC) совместного инвестиционного фонда с общим объемом 1 млрд долл.

5. Российская сторона не сделала каких-либо обязывающих ее политических заявлений в отношении заключения мирного договора и «решения территориального вопроса». Напротив, обе стороны совместно продекларировали понимание того, что процесс заключения мирного договора не является однозначным, и в его решении не может быть каких-либо ограничительных сроков.

6. В сложнейшей геополитической обстановке, связанной с западными санкциями в отношении России, кризисом в мировой экономике, в условиях фактической информационной войны Запада, возглавляемой США, российский лидер смог заложить основы для развития всесторонних отношений на японском направлении.

Вышесказанное не означает отсутствия критических настроений в разных кругах в России. Так, среди некоторых российских бизнесменов, участвовавших в подготовке переговоров, существует мнение, что нынешний формат отношений нельзя назвать совершенно новым. Японцы, отмечают они, придают большое значение количеству подписанных соглашений, а российский бизнес главное внимание обращает на содержание этих соглашений — есть ли крупные проекты, свидетельствующие о движении вперед. В нынешнем пакете таких проектов нет. Более того, как отмечают эти же бизнесмены, с момента выдвижения в мае 2016 г. премьером Абэ плана экономического сотрудничества российские представители неоднократно передавали в Токио свои пожелания по реализации рассматриваемых проектов. Однако эти обращения оставались без ответа, а сами проекты были сведены до самых скромных параметров.

Ряд российских представителей, оценивая отказ Токио снять с России ряд санкций, не без оснований считают, что японский союзник в приоритетном плане согласует все свои действия на международной арене с США, поэтому говорить о какой-то российско-японской дружбе преждевременно.

Достаточно объективной выглядит точка зрения о том, что в отсутствие альтернативы союзу с США, гарантирующему безопасность Японии, Токио вряд ли осмелится в ближайшей перспективе пересмотреть условия Договора о безопасности, которые обязывают Японию предоставлять любую территорию для размещения американских баз. В этом смысле, в случае гипотетической передачи южных Курил Японии возможно размещение на них американской базы, представляющей реальную угрозу безопасности России на дальневосточном направлении.

Целый ряд российских экспертов, политологов и бизнесменов скептически рассматривают разработку в ближайшем будущем «специальной системы» сотрудничества на южных Курилах без компромисса со стороны России в отношении ее суверенитета над южными Курилами. Поэтому существует убежденность, что не следует отказываться от идеи российско-японского сотрудничества на южных Курилах, но необходимо «сбросить скорость» выработки правил поведения, чтобы не наделать трагических ошибок. Такой скепсис звучит из уст малого и среднего российского бизнеса. Что же касается крупного российского бизнеса, то он менее критически оценивает перспективы двустороннего сотрудничества.

Япония. По оценке премьера Абэ, будущие поколения охарактеризуют российско-японские переговоры на высшем уровне 15–16 декабря 2016 г. как время «выведения японско-российских отношений на орбиту существенного развития». Японский лидер публично оценил визит президента России как «значительный успех», а встречи в Нагато и Токио — как «важный шаг к мирному договору». Сразу после визита в телевизионном интервью Абэ заявил о достигнутой договоренности начать переговорный процесс по территориальному вопросу. По его словам, речь идет о «беспрецедентной» форме совместной экономической деятельности на южных Курилах. Однако далеко не вся японская общественность разделяет оптимизм своего премьер-министра.

Токио рассчитывал, что главной целью визита будет достижение существенного прогресса в разрешении территориального спора Японии с Россией. С целью преодоления территориального тупика Абэ объявил в мае 2016 г. о «новом подходе» к отношениям с Россией. Суть этого подхода — использовать экономическое сотрудничество в восьми ключевых областях для создания позитивной динамики в двусторонних отношениях, что, как предполагалось, будет способствовать прорыву в территориальном вопросе. Визит Путина должен был стать кульминационной точкой в этом плане. Однако окончательные результаты переговоров на высшем уровне принесли японской общественности не только разочарование, но и вызвали жесткую критику в адрес японского лидера. «Мы не можем избавиться от впечатления, что территориальный вопрос вообще не обсуждался» (глава Демократической партии Мурата Рэнко). «Россия — не та страна, от которой ждешь действий на основе доверия или экономического сотрудничества» (глава Компартии Японии Сии Кадзуо). Комментируя итоги российско-японских переговоров, генеральный секретарь правящей ЛДП Никаи Тосихиро заявил: «Мы должны откровенно признать, что большая половина нашего народа разочарована случившимся»⁶.

В японском обществе преобладают весьма скромные оценки визита, а времена даже разочарование. Основная проблема видится в отсутствии прогресса в отношении суверенитета над четырьмя островами. Согласно опросу общественного мнения, проведенному агентством Киодо 17–18 декабря 2016 г., недовольны результатами российско-японских переговоров 54% опрошенных, что считается одной из причин падения поддержки кабинета Абэ почти на 6% по сравнению с ноябрем⁷.

Задолго до встречи в верхах, на протяжении всего 2016 г., большая часть японской общественности была убеждена, что на переговорах будет достигнуто конкретное соглашение по ключевому для японской стороны территориальному вопросу. Такое убеждение было искусственно создано японскими СМИ, которые, опираясь на комментарии проамериканских экспертов из России, преподносили предстоящую встречу как возможный «прорыв» в территориальном вопросе. Обсуждалось только одно — соглашаться ли на

два острова, передача которых была зафиксирована в Совместной декларации 1956 г. Напомним, что тогда Япония от «презента» отказалась, однако сейчас опросы общественного мнения показывают, что большая часть населения готова согласиться с решением проблемы на условиях Совместной декларации.

Поскольку конкретного соглашения по территориальному вопросу достигнуто не было, представители академического сообщества Японии оценили итоги переговоров как неудачные. По мнению историка Вада Харуки, придерживающегося либеральных взглядов, разочарование вызывает то, что была упущена «наилучшая возможность завязать разговор о принадлежности четырех северных островов». При этом «реалистичный вариант решения проблемы» японский ученый видит в «передаче Японии двух островов (группы Хабомаи и Шикотана) на основе Совместной японо-советской декларации». Более того, Вада справедливо отмечает, что «нет никакой гарантии, что сторонам удастся достичь согласия в отношении формы совместной экономической деятельности так, чтобы она не наносила ущерба принципиальным позициям обеих сторон»⁸.

С более жесткой критикой итогов визита выступили сторонники консервативных взглядов. Так, японский эксперт Хакамада Сигэки оценил результаты российско-японских переговоров в Нагато как «полное поражение» японской стороны. Причину Хакамада видит в том, что «японские СМИ, большинство японских экспертов и политиков в полной мере не осознают жесткую логику и менталитет российского руководства, включая Путина, в отношении государственного суверенитета. Они наивно и оптимистично считали, что Япония нужна России, и если развивать экономическое сотрудничество в соответствии с пожеланиями российской стороны, а также показать доверие и благие намерения японской стороны и рассказать о настроениях коренных жителей островов, то президент Путин уступит три или четыре небольших острова, или хотя бы Шикотан и Хабомаи, площадь которых составляет всего 7% всей территории» южных Курил. В результате Хакамада делает вывод, что «политика Японии в отношении России была не объективной и эмоциональной, она основывалась на вере в людей. Россия же вела себя хладнокровно и жестко, она оказалась более искусным переговорщиком, чем Япония»⁹.

Другой видный эксперт — сторонник консервативных взглядов Кимура Хироси считает, что сосуществование Японии и России, о котором договорились лидеры двух стран, невозможно без достойного решения территориальной проблемы. По мнению Кимура, в связи с тем, что «четыре северных острова находятся под оккупацией российских вооруженных сил, Японии следовало ввести наиболее жесткие санкции против России. Вместо этого японская сторона фактически нарушает санкции», приглашая в Японию президента Путина и других высокопоставленных российских чиновников, которым закрыт въезд в другие страны «большой семерки»¹⁰.

Комментируя выступление премьер-министра Абэ на совместной пресс-конференции, Кимура особо выделяет следующее высказывание: «Нельзя заикливаться на прошлом, надо начертить такой образ этих четырех северных островов, где смогут сосуществовать японцы и русские... необходимо мышление, устремленное в будущее. Основываясь на этом новом подходе, мы пришли к согласию начать переговоры о совместной экономической деятельности в рамках особого режима». По мнению Кимура, на первый взгляд, это — безобидное высказывание, на самом деле, оно является очень опасным, «поскольку, хотим мы того или нет, но настоящее и будущее строятся на прошлом... две наши державы не смогут построить подлинно добрососедские отношения, не решив проблему прошлого, когда Советский Союз силой отнял у Японии ее исконные территории»¹¹.

Однако в Японии существуют и менее пессимистические оценки прошедших переговоров. В частности, ряд известных экспертов утверждают, что и Япония, и Россия достигли своих целей. Утверждается, что после переговоров 15–16 декабря 2016 г. удалось создать условия, в которых возможно проведение не формальных, а практических переговоров по таким важным вопросам, как проблема «северных территорий» и экономическое сотрудничество. Это как раз тот максимум, которого Япония смогла добиться.

Ценность этого достижения состоит в том, что указанный результат имеет перспективу быть стабильным и носить долгосрочный характер. Иначе говоря, Япония продвинулась в своих попытках в целом придать проблеме «северных территорий» долгосрочный характер. Еще большую ценность представляет тот факт, что во время переговоров со стороны российской делегации речь шла о всех трех основных островах южных Курил (Итуруп, Кунашир, Шикотан) и группе Хабомаи. Именно в таком составе южные Курилы фигурируют в Токийской декларации (1993), Плана действий (2003), Иркутской декларации (2001). По оценкам этих экспертов, даже готовность российской стороны обсуждать нестандартные условия сотрудничества на южных Курилах без ущерба принципиальной позиции Токио следует рассматривать как компромисс со стороны Москвы, который надо не только сохранять, но и углублять¹².

Анализируя достигнутые в ходе визита договоренности, некоторые эксперты и специалисты по России считают, что Токио все же удалось добиться от Москвы важных политических уступок. Механизм осуществления совместной хозяйственной деятельности, по их мнению, содержит два основных момента. Во-первых, он распространяется на все четыре острова, а не только на Шикотан и Хабомаи. Во-вторых, введя специальный режим, Россия в принципе признает, что у японцев на эти территории больше прав, чем у любого другого иностранного государства.

Таким образом, российско-японские переговоры на высшем уровне и в России, и в Японии оцениваются неоднозначно не только в силу наличия различных подходов к оценке состояния и перспектив развития двусторонних отношений в целом, но и в силу отсутствия доверия между странами, подкрепленного объективными факторами взаимозависимости в экономической и военно-политической областях.

1. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/70vQR5KJ.
2. Для сравнения: во время официального визита премьер-министра Японии Абэ на Филиппины 12–13 января 2017 г. Токио представил Маниле пакет помощи для реализации инфраструктурных проектов и программы реабилитации наркозависимых, а так же для укрепления антитеррористического потенциала Манилы в размере 8,7 млрд долл. См.: *Uebayashi Y., Endo J.* In Duterte territory, Abe stresses America's regional role // *Nikkei.Asian Review*. 13.01.2017.
3. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5151>.
4. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNokJE02w/content/id/
5. Нельзя не упомянуть о неравноправном содержании Соглашения 1991 г., в соответствие с которым участниками безвизового обмена становятся жители южных Курил, а с японской стороны — «граждане Японии». Этот факт привел к тому, что в течение 20 лет в состав японских безвизовых групп входили 3–5 бывших жители или их родственники, остальные — граждане Японии различных категорий, включая членов националистических организаций, выступающих за «возвращение северных территорий».
6. Санкэй симбун. 16.12.2016.
7. URL: <http://www.tokyo-np.co.jp/s/article/2016121801001063.html>.
8. Хоккайдо симбун. 17.12.2016.
9. Санкэй симбун. 20.12.2016.
10. Санкэй симбун. 21.12.2016.
11. Там же.
12. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00289>.

Европейское наступление Пекина

© 2017

А.О. Виноградов

11 декабря 2016 г. исполнилось 15 лет с момента вступления КНР в ВТО. По утверждению китайской стороны, этот срок является основанием для автоматического предоставления Китаю статуса страны с рыночной экономикой. Что изменится в отношениях Китая и стран Европейского союза после этой даты и что стоит за нежеланием европейских стран предоставить Китаю данный статус? Как повлияют на отношения КНР и ЕС результаты референдума в Великобритании? Каковы перспективы заключения соглашения о Трансатлантическом партнерстве ЕС и США и как в результате изменятся позиции Китая в Европе? Эти и другие вопросы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), Китай (КНР), ВТО, статус, brexit, Великобритания, США, Трансатлантическое партнерство.

В первой половине 2016 г. создавалось впечатление, что европейское наступление Пекина, о котором говорили некоторые исследователи¹, замедлилось или сталкивается с рядом трудностей. В их числе — споры о предоставлении Китаю статуса страны с рыночной экономикой, переговоры по поводу Трансатлантического партнерства ЕС и США и так называемый brexit, то есть результаты июньского референдума в Великобритании по поводу выхода из состава ЕС.

Споры вокруг статуса «страны с рыночной экономикой» связаны с 15-летней годовщиной присоединения Китая к ВТО (Протокол о присоединении КНР к ВТО был подписан 11 декабря 2001 г.). Причем за долгие годы споров с европейцами, упорно не желающими предоставить рыночный статус Китаю², сами китайцы смогли убедить практически всех комментаторов в том, что в соответствии с уставом ВТО и подписанными документами по истечении 15 лет с момента вступления рыночный статус должен быть предоставлен КНР автоматически. Убедили всех, кроме самих европейцев и фактически стоящих за их спиной США. В чем проблема?

Обратимся к тексту Протокола³. Пункт (d) параграфа 15 части I («Общие положения»), который имеет непосредственное отношение к проблеме, сформулирован таким образом: «Как только Китай устанавливает, в соответствии с национальным законодательством страны-импортера, являющейся членом ВТО, что его экономика является рыночной, условия пункта (a) должны потерять силу в связи с тем, что национальное законодательство страны-импортера содержит критерии рыночной экономики на момент вступления. В любом случае условия пункта (a.ii) должны потерять силу через 15 лет после даты вступления. Кроме того, если Китай устанавливает, в соответствии с национальным законодательством страны-импортера, являющейся членом ВТО, что рыночные условия преобладают в какой-либо зоне промышленности или секторе, условия пункта (a) больше не должны относиться к этой зоне или сектору».

Таким образом, пункт (d) на самом деле является примечанием к пункту (a) того же параграфа, который, в свою очередь, гласит:

«(a.i.) Если производители продукции в ходе антидемпингового расследования могут с очевидностью доказать, что условия рыночной экономики преобладают в секторе промышленности, производящей данную продукцию, и это касается всех этапов — изготовления, производства и продажи, то страна-импортер ВТО должна при определении ценовой сопоставимости опираться на китайские цены или затраты для промышленности;

(a.ii) Если производители продукции в ходе антидемпингового расследования не могут с очевидностью доказать, что условия рыночной экономики преобладают в секторе промышленности, производящей данную продукцию, относительно изготовления, производства и продажи, страна-импортер ВТО может использовать методологию, которая не основана на строгом сравнении с внутренними ценами или затратами в Китае».

Если эту юридическую казуистику перевести на понятный язык, то следует отметить несколько моментов. О чем идет речь и что такое рыночный статус?

Первое: все вышеуказанные положения касаются исключительно антидемпинговых процедур и используются в ходе антидемпинговых расследований. Второе: рыночный статус принципиально важен для определения «справедливой» цены в ходе данных расследований. Если экономика страны-экспортера признается рыночной, то за основу при определении «справедливой» цены принимаются местные цены и затраты. Если нет — страна-импортер вольна определять «справедливую» цену другими способами (путем сопоставления с ценами других стран, которые считаются рыночными⁴). При этом предусмотрена возможность объявлять те или иные отрасли рыночными еще до того, как будет признана рыночной вся экономика.

Пункт (d), как видим, действительно содержит фразу о том, что по истечении 15 лет возможности использовать другие методики определения цены, кроме тех, что основаны на ценах и затратах страны-экспортера, исчезают автоматически. Что, естественно, лишает большинство антидемпинговых расследований в отношении цены китайской продукции перспектив быть законченными успешно для стран-импортеров. В результате у США и стран ЕС, которые являются основными импортерами китайской продукции, исчезают рычаги давления на Китай.

Разумеется, прежде всего это не устраивает Евросоюз. Предоставление Китаю статуса страны с рыночной экономикой очевидно ограничит способность ЕС сдерживать импорт сравнительно дешевой китайской продукции. В настоящий момент из 69 антидемпинговых мер, применяемых ЕС, 52 действуют в отношении китайских товаров, в том числе стали, керамики, продукции химической промышленности и машиностроения. По данным Еврокомиссии, такие меры распространяются на 1,38% европейского импорта из Китая и затрагивают 250 тыс. рабочих мест в странах-членах ЕС. По состоянию на январь 2016 г., из 28 антидемпинговых расследований, проводимых Европейской комиссией, 16 касаются ввоза товаров из Китая⁵. Получение Китаем статуса рыночной экономики может повлечь за собой сокращение производства европейской продукции на сумму от 114 до 228 млрд евро ежегодно, или 1–2% ВВП, и привести к потере 1,7–3,5 млн рабочих мест в Евросоюзе⁶.

Начиная с января 2016 г. Европейская комиссия обсуждает возможность признания Китая страной с рыночной экономикой. В феврале этот вопрос был рассмотрен на встрече министров торговли стран ЕС в Амстердаме, однако окончательное решение отложили до лета.

Позиции стран-членов ЕС по этому вопросу разнятся. «За» выступают Великобритания, Нидерланды, Финляндия, Швеция и Дания. Германия готова согласиться на предоставление статуса, но при защите некоторых отраслей своей промышленности. Категорически против изменения статуса китайской экономики выступает Италия⁷.

Наиболее сложная позиция по вопросу статуса китайской экономики у США. На словах они еще в конце прошлого десятилетия признали характер китайской экономики рыночным. Однако юридически это не было зафиксировано, и время от времени США вводили компенсационные пошлины против ряда китайских товаров. Перечень продукции, на импорт которой в США были наложены дополнительные таможенные сборы, включал в себя более 20 позиций. Дополнительными пошлинами стали облагаться поставляющиеся из Китая солнечные батареи, ветровые генераторы, мелованная бумага, стальные раковины, лимонная кислота, различные виды труб, включая изделия для нефтяной добычи, провода и прессованная продукция из алюминия и др. С 2007 по 2012 г. Министерство торговли США 17 раз вводило компенсационные таможенные пошлины для китайских товаров. Среднегодовой объем попавшей под дополнительные сборы продукции оценивается более чем в 7 млрд долл. В 2012 г. Китай был вынужден обратиться в суд ВТО, чтобы добиться отмены Вашингтоном необоснованных торговых барьеров. В 2014 г. суд ВТО удовлетворил претензии Пекина. В решении экспертов ВТО говорилось, что Вашингтон не смог юридически доказать, что китайские экспортеры являются государственными органами. По этой причине к данным компаниям нельзя применять так называемые компенсационные пошлины. То есть суд ВТО фактически признал, что китайская экономика является рыночной⁸.

Сегодня предоставление Китаю статуса рыночной экономики в торговле с ЕС совершенно противоречит усилиям США по созданию так называемого Трансатлантического партнерства (ТТIP — Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство). В связи с этим американская сторона, начиная с конца 2015 г., пытается надавить на Брюссель, чтобы замедлить сроки предоставления Пекину желаемого статуса.

Понятно, что, если судить с принципиальных позиций, мало кто согласится с тем, что Китай является страной с рыночной экономикой, то есть такой, где основные параметры функционирования экономики, прежде всего цены на производимые товары, определяются рынком. Как бы ни называли мы Китай — социалистической страной, страной госкапитализма, «специфического рыночного китайского социализма» — ведущая роль государства и компартии в определении стратегии развития и конкретных форм ее воплощения в жизнь сомнению не подлежит. И в том, что касается идеологии, китайские лидеры — прежде всего, Си Цзиньпин, предпринимающий активные усилия по укреплению своей власти в КНР — не устают подчеркивать, что Китай строит социализм, пусть и с китайской спецификой. И руководящая роль компартии в этом строительстве несомненна.

Цены на продукцию (прежде всего предприятий, относящихся к государственному сектору экономики) в КНР в большинстве случаев формируются путем административного торга, а не в результате соотношения спроса и предложения⁹. Однако то же самое можно сказать про большинство стран мира — свободный рынок существует лишь в работах классиков английской политэкономии. В реальной жизни на процесс ценообразования в стране влияют, прежде всего, существующие в ней формы организации власти и хозяйственной жизни, а также множество косвенных факторов, не связанных с соотношением спроса и предложения¹⁰. Можно вспомнить и о субсидировании в развитых странах различных секторов экономики, например, сельского хозяйства.

Это позволяет китайцам вполне обоснованно говорить о размытости критериев рыночной экономики и использовании двойных стандартов странами, имеющими решающий голос в ВТО и других международных организациях, связанных с торговлей и финансами¹¹.

То, что внутренние цены в Китае намного ниже по сравнению с ценами в Европе и США, объясняется низкими издержками производства (более дешевая рабочая сила) и заниженным курсом юаня (если сравнивать по паритету покупательной способности), а не тем, что ценообразование происходит «нерыночными» методами. В любом случае, ес-

ли в ходе антидемпинговых расследований опираться на внутренние китайские цены, то вероятность выигрыша КНР в соответствующих инстанциях весьма велика.

В мае 2016 г. Европарламент принял специальное решение о том, что Китай не является страной с рыночной экономикой¹². Не удалось достичь решения и на саммите КНР — ЕС 12–13 июля 2016 г. в Пекине. Там лишь решили создать специальную двустороннюю комиссию для обсуждения данного вопроса и подготовки «дополнительного соглашения». На саммите G-20 в Ханчжоу этот вопрос если и обсуждался, то в ходе двусторонних встреч при закрытых дверях.

Затяжка с предоставлением Китаю рыночного статуса чревата большим скандалом и для ЕС, и для ВТО в целом. Китайская сторона уже активно обвиняет Евросоюз в «нарушении слова». Европейцы пытаются выторговать в обмен на предоставление статуса какие-то дополнительные возможности, например, предусмотреть некий «переходный» период и временно сохранить защитные меры в отношении сталелитейного, химического и текстильного производства. В этом случае ЕС может сохранить и существующие антидемпинговые пошлины, действующие, как правило, в течение пяти лет — до того момента, пока они не истекут.

При этом главная проблема для ЕС и США сегодня — это избыточные мощности в Китае в сталелитейной промышленности. Пытаясь решить проблему избыточных мощностей, китайские компании активно предлагают свою продукцию на внешнем рынке. Интенсификация металлургического конфликта приводит к обострению проблемы рабочих мест в этой отрасли европейской промышленности, и без того ослабленной кризисом. В связи с этим европейцы, по-видимому, намерены сопротивляться до конца и попытаться выторговать себе как можно больше пространства для маневра. Не исключено, что за счет США.

Дело в том, что Китай очень обеспокоен ходом переговоров по заключению соглашения о Трансатлантическом партнерстве между ЕС и США. Пекин обоснованно полагает, что заключение этого соглашения нанесет вред его интересам в Европе. Тем более, что соглашение касается не только торговли, но и инвестиций, то есть способно воспрепятствовать проникновению в Европу китайского капитала¹³. Поэтому КНР старается, как минимум, замедлить этот процесс.

Создается впечатление, что Китаю это удастся. По крайней мере, ряд видных европейских политиков (в том числе представители ведущих стран ЕС — Германии и Франции) выступили резко против заключения ТТІР. Можно предположить, что это результат какого-то скрытого от наблюдателей торга с китайцами.

Что касается пресловутого Brexit'a, то первые комментарии по поводу прошедшего в июне в Великобритании референдума относительно выхода из состава Евросоюза сводились, в связи с Китаем, к тому, что это серьезно осложнит европейскую политику Пекина. Как подчеркивали авторы комментария «Brexit: почему выход Британии из Евросоюза может обернуться крахом китайского курса на интеграцию с Европой?» на авторитетном сайте «Южный Китай», «Британия оставалась главной надеждой на “сопряжение” Шелкового пути до Берлина и Парижа — однако теперь этому курсу, возможно, придет конец и Пекин окажется один на один с переговорщиками из Германии»¹⁴. Именно этим объясняется давление на британские власти и общественность, оказанное МИД КНР, который заявил, вопреки обычной позиции КНР о невмешательстве во внутренние дела других стран, что «Китай надеется видеть процветающую Европу и объединенный ЕС, и надеется, что Британия, как его важный член, сможет играть еще большую позитивную и конструктивную роль в укреплении связей между Китаем и Евросоюзом»¹⁵. А руководитель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в Великобританию в октябре 2015 г., открывшего, по мнению британской и китайской прессы, «золотую эру в отношениях двух стран», недвусмысленно призвал британцев остаться в рамках ЕС¹⁶.

В последнее время Великобритания, действительно, стала превращаться в одного из основных, наряду с Германией, союзников Китая в Европе, в плацдарм для проникновения последнего на европейский континент и роста там китайского экономического и финансового влияния.

Великобритания создала первый вне азиатского региона китайский юаневый клиринговый центр (соглашение было подписано в ходе визита Ли Кэцзяна в Лондон в июне 2014 г.), первой среди развитых стран выпустила гособлигации в юанях и поддержала китайский юань в присоединении к валютной корзине МВФ специальных прав заимствования (СПЗ). И, наконец, первой среди западных держав «заняла ведущую позицию в отношении присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций» (АБИИ) и несмотря на возражения США первой подала заявление на присоединение к этому банку, «подготовив другим западным странам путь для присоединения».

Великобритания первой среди развитых стран начала осуществлять совместный проект строительства на своей территории высокоскоростных железных дорог, подписала соглашение с Китаем о сотрудничестве в области атомной энергетики, а в ходе визита Си Цзиньпина — соглашение о сотрудничестве в создании спортивных электромобилей «Рapid-C» на базе «Астон-Мартин» (на 75 млн долл.) с применением фирмой Geely китайских технологий производства спортивных электромобилей.

Как финансово, так и технологически Китай принимает активное участие в амбициозном британском проекте по развитию и реиндустриализации севера страны (Northern Powerhouse). Пекин инвестирует в этот проект серьезные суммы и строит высокоскоростные дороги, призванные связать этот когда-то промышленно развитый район с югом страны. И именно Пекин оказывает содействие в создании на базе пяти городов (Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Шеффилд и Ньюкасл) новой городской агломерации и в строительстве соответствующей инфраструктуры. В ходе визита (2015 г.) Си Цзиньпин вместе с тогдашним премьером Кэмероном побывал в Манчестере, посетив не только местную академию футбола, но и аэропорт, в расширение которого Пекин тоже намерен вкладывать средства (там будет разбит инновационный парк Китая). К визиту было приурочено открытие китайской компанией «Хайнань аэрайнс» прямых рейсов Пекин — Манчестер¹⁷.

За последние два года Великобритания обогнала Нидерланды, став вторым крупнейшим торговым партнером КНР в ЕС. Кроме того, Великобритания стала крупнейшей страной — получателем китайских инвестиций в Евросоюзе. В случае выхода Британии из ЕС Китай лишается, по крайней мере, некоторых из уже завоеванных позиций и одного из своих главных союзников в рамках ЕС.

Это действительно так, однако Brexit — не результат, а процесс, причем достаточно длительный и пока с неясным исходом. Британская политическая элита, не ожидавшая подобного результата референдума, попытается, несмотря на смену кабинета министров, всячески затянуть его и имеет для этого все возможности: официальный запуск процедуры выхода должен инициировать Лондон, а не ЕС. Кроме того, ст. 50 Договора о Евросоюзе предусматривает два года на решение всех формальностей даже после запуска процедуры выхода. При этом может потребоваться дополнительное согласие британского парламента, в котором большинство составляют противники выхода из ЕС¹⁸.

Но даже в случае выхода Британии из ЕС новые договоренности, по мнению комментаторов, скорее всего будут мало отличаться от нынешнего режима участия Лондона в ЕС¹⁹. Ведь даже ярые сторонники выхода после окончания референдума и своей неожиданной победы заявили о намерении «остаться в Европе» и сохранить с ней максимально тесные торговые и инвестиционные связи, а также свободу передвижения граждан.

Необходимо также учитывать тот факт, что в ходе референдума Шотландия, Северная Ирландия и Гибралтар проголосовали за то, чтобы остаться в ЕС, а это ставит за-

дачу сохранения единства Великобритании, тем более что попытки выхода из состава Соединенного Королевства продолжаются.

В этих условиях Британия может пойти по пути Дании, где существует частичное членство в ЕС (Гренландия, являясь частью Дании, не принадлежит к ЕС). Выходом для Великобритании мог бы стать частичный *brexit* Англии и Уэльса при сохранении в составе ЕС Шотландии, Северной Ирландии и Гибралтара и сохранении единства Соединенного Королевства в целом.

Следует также учитывать, что Великобритания не является сегодня главным союзником Китая в ЕС, а тем более — его «пятой колонной», несмотря на поразительные результаты визита Си Цзиньпина в 2015 г. и желание Лондона представить себя как главный форпост КНР в Европе. Великобритания соревнуется с Германией за право быть основным торговым и инвестиционным партнером КНР на европейском континенте, но это не говорит о том, что она могла бы быть активным лоббистом интересов Китая в Европе.

Союзника и лоббиста в последние годы Китай создал себе сам в лице стран Центральной и Восточной Европы, объединенных в формат 16+1. Отсчет существования этой структуры следует вести с 2012 г., когда состоялся первый подобный форум и был учрежден Секретариат по сотрудничеству Китая и стран ЦВЕ в Пекине²⁰. Впоследствии Китай распространил подобную практику и на отношения со странами Латинской Америки²¹.

Формат 16+1 сложился уже на первом саммите Китай — ЦВЕ в Варшаве, где Пекин представлял тогдашний премьер Вэнь Цзябао, а европейскую сторону — премьер-министры Польши, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Черногории, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Албании, а также вице-премьер Болгарии. Из них Хорватия стала членом ЕС только на следующий год, а еще пять балканских стран до сих пор в ЕС не входят. На четвертом по счету саммите, прошедшем в ноябре 2015 г. в Нанкине, присутствовали в качестве наблюдателей представители ЕС, Австрии, Греции и Европейского банка реконструкции и развития.

В состав Секретариата по сотрудничеству Китая и стран ЦВЕ входят представители всех заинтересованных китайских министерств — Минкоммерции, Минсельхоза, Минобразования, Минкультуры, МИД и др., а от стран ЦВЕ — специальные государственные координаторы. Сам секретариат возглавляет замминистра иностранных дел КНР Сун Тао.

Помимо этого, у Китая в Европе в рамках Форума 16+1 появляется новый союзник — «Вышеградская четверка», настроенная на проведение все более независимой от Брюсселя и Берлина политики, особенно по проблеме беженцев. Так что союзников у КНР в Европе хватает и без Британии.

Вместе с тем *brexit* усугубляет проблемы ЕС и создает дополнительную неопределенность, которая может затянуться на годы. Кризисные явления в ЕС и Европе в целом ставят под сомнение его устойчивость и заставляют европейские страны искать союзников в решении своих проблем на стороне. И наиболее удобным таким союзником для них оказывается Китай, способный помочь в решении экономических проблем при минимуме политических рисков.

Кризисы в ЕС, вопреки мнению многих отечественных аналитиков, совсем не обязательно приведут к его развалу — запас прочности у ЕС достаточно высок. Однако, даже сохранив устойчивость, ЕС будет вынужден, по словам одного из комментаторов²², заниматься «не строительством нового дома и даже не капитальным ремонтом, а латанием дыр и возведением подпорок». В любом случае способность ЕС решать те или иные международные проблемы, то есть субъектность структуры на международной арене, будет серьезно ослаблена. А это тоже на руку Китаю, в стратегии которого европейский континент занимает одно из первых мест. Так что европейское наступление Пекина продолжается, просто в рамках общей внешнеполитической наступательной стратегии оно временно отошло на второй план, уступив первое место концепции «Один пояс, один путь».

1. Подробнее см., например: *А.О. Виноградов*. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // *Философские науки*. 2015. № 1; *А. Виноградов*. Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 5; *Виноградов А.О.* Один пояс, один путь — европейское измерение // *Новый Шелковый путь и его значение для России*: Сб. ст. М., 2016. С. 189–206 и др.
2. Это главная претензия китайской стороны к руководству ЕС, наряду с требованием отменить введенное еще в 1989 г. (в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь) эмбарго на поставки оружия в Китай.
3. Protocol on the Accession of the People's Republic of China. WT/L/432. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/al_chine_e.htm
4. Помимо Китая, в список «нерыночных» стран Евросоюзом включены также Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Вьетнам, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Северная Корея, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.
5. Евросоюз обсуждает возможность предоставления Китаю статуса страны с рыночной экономикой. URL: <http://ru.ictsd.org/bridges-news/> (дата обращения: 15.01.2016).
6. URL: <http://m.fondsk.ru/news/2016/05/12/kitaj-vto-navstrechu-rokovej-date-11-dekabrja-2016-goda-40194.html>.
7. Из европейских стран признает Китай страной с рыночной экономикой Швейцария, не являющаяся членом ЕС. Из других стран мира — Россия, Бразилия, Новая Зеландия, Австралия и др.
8. URL: <http://m.fondsk.ru/news/2016/05/12/kitaj-vto-navstrechu-rokovej-date-11-dekabrja-2016-goda-40194.html>.
9. Подробнее см., например: *Карнов М.В.* Замкнутый круг «китайского чуда». М., 2014.
10. См. работы Фридриха Листа и др., в том числе американских экономистов XX в., включая Дж. М. Кейнса.
11. Кстати, наличие у страны статуса рыночной экономики также не является гарантией от проведения антидемпинговых расследований — в отношении экспорта российской продукции сталелитейной промышленности такие расследования проводятся регулярно.
12. Решение Европарламента не является обязательным для руководства ЕС, однако в условиях и без того сложной ситуации в Евросоюзе руководство Еврокомиссии нуждается в поддержке Парламента и будет стараться хотя бы на словах как-то находить с ним общий язык.
13. Сам текст соглашения и по сей день остается закрытым документом, что само по себе напоминает коллизию с заключением руководством Украины соглашения о партнерстве с ЕС, только в этом случае уже самим европейцам навязывают «кота в мешке». И это тоже вызывает обоснованное недовольство и опасения как в Европе, так и в Китае.
14. Сайт «Южный Китай». 25.06.2016. URL: <https://www.south-insight.com/node/218292>.
15. Там же.
16. См.: *Виноградов А.О.* КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 1.
17. Там же.
18. См.: *Раманова Т.А.* Кризисы Европейского союза и его будущее // Сайт «Россия в глобальной политике». URL: www.globalaffairs.ru/valday/Krizisy-Evropeskogo-soyuza-i-ego-budushee-18320.
19. Там же.
20. См.: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 335–337, а также: URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-ii/>; URL: <http://www.odnako.org/blogs/asimmetrichnij-otvet-ili-strategiya-kitaya-v-globalnom-mire-chast-2/>; *А. Виноградов*. Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 5.
21. См.: *А.О. Виноградов*. Новый тип отношений и новый Шелковый путь: к вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // *Китай в мировой и региональной политике*: Сб. ст. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 82.
22. См.: *Раманова Т.А.* Указ. соч.

Роль и политика Австралии в АТР

© 2017

В.К. Сова

В статье рассматривается процесс формирования новой стратегии политического развития Австралии. Отмечается, что Австралия традиционно воспринимала АТР как потенциальную угрозу для своего существования, с одной стороны. И, одновременно, как важного торгового партнера — с другой. Причины формирования прозападной политики Австралии объясняются через призму исторических предпосылок.

Ключевые слова: АТР, Австралия, образ врага, нестабильность, неореализм.

Внешнюю политику Австралии на ранних этапах ее становления пронизывали мотивы опасности и изоляции, что в свою очередь приводило к постоянному поиску и построению системы, ключевая цель которой состояла в обеспечении безопасности австралийского континента. Содержание этой политики определялось двумя основополагающими принципами: необходимостью поддержания постоянной связи с Британской империей, призванной осуществлять стратегическую защиту от Азии, и стремлением к наращиванию торговых обменов и развитию сотрудничества со странами АТР. На практике упомянутый дуализм выражался в использовании тактик сдерживания и сотрудничества, реализма и либерализма.

Основой внешней политики Австралии в тот период стала концепция сдерживания, которая была призвана обеспечить обособленность и безопасность континента. Для достижения этой цели Австралия постоянно стремилась к морской и сухопутной защите со стороны Великобритании, проводила дискриминационную миграционную политику по отношению к неевропейским переселенцам, широко использовала экономический протекционизм путем введения таможенных барьеров¹. Методы, в основу которых легло четкое разделение на «мы» и «они», должны были обеспечить полную защиту и безопасность континента. Результатом стало появление колониализма особого рода, характеризовавшегося попытками целых поколений политических лидеров воспрепятствовать доступу на континент и вообще в АТР силам антибританской направленности. Примером может служить поддержка аннексии Великобританией островов в южной части Тихого океана, равно как и поиск дипломатического признания контроля со стороны Австралии над близлежащими к ней территориями.

Важно подчеркнуть, что австралийский империализм в корне отличался от британского или американского. Если британская или американская экспансия имели в своей основе миссию нести европейскую цивилизацию в отдаленные части планеты, то австралийцев мотивировал извечный страх перед вторжением извне. К. Хэнкок писал в

Сова Владимир Константинович, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).
E-mail: reallycansatiery@mail.ru.

своей книге об Австралии: «...всё, что они хотели — это безопасность, и в их понимании последняя достигалась путем изоляции»².

Представление о регионе при этом было весьма схематичным и поверхностным. Называя его «тихоокеанским и дальневосточным», австралийцы абстрагировались от глубоких исследований его культурных или исторических корней, придавали ему исключительно геополитический смысл и воспринимали его как источник угрозы и объект западного империализма.

В период между войнами знания Австралии о регионе оставались крайне ограниченными, а понимание процессов, происходящих в нем, туманным и неадекватным. В австралийских школах и университетах отсутствовала дисциплина, связанная с изучением АТР, которое осуществлялось в рамках курса истории Европы. «Азия» не была самостоятельным субъектом истории, ее рассматривали как некий объект, тесно связанный с завоеваниями и открытиями европейской цивилизации. Для ведения политических дебатов о внешней политике по отношению к Азии отсутствовала необходимая информационная база. Более 85% новостей, касающихся АТР, приходили из Лондона, 12% из Нью-Йорка. Политический дискурс того времени был пропитан ксенофобией по отношению к региону. У Австралии не было собственных посольств в регионе, отсутствовал какой-либо отлаженный механизм сбора и анализа информации о событиях за рубежом.

В 1930-х годах в отношении Австралии к АТР стало заметно некоторое усиление мотивов сотрудничества и продвижения либеральных ценностей. Регион начал рассматриваться как партнер для торговли и объект развития. Прогрессивные идеи активно защищались академической группой, в которую входили преимущественно экономисты и политологи, работавшие в Австралийско-азиатском центре, Центре изучения международных отношений в Тихоокеанском регионе, а также в Австралийском институте международных отношений.

К концу 1930-х годов развитие торговли со странами АТР оставалось важным элементом внешней политики Австралии, однако внимание политиков стала все больше привлекать военная угроза, постоянно нараставшая в регионе. Самые большие опасения были вызваны действиями Японии, которая начала проводить политику военной экспансии. В сложившейся ситуации специалисты по АТР стали более востребованными. Многие специалисты-политологи были наняты для работы в правительственном аппарате. Их знания использовались в новом контексте — не для развития торговли, а в разведывательных целях, для упрочения безопасности страны. Еще в середине 1930-х годов в Австралии был создан особый независимый Департамент по внешним связям. Подобные службы существовали и прежде, но всегда входили в состав более крупного ведомства, которое было их «заказчиком». По словам специалистов, «новый департамент был необходим для предоставления советов по развитию отношений и сотрудничеству в АТР, регионе, в котором Япония стала столь пугающей»³. Благодаря новому департаменту официальные связи Австралии с окружающим миром начали быстро расширяться. В 1940 г. был установлен ряд прямых дипломатических контактов со многими странами мира, прежде всего с США, Японией и Китаем. Дипломатические миссии были открыты также в Новой Каледонии (1940), в португальской части Тимора (1941), Малайе (1941), СССР (1943), Индии (1944) и Новой Зеландии (1944). Новый департамент включал следующие секции: Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Юго-запад Тихого океана, Австралийско-новозеландский секретариат. Он также включал в свой состав Дальневосточную комиссию по союзническому контролю Японии. Такая детализация задач в недрах созданного ведомства подтверждала значимость углубления знаний об АТР для полноценного функционирования внешнеполитического аппарата государства.

Изучение современной политики Австралии в Восточной Азии дает возможность выявить и понять сложившиеся на протяжении десятилетий модели отношений в рамках быстро растущего региона.

После распада в 1991 г. Советского Союза рассматривать коммунистическую и советскую угрозу в качестве главной опасности для Австралии стало безосновательным. Не прошло и года со времени истерической реакции правительства Роберта Хоука (1983–1991) на действия Ливии и СССР в Тихом океане, как министр иностранных дел того же правительства смог заявить о бесследном исчезновении вражеских сил на юге Тихого океана⁴.

В отсутствие главного противника в холодной войне австралийцам вновь пришлось пуститься на поиск образа «нового чужого, стоящего у ворот и угрожающего национальной безопасности». Угроза могла исходить из разных источников. Ислам, иммигранты, мировой терроризм, СПИД, экономическая отсталость в разное время в той или иной мере олицетворяли собой образ такой угрозы в международной политике Австралии в 1990-е годы. В 1950-е и 1960-е годы главная роль врага отводилась все же преимущественно отдельным, определенным государствам. Такими врагами последовательно были КНР, Индонезия, Северный Вьетнам и Советский Союз. В 1986 г. разработчики оборонительной стратегии Австралии сделали вывод об «отсутствии отчетливо выраженной угрозы масштабной прямой атаки», а наиболее вероятная опасность исходила теперь, с их точки зрения, от «непредвиденных обстоятельств и низкого уровня организации»⁵. По-прежнему опасаясь Китая и прочих традиционных военных противников, австралийские стратеги сконцентрировали основное внимание на появляющихся угрозах невоенного характера. В соответствии с основными положениями Белой книги по обороне 1994 г. «Защищая Австралию», этническая и национальная напряженность, экономическое соперничество, обманутые ожидания благосостояния, религиозные и расовые конфликты или иные проблемы могут привести к нестабильной и потенциально опасной стратегической обстановке в Азии и Тихом океане в ближайшие 15 лет⁶.

Главным носителем идеи «опасности» стало не какое-то определенное государство, а достаточно размытая региональная «мозаика ненадежности»⁷. Теперь вместо очевидной военной угрозы опасения вызывали размытость границ, разрушение территориальной целостности, слом старых моделей геополитической организации. Утратив ощущение неотвратимости четко представляемой угрозы экспансии Китая или СССР, новая модель «внешнего врага» относилась целиком к АТР, который стал теперь носителем идеи «чуждости» и опасности. Обновленное восприятие региона как угрозы требовало защиты территориальных границ государства посредством отделения «нас» от «них». АТР стал восприниматься как геополитический «котел», из которого в любой момент мог вырваться крупный конфликт⁸. Политических деятелей стали беспокоить военная модернизация Китая, растущий национализм и милитаризм в Японии, быстрые экономические изменения в Тихом океане, усиливающийся протекционизм в ЮВА, растущая «нестабильность» в Южно-Китайском море и ускоряющаяся «гонка вооружений» в Азии⁹. Однако вопрос о том, почему столь разобщенные и вроде бы не связанные между собой факторы были включены в единый перечень очагов региональной нестабильности, постоянно игнорировался современными стратегами и оставался без ответа. Объединяя вышеназванные явления в единую категорию «чуждости и враждебности», австралийцы зачастую увязывали их между собой искусственно. Под определенным углом зрения, взятые в совокупности, эти факторы могут восприниматься как угрожающие безопасности Австралии¹⁰. Однако такая трактовка ситуации и вызванная ею защитная реакция не являются само собой разумеющимися. Можно, взглянув на вещи с более оптимистической точки зрения, ожидать и менее апокалипсического восприятия так называемой региональной нестабильности. Достаточно заметить, что стремительные исторические изменения, произошедшие в последнее время в азиатских и тихоокеанских обществах, носят закономерный характер в расширяющейся и глобализующейся мировой экономике. Можно было бы постараться в новых условиях увидеть интересные возможности для созидательной дипломатии. К сожалению, «оборонительно-охранительное» мышление австралийцев в очередной раз не позволило отойти от привычного рефлекса вытеснения, пере-

несения большинства современных мировых проблем на область вне государства, определяемую как «их регион».

Верные западной концепции международных отношений, современные политические деятели в конце XX в. избрали неореалистическое объяснение причинам экономического спада и потери Западом мировой гегемонии. Выдвигая неореалистическую концепцию, известный американский экономист Чарльз Киндлбергер доказывал, что единичная, господствующая сила (США) абсолютно необходима для международной экономической стабильности. Она является предварительным условием последней, отсутствующим в настоящий момент в международной политике в связи с появлением в ней новых центров силы (таких, как Япония и Западная Азия). Процесс мультипликации центров силы не только потребовал болезненных корректировок политического курса многих государств, но породил вероятность возникновения серьезных конфликтов, включая ознаменовавшую 1990-е годы напряженность между США и Китаем. Выдвинув свой тезис, Киндлбергер показал, что во времена холодной войны США предоставляли «общественные блага» порядка и международной стабильности, обеспечивая тем самым необходимые предварительные условия для развития Западной Азии. Груз всех связанных с этим расходов несоразмерной ношей лежал на Соединенных Штатах как на гегемоне. В условиях экономического спада нести эти расходы, оставаясь толерантными по отношению к протекционистской промышленной политике стран региона, стало для США обременительным. Это ознаменовало начало периода нарастания напряженности в торговых отношениях и породило опасность потенциального конфликта¹¹.

Обеспокоенность неореалистов была положена в основу современных австралийских дебатов по вопросам безопасности. Сложившееся положение хорошо отражено в трудах Пола Дибба, правительственного советника и ведущего австралийского аналитика по вопросам обороны, защищавшего тезис о необходимости развития в Азии механизмов «уравновешивания сил». Для Дибба «необузданное соперничество между азиатскими державами вполне может перерасти в доминирующую тематику XXI в., в которой кроется опасность того, что тихоокеанская эра закончится масштабной войной в Азии двумя-тремя десятилетиями позже». Доказывая, что правительства его страны «слишком расслабились в вопросе безопасности», Дибб нацелил свою критику на вновь становящийся актуальным либеральный, многосторонний подход австралийской внешней политики. «Ни рынок, ни информационная революция, — писал Дибб, — не разрешат старой вражды, расовой ненависти, религиозного фанатизма или территориальных амбиций». Только посредством «поддержания равновесия сил мы сможем поддержать международный порядок и не допустить, чтобы Азия погрузилась в хаос»¹². Будучи по своей природе далеким от многополярного, «порядок», о котором вел речь Дибб, являлся, очевидно, американоцентристским. Дибб считает, что при обострении дестабилизирующей борьбы за власть между Индией, Японией и Китаем, «только Соединенные Штаты смогут обеспечить искомое равновесие». Порядок и стабильность, таким образом, равнозначны гегемонии США. Тихоокеанская эра является скорее призывом к оружию, чем поводом для празднований — порядок должен быть восстановлен, американская мощь возрождена, а Азия отодвинута на свое прежнее место «чужого». Работы Дибба изобилуют радикальными обобщениями об особом характере «азиатских» обществ. Дибб оправдывает традиционные взгляды на «Азию» как на угрозу. Он отмечает, что «ценности государства и личности в Азии не так устойчивы перед идеей войны и конфликта, а вот примат государства такой же, как и в западных демократиях». В действительности именно Запад, а не Азия, был в прошлом «не так устойчив перед идеей войны», разрабатывая и используя оружие массового поражения. То, что аргументы в духе классического ориентализма воспроизведены «ведущим» австралийским аналитиком по вопросам обороны, говорит о том, насколько явно обскурантистские идеи еще живы в Австралии на рубеже XX и XXI веков.

Результатом разнообразных современных попыток анализа положения в регионе с позиций реализма и неореализма стало стремление сохранить и укоренить австралийскую внешнюю политику на устаревшем принципе жестко проведенных границ. И это в эпоху постоянно меняющегося мира, когда мощные миграционные, информационные, финансовые транснациональные потоки сделали существование таких границ крайне проблематичным. Современная доктрина безопасности Австралии сформулирована вопреки и наперекор наблюдаемой мощной динамике очевидного разупорядочивания и перепорядочивания новейшей системы мироустройства.

Созданная на основе приведенных выше идей, современная концепция доктрины национальной безопасности Австралии неизбежно должна была стремиться влить новые силы в дряхлеющий западный альянс, делая акцент на укреплении уверенности в собственных возможностях, масштабной программе вооружений, не забывая при этом перспективы зарождающегося сотрудничества в области безопасности между Австралией и государствами Юго-Западной Азии.

Мнение о том, что Австралии необходимо иметь независимую, самодостаточную оборонную доктрину было высказано еще в 1970-е годы, при правлении П. Фразера. Однако ее реализация на уровне официальной политики так и не осуществилась вплоть до издания Белой книги по обороне в 1987 г. Начиная с конца 1980-х годов концепция уверенности в собственных силах стала центральным элементом политики в области обороны. Однако используемое в Австралии определение «уверенности в себе» не сделало положение этой страны более независимым от ее западных союзников. Напротив, оно основывалось на развитии оборонного потенциала, наращивании технического арсенала средств для противостояния внешним военным угрозам в контексте длительного альянса с США¹³. Эта противоречивая политика «уверенности в себе в рамках альянса с США» вытекала из представления о том, что Австралия может по-прежнему рассчитывать на протекцию США для обеспечения собственной безопасности в АТР, однако, не постоянно и не повсеместно. Как заявил с гордостью министр обороны Австралии Ким Бизли в конце 1980-х годов, «наши союзники отводят нам более важную роль в регионе по мере того, как их ресурсы сокращаются», и доверяют, таким образом, Австралии «долю ответственности за происходящее в регионе». После того, как США «покинули» Азию, Австралия заняла их место «от имени и по поручению» западного альянса. Вопреки росту экономической взаимозависимости в рамках АТР, австралийцы не смогли расстаться с чувством экзистенциальной тревоги и географической отчужденности, пропитавшим австралийское восприятие международных отношений со времен колонизации. Правительство П. Киттинга заявляло о наличии независимого дипломатического стиля, однако содержание его политики сводилось к попыткам должным образом интегрировать Австралию в американскую глобальную стратегическую сеть. Приход к власти консервативного правительства Джона Ховарда (1996–2007) еще более активизировал сближение между США и Австралией, доказательством которому стала, к примеру, плановая модернизация разведывательной станции «Пайн гэп» и наращивание военного сотрудничества между Австралией и США. Подобные инициативы свидетельствуют о попытках «вливания новой крови» в западный альянс в АТР. Тем не менее, такое «омоложение» альянса не является ни бесспорным, ни беспроблемным. Политические деятели сегодня демонстративно провозглашают «сохранение западной ассоциации наций», но даже само понятие идентичности, сформулированное таким образом, еще недавно считавшееся аксиомой, в современном региональном контексте становится все более хрупким и эфемерным. Австралия в своем национальном самосознании, как и прежде, «с волнением располагает на западной границе»¹⁴. Обратившись вновь к традиционной геополитической трактовке идентичности, авторы современной оборонной концепции занялись «строительством и сохранением Запада» во времена, когда сама эта идентичность испытывала все большее давление.

Результатом внутренне противоречивой попытки сохранить «Запад» в качестве основы австралийской идентичности стала масштабная программа наращивания вооружений, начатая в 1990-е годы лейбористским правительством Киттинга и продолженная консервативным правительством Ховарда. Объявив о широкомасштабной программе военного кораблестроения и модернизации систем вооружений дальнего действия, Белая книга 1987 г. описывала программу как «самое значительное капиталовложение в оборону в австралийской истории мирного времени»¹⁵. Ким Бизли, лидер лейбористской партии Австралии в 2005–2006 гг., заявил однажды американской аудитории, что программа вооружений позволила Австралии раздвинуть «технические границы, чтобы дать возможность менее чем одному проценту населения Земли защитить 12% ее поверхности». Таким образом, обращаясь к традиционному взгляду на безопасность с военной точки зрения, понимаемую как охрану границ собственной территории перед лицом внешних военных угроз, австралийские стратеги прибегли к новейшим технологиям в области вооружений для противостояния во многом надуманным угрозам, якобы существующим в регионе. В этом и состоит новизна оборонной политики Австралии рубежа веков, нацеленной на подавление не конкретного известного противника, а факторов ненадежности, в одержимости технологиями и прославлении прогресса как средства победы над силами беспорядка.

Явно милитаристская сущность современной военной доктрины Австралии расходится с официально заявленными рациональными основами современной дипломатии, предполагающей построение представительных международных организаций в АТР¹⁶. Как отмечалось, военные продолжают подготовку к обороне от региона, с которым их же дипломаты пытаются найти общий язык. В период растущей экономической взаимозависимости и глобализации капитала, технологии и культуры австралийские стратеги упорно следуют оборонной программе, построенной в традициях реализма, которая не принимает во внимание сложность и многоуровневую природу современных факторов насилия и нестабильности. Эта программа ориентирована на национальное государство и трактует сложные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе упрощенно и однобоко, исключительно с геополитической точки зрения. По словам Кима Бизли: «Мы не обращаемся к сложному политическому, экономическому, культурному и социальному своеобразию наших соседей. Мы судим не по этим характеристикам: мы обращаемся к простым географическим фактам, в свете того, что нам говорит история об уязвимости нашей территории».

Сведя многоплановость региона до столь узких геополитических представлений, оборонный истеблишмент Австралии оказался неспособным понять важность происходивших в регионе процессов самоопределения, демилитаризации, деколонизации, межкультурных обменов, угрозы уничтожения природных ресурсов и экологической деградации. И это далеко не полный перечень вопросов, которыми могла бы озаботиться современная содержательная политика в области безопасности в опоре на устойчивое развитие. Не то чтобы упомянутые вопросы вовсе не поднимались австралийцами, но всякий раз они ссылаются на «региональную ненадежность» и угрозу суверенным границам Австралии, мотивируя необходимость контроля с помощью традиционных милитаристских средств. Узость геостратегического мировоззрения надолго стала основой военного планирования Австралии и положена в основу ее оборонного сотрудничества с АСЕАН, начатого в 1989 году.

Для современных австралийских политиков это оборонное сотрудничество опирается на концепцию создания военных альянсов на сугубо двусторонней основе¹⁷, которая считается основополагающей для обеспечения безопасности. Развитая сеть двусторонних связей рассматривается в качестве фактора, способствующего установлению «прозрачности» и «доверия» между военными ведомствами региона. Насущная потребность в выстроенных отношениях подкрепляется беспокойством, разделяемым Австра-

лией, АСЕАН и США по отношению к Китаю с его растущей экономикой и военной мощью¹⁸. В более широком плане, политика «стратегического партнерства» с АСЕАН возникла на почве обозначившихся в АТР тенденций к переделу территорий. Говоря о сотрудничестве с соседями, военное ведомство было вынуждено делать заявления о «благогодатности» окружения Австралии в регионе для создания коллективной безопасности. Одновременно с этим усиление в АТР борьбы за самоопределение, тенденций религиозного фундаментализма, все более серьезные экологические проблемы, усугубляющиеся социальные трения и разрушение прежних экономических связей вызвали у австралийских военных немалое беспокойство.

В качестве основной цели сотрудничества в области обороны Канберра предложила концепцию «региональной устойчивости». Выстроенное на таком основании австралийское оборонное сотрудничество с АСЕАН является фактором сдерживания угроз в отношении территориальной целостности и государственной идентичности. Мобилизуя силы для борьбы с общим врагом — беспорядком и нестабильностью — правительства стран региона пытаются контролировать строго поделенное на зоны политическое пространство. Предложенный подход хорошо согласуется с принципом невмешательства во внутренние дела соседних государств, положенным в основу партнерства в рамках АСЕАН. Он же объясняет обстановку строгой секретности вокруг подписания Договора о безопасности между Австралией и Индонезией. В таком контексте региональная «интеграция» и «кооперация» должны пониматься как инструменты управления регионом на межгосударственном уровне, находящиеся в руках региональной политической элиты и дающие последней возможность достижения сформулированных выше целей. Практикуемые сегодня в АТР методы военного сотрудничества являются очередной попыткой создать геополитически упорядоченное объединение суверенных государств и рыночных экономик в зоне Тихого океана. В своем стремлении к надежности, предсказуемости и стабильности военные стратеги попытались создать четкую, строго разграниченную территориальную сеть стабильных национальных государств. Однако история всей западной геополитики не раз показывала, что идеальная международная модель невозможна, любое теоретическое построение оказывается уязвимым перед лицом беспорядочных и быстротечных процессов разнородного человеческого сообщества. Нескончаемые попытки достижения долговременной «безопасности» всегда сталкиваются с непокорными элементами, не признающими установленные кем-либо границы. И вновь возникает необходимость геополитического насилия.

Геополитика отразилась в расширении военных связей Австралии с режимом Сухарто в 1990-е годы. В целях его оправдания в очередной раз сослались на необходимость поддержания регионального «порядка» и «стабильности». В тот период Индонезия проводила больше совместных военных учений с Австралией, чем какая-либо другая страна, что было обусловлено последовавшим за кровавыми репрессиями в Дили решением США о закрытии программы подготовки специалистов для индонезийской армии¹⁹. Проводя совместные учения с Индонезией, австралийский военный истеблишмент не разделял ни обеспокоенности США соблюдением прав человека, ни их сомнений относительно излишнего сближения с репрессивным, авторитарным режимом. Подписание в 1990-е годы австралийско-индонезийского соглашения о военном сотрудничестве стало печальным апогеем усилий Австралии в этом направлении. Хотя это соглашение в основном лишь формально закрепило существовавшее с давних времен сотрудничество в области безопасности между двумя странами, во втором его пункте говорилось о проведении двусторонних консультаций и рассмотрении возможности совместных действий в случае «враждебных вызовов» по отношению к одной из подписавших сторон. Такая формулировка говорит о принципиально новом уровне обязательств между оборонным истеблишментом Канберры и военными лидерами Джакарты. Неоднозначность термина «враждебные вызовы» породила вопрос о том, не сможет ли это привести к прямому использова-

нию австралийских войск для подавления внутренней оппозиции и инакомыслия в соседней стране. Однако индонезийские военные не раз показывали себя способными выполнять такую задачу без посторонней помощи, поэтому большее опасение вызывали учения, проводимые в Австралии с участием индонезийских подразделений, которые впоследствии использовались для жестокого подавления внутреннего инакомыслия и сепаратистских движений в их стране. Узко трактуя региональный «порядок» и «стабильность», австралийские лидеры хранили молчание относительно этических дилемм, возникших в результате так понимаемого «оборонительного» сотрудничества, таким образом связав себя с репрессивными государственными элитами на территории АТР.

Уверенность в собственных силах, поддержка Запада, высокотехнологичное обновление австралийских оборонных мощностей и военное сотрудничество с регионом определяют современную стратегическую ориентацию Австралии, нацеленную на восстановление пошатнувшейся в 1990-е годы стабильности ее внешней политики. Несмотря на попытки восстановить уверенность, присущую прошлому, кризис западной геополитики продолжает разрушать основы западной теории международных отношений. Австралийско-малазийские отношения и периодически возникающая в последние десятилетия напряженность между двумя странами наглядно иллюстрируют кризис исторических и культурных представлений во внешней политике Австралии.

Напряженность между двумя странами стала следствием нескольких, на первый взгляд, незначительных событий, таких, как представление Малайзии в австралийских СМИ и характеристика Полом Киттингом премьер-министра Малайзии Махатхира как «непокорного» после его отказа посетить саммит АТЭС в Сиэтле²⁰. Реплика Киттинга, однако, вызвала серьезный гнев со стороны Махатхира, известного поборника «азиатских ценностей», политика которого находила и находит много сочувствующих среди политической элиты АТР.

Малазийский лидер открыто призвал страны региона сплотиться против индивидуалистической и «декадентской» культуры Запада и его СМИ, которые, согласно Махатхиру, тенденциозно и неуважительно представляют восточный мир, то и дело возвращаясь к колониальной риторике прошлых лет. В противовес Западу с его повышенным уровнем преступности, сексуальной распущенностью и разрушающимся институтом семьи Махатхир приписывает Азии созидательно объединяющее культурное наследие, основанное на этике упорного труда, социальной интеграции и семейных ценностях. Согласно Махатхиру, именно эта этика обусловила возможность недавнего экономического скачка Восточной Азии. Суверенная идентичность приписывается Азии, а не Европе, и Запад рассматривается как опасный и нестабильный «чужой». Конфуцианство, а не протестантское христианство, является источником этики современного мира, восточноазиатские, а не американская и западноевропейская экономики представляют собой растущие центры мировой экономики. Этот переворот категорий отражает альтернативный взгляд на современность со стороны консервативных обновляющихся восточноазиатских элит, которые, стимулируя высокоскоростную индустриализацию, одновременно пытаются отвлечь разрушительные последствия индивидуализма, сопровождающие ее процесс. Этот альтернативный взгляд основывается на органичном видении общества, где государство рассматривается как хранитель национального единства в противовес либеральному индивидуализму Запада²¹. Новое, сложившееся на рубеже веков видение ситуации сопровождалось значительным внутривнутриполитическим эффектом, восточноазиатские правительства натурализовали свое авторитарное правление, апеллируя к почтенной традиции «авторитета и иерархии» в азиатской цивилизации. Меняя полярность в оценке «своих» и «чужих», Запада и Востока, восточноазиатские политики пытаются сегодня, как и их визави в западных индустриальных странах, упрочить собственную идентичность и обрести чувство безопасности в ненадежном мире с быстро разрушающимися старыми моделями глобальных политических отношений.

Будучи далекими от того, чтобы бросать вызов традиционной геополитике, Махатхир и его последователи пропагандировали своеобразно осознаваемую ими собственную идентичность точно так же, как Австралия свою.

Столкновение произошло на фоне обеспокоенности Австралии растущей уверенностью Малайзии в собственной экономической и политической мощи. Малайзия стала примером «колонизального чужого», отвечающего Западу, меняясь с ним ролями, на его собственном языке. Под сомнение была поставлена, таким образом, сама суверенная идентичность Запада. Заявление бывшего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю о том, что Австралия быстро превращается в «белый мусор в Азии», больно задело самолюбие австралийцев, и кризис стал набирать обороты²². Высказывание Ли поставило под сомнение традиционно доминирующую геополитику, дающую возможность Австралии испытывать иллюзорное ощущение основной, богатой, развитой нации в недоразвитом, нищем регионе. Оно разрушило свойственное западной идентичности чувство в некотором смысле врожденного, расового превосходства, на котором долгое время подсознательно основывалась австралийская внешняя политика.

1. *Campbell P., Mills R.* Studies in Australian Affairs. Melbourne, 1929. P. 215.
2. *Hancock W.* Australia (1930). Sydney, 1945.
3. *Millar T.* Australia in Peace and War External Relations since 1788. Canberra, 1991. P. 6.
4. *Camilleri J.T.* Emerging Human Rights Agenda Australia's Response // *Interdisciplinary Peace Research*. 1989. № 1. P. 111.
5. *Dibb P.* Review of Australia's Defense Capabilities. Canberra, 1986. P. 2–7.
6. *Defending Australia: 1994 Defense White Paper / Australia Department of Defense.* Canberra, 1994. P. 8.
7. *Campbell D.* Writing Security United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 250.
8. *Richardson J.* The Asia-Pacific Geopolitical Cauldron or Regional Community. Sydney, 1994.
9. *Shambaugh D.* Pacific Security in the Pacific Century Current History // *Journal of Contemporary World Affairs*. 1994. № 93(587). P. 423–429.
10. *Ball D., Kerr P.* Presumptive Engagement Australia's Asia-Pacific Security Policy in the 1990s. Sydney, 1996. P. 42.
11. Цит по: *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1987. 472 p.
12. *Dibb P.* Towards a New Balance of Power // *Asia Adelphi Paper*. 1995. № 295. P. 70–73.
13. *Буденкова А.В.* Австрало-американские взаимоотношения: 1983–2004 гг. Красноярск, 2006. С. 24.
14. *Sylvester C.* The White paper Trailing // *G Cheesman and R. Bruce Discourses of Danger and Dread Frontiers Australian Defense and Security Thinking after the Cold War.* Sydney, 1996. P. 137.
15. *The Defense of Australia / Australia Department of Defense.* Canberra, 1987.
16. *Dalby S.* Security Discourse, the ANZUS Alliance and Australian Identity. 1996. P. 123.
17. *Иванов А.В.* Тихоокеанские комбинации споры вокруг интеграции в Азии // *Россия в глобальной политике*. 2010. № 4.
18. *Васильев Л.Е., Локишин Г.М.* Сообщество безопасности в АСЕАН в начале XXI века. М., 2010. С. 36.
19. *Earl G.* Looming Poll Spurred Signing // *Australian Financial Review*. 1995. Dec. 15. P. 16.
20. *Robinson R.* The Politics of Asian Values // *Pacific Review*. 1996. Vol. 9. № 3. P. 298.
21. *Ibid.* P. 309–327.
22. *Ball W.* Macmahon Act or be the Poor Whites of Asia // *The Age*. 1999. Dec. 10. P. 9.

Экономика

Оценка структурных сдвигов в экономике регионов трансграничного взаимодействия РФ и КНР

© 2017

И.А. Забелина, Е.А. Клевакина

В статье рассматривается процесс трансформации воспроизводственной структуры в российских и китайских регионах, вовлеченных в процессы трансграничного взаимодействия, что представляется актуальной задачей в свете особых геополитических интересов РФ. Повышенное внимание уделяется анализу изменений, происходящих в структуре занятости населения российских регионов.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Россия, Китай, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), три сектора экономики, структурные сдвиги, занятость населения.

Регионы трансграничного взаимодействия РФ и КНР

Обозначенная Китаем инициатива Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) со вниманием воспринята в РФ — в особенности в ее восточных регионах. Как явствует из комментариев китайских экспертов, этот масштабный проект пока что не какой-то конкретный механизм, а *«идея и формула развития, платформа взаимодействия, эффективного регионального сотрудничества с опорой на двусторонние и многосторонние форматы, сложившиеся у Китая со многими странами»*¹. Ключевой смысл формулировки видится в следующем: стратегические интересы Китая выходят за пределы его границ, сосредотачиваются на территории стран Азии, Европы и Африки.

ЭПШП, способный охватить 43% территории и 66,9% населения Земли², близок, судя по всему, геополитическим интересам РФ, поскольку может позитивно повлиять на экономическое развитие приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока. В рамках

Забелина Ирина Александровна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, доцент Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: i_zabelina@mail.ru.

Клевакина Екатерина Александровна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, доцент Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: bedew@yandex.ru.

В статье представлены результаты исследований по проекту СО РАН «Анализ изменений в структуре занятости населения восточных регионов» (IX.88.1.6) – в рамках проекта № 0386-2015-0001 «Социально-экономические и ресурсные аспекты трансграничного сотрудничества юго-восточных территорий Сибири» Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № II.2П «Интеграция и развитие» на 2016 г.

приоритетов взаимодействия помимо политических и торговых свобод, транспортных коммуникаций обозначена и торгово-инвестиционная сфера, являющаяся фундаментом проекта. Инвестиционное взаимодействие подразумевает как приглашение стран-участниц «пояса» к осуществлению инвестиций в производственные проекты на территории Китая, так и активное участие китайских компаний в промышленном и аграрном производстве на территориях этих стран в строительстве объектов инфраструктуры, причем акценты поставлены и на разделении труда с использованием менеджмента китайской стороны.

В научном сообществе рассматриваются разные аспекты взаимоотношений двух стран-соседей. Предпринимаются и попытки проанализировать влияние «фактора приграничности» на транснациональные инвестиционные процессы (наличие либо отсутствие тенденций общего отставания обозначенных регионов от среднеазиатского уровня)³. При исследовании эколого-экономических аспектов взаимодействия, в частности, отмечалось, что экоинтенсивность хозяйственной деятельности в регионах РФ по некоторым показателям выше, чем в регионах КНР, что означает для России более высокий уровень негативного воздействия на природную среду в расчете на единицу созданной добавленной стоимости⁴.

Рациональное управление процессами, протекающими в рамках трансграничных отношений, есть ныне объективная необходимость. Соответственно, основная цель данного исследования — выявление и анализ структурных изменений в экономических системах регионов в контексте трансграничного взаимодействия. Становление основных положений теории структурных сдвигов начинается с работ представителей различных экономических школ — А. Смита, К. Маркса, Р. Стоуна, Дж. Кейнса и др. Среди современных исследований по данной проблематике выделяется ряд теоретических и эмпирических работ. Теоретические посвящены методологическим основам измерения наблюдаемых трансформаций⁵. Эмпирические — количественной, преимущественно, оценке изменений, происходящих в мировой экономике⁶, национальных экономиках⁷, а также на уровне отдельных регионов⁸ или секторов⁹. Некоторые исследователи фокусируются на изучении взаимосвязи структурных сдвигов с процессами иного рода. Например, исследуется связь структурных изменений с экономическим ростом¹⁰ либо уровнем развития технологий¹¹. Много внимания уделяется моделированию структурных сдвигов посредством традиционных¹² и нетрадиционных подходов.

Авторы исследования, опубликованного в 2015 г., предложили геометрическую формулу для моделирования структурных сдвигов в занятости населения трехсекторной экономики, на основе чего сделан вывод о зависимости наблюдаемых изменений от унаследованного пути развития с целью сокращения числа реально возможных сценариев трансформаций в обозримом будущем, принимаемых во внимание органами государственной власти при разработке программных и стратегических документов¹³.

Авторы данной работы фокусируют внимание на изменениях в структуре производства и занятости населения в регионах, вовлеченных в трансграничное взаимодействие РФ и КНР: в Забайкальском крае, Республике Бурятия, Иркутской и Амурской областях, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской АО и в Автономном районе Внутренняя Монголия и в провинции Хэйлуцзян КНР.

Показатели для оценки структурных различий и сдвигов

Исследование структурных различий и сдвигов в национальных и региональных экономиках выполнены с помощью ряда наиболее распространенных показателей¹⁴:

- интегральный коэффициент К. Гатева;
- индекс структурных сдвигов А. Салаи;
- критерий В.М. Рябцева;
- коэффициент Герфиндаля.

Индекс структурных сдвигов А. Салаи учитывает интенсивность различий долей по отдельным группам, удельный вес сопоставляемой пары групп в сравниваемых структурах и количество выделенных категорий, используя следующую формулу:

$$I_S = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{d_1 - d_0}{d_1 + d_0} \right)^2}{n}}, \quad (1)$$

где d_1 и d_2 — удельный вес (доля) части совокупности за рассматриваемый и базовый периоды; n — число групп.

Интегральный коэффициент К. Гатева учитывает интенсивность различий долей по отдельным группам и удельный вес сопоставляемой пары групп в двух сравниваемых структурах. Он рассчитывается по формуле:

$$I_G = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_1 - d_0)^2}{\sum_{i=1}^n (d_1^2 + d_0^2)}}, \quad (2)$$

Критерий Рябцева несущественно отличается от интегрального коэффициента Гатева:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum (d_1 - d_0)^2}{\sum (d_1 + d_0)^2}}, \quad (3)$$

Индексы Салаи, Гатева и Рябцева были рассчитаны за весь рассматриваемый период, т.е. 2004–2013 гг., в основном совпадающий с мировым финансовым кризисом (2008–2009) и с началом реализации в регионах программы приграничного сотрудничества (2009–2013)¹⁵. Получены также ежегодные изменения индексов. Для интерпретации полученных результатов использовалась шкала оценки меры существенности структурных различий, разработанная для критерия Рябцева¹⁶, с помощью которой можно оценить, насколько существенны были структурные сдвиги:

- от 0 до 0,030 — тождественность структур;
- от 0,031 до 0,070 — весьма низкий уровень различия структур;
- от 0,071 до 0,150 — низкий уровень различия структур;
- от 0,151 до 0,300 — существенный уровень различия структур;
- от 0,301 до 0,500 — значительный уровень различия структур;
- от 0,501 до 0,700 — весьма значительный уровень различия структур;
- от 0,701 до 0,900 — противоположный тип структур;
- от 0,901 до 1 — полная противоположность структур.

Наряду с данными индексами для региональных экономик был рассчитан коэффициент Герфиндаля, или индекс рыночной концентрации, который «показывает степень доминирования в регионе отдельных секторов экономики»¹⁷:

$$I_H = \sum_{i=1}^n d_1^2 \quad (4)$$

Значение данного показателя изменяется в интервале от 0 (в данном случае национальная или региональная экономика представлена множеством секторов, каждый из которых занимает незначительную долю в общем показателе) до 1 (здесь национальная или региональная экономика представлена только одним сектором). Рассмотренные индексы имеют достоинства и недостатки. В работе Н.П. Перстеновой¹⁸ проанализированы специфические особенности этих и других статистических показателей и предложена их классификация на основе нескольких критериев: нормированности, универсальности, чувствительности и направленности (табл. 1).

Таблица 1

Свойства индексов структурных различий и сдвигов

Критерий	Интегральный коэффициент Гатева (IG)	Индекс структурных сдвигов Салаи (IS)	Критерий Рябцева (IR)	Индекс Герфиндаля (IH)
Нормированность. Значение показателя находится в диапазоне от 0 до 1	0 — «идентичность структур», 1 — «полное различие структур»	0 — «идентичность структур», 1 — «полное различие структур»	0 — «идентичность структур», 1 — «полное различие структур»	0 — «низкоконцентрированные рынки», 1 — «высококонцентрированные рынки»
Универсальность. Рассматривается в пространственно-временном аспекте, что подразумевает анализ структурных различий в пространстве и структурных сдвигов во времени	Универсальный	Универсальный	Универсальный	Не учитывает изменения во времени
Чувствительность. Понимается как эластичность того или иного показателя в зависимости от изменения удельного веса изучаемых совокупностей	Может быть рассчитан в любом случае	Не может быть рассчитан, если доли в каждом периоде какой-либо группы равны 0	Может быть рассчитан в любом случае	Может быть рассчитан в любом случае
Направленность. Определяется как вектор развития, положительные или отрицательные структурные сдвиги	Определяет наличие структурных сдвигов, а также их величину	Определяет наличие структурных сдвигов, а также их величину	Определяет наличие структурных сдвигов, а также их величину	Определяет в регионе доминирование отдельных отраслей

Источник: составлено авторами на основе работы Перстеновой Н.П.

Для оценки структурных различий и сдвигов была использована официальная информация статистических служб РФ и КНР, включающая сведения об объеме валового внутреннего (регионального) продукта за временной интервал с 2004 по 2013 г. Следует отметить, что данные Государственного статистического управления КНР имеют некоторые отличия от исчисляемых в российской практике. Показатели, характеризующие отраслевую структуру национальной экономики и отдельных регионов РФ, представлены здесь в разрезе основных видов экономической деятельности. В китайской статистике используется секторальная структура экономики, подразумевающая выделение трех секторов: первого (отрасли, связанные с добычей и первичной переработкой сырья: добыча природных ресурсов, сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота), второго (обрабатывающая промышленность и строительство) и третьего (сфера услуг)¹⁹.

Однако в базе данных статистической информации, предоставляемой Госстатом КНР, в первый сектор экономики включают только сельское хозяйство, охоту, рыболовство и лесную отрасль, во второй сектор — добывающую и обрабатывающую отрасли промышленности, производство электроэнергии; строительство рассматривается как отдельная отрасль, а остальные виды деятельности относятся к сфере услуг. Таким образом,

для достижения сопоставимости результатов данные Росстата были сгруппированы в соответствии с секторальной структурой экономики КНР. Стоит отметить, что ввиду отсутствия информации, необходимой для учета инфляционной составляющей (в частности, отсутствие индексов цен на уровне отдельных видов экономической деятельности в регионах КНР), в расчетах был использован валовой внутренний (региональный) продукт, исчисленный в текущих основных ценах.

Структурные сдвиги в экономике регионов трансграничного взаимодействия РФ и КНР

Анализ обозначенной выше секторальной структуры региональных экономик показал, что в 2004 г. доля первого сектора в российских регионах составляла от 7,4 (Забайкальский край) до 14,5% (Еврейская АО), а в регионах КНР — 12,8–17,2% (табл. 2). Доля второго сектора (включая строительство) в регионах РФ сильно колебалась — от 20,8 (в Еврейской АО) до 37,5% (в Иркутской области). В КНР и ее приграничных субъектах второй сектор имел более ощутимый вес (значение показателя составило 41,1–52,4%).

Таблица 2

Секторальная структура экономики в регионах трансграничного взаимодействия РФ и КНР в 2004 и 2013 гг.

Регион/страна	Первый сектор		Второй сектор		Третий сектор	
	2004	2013	2004	2013	2004	2013
РФ	6,3%	4,4%	41,8%	38,9%	51,9%	56,7%
Республика Бурятия	9,9%	5,0%	28,2%	29,5%	61,9%	65,5%
Забайкальский край	7,4%	5,0%	22,4%	23,0%	70,2%	72,0%
Иркутская область	10,2%	5,5%	37,5%	43,5%	52,3%	51,0%
Приморский край	13,4%	8,4%	21,8%	19,7%	64,8%	71,9%
Хабаровский край	10,7%	5,8%	33,0%	25,3%	56,3%	68,9%
Амурская область	10,1%	5,2%	31,4%	31,2%	58,5%	63,6%
Еврейская АО	14,5%	6,5%	20,8%	25,5%	64,7%	68,0%
КНР	13,4%	10,0%	46,2%	43,9%	40,0%	46,1%
АР Внутренняя Монголия	17,2%	9,5%	41,1%	54,0%	41,8%	36,5%
Пров. Хэйлуцзян	12,8%	17,5%	52,4%	41,2%	34,9%	41,4%

Источник: рассчитано авторами по данным Госстата КНР. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/; National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

К 2013 г. структура экономики заметно трансформировалась. Уменьшение доли второго сектора (в 1,2–1,5 раза) в валовой добавленной стоимости отмечалось в Хабаровском и Приморском краях. Во всех российских регионах существенно сократилась доля отраслей первого сектора (в 1,5–2 раза). При этом в некоторых из них отмечается весомое увеличение вклада вида экономической деятельности (ВЭД) «Добыча полезных ископаемых» в валовую добавленную стоимость региона (рис. 1).

В Забайкальском крае, где доля добывающего сектора выросла в 1,4 раза, существенно возросла добыча полиметаллических руд на Ново-Широкинском руднике²⁰, расширяется золото- и угледобыча; в скором будущем планируется запуск двух горно-обогатительных комбинатов и создание горно-металлургического кластера в г. Краснокаменске²¹. Ощутимое расширение добывающего сектора налицо и в Амурской (рост в 2,5 раза) и Иркутской (5,8 раза) областях.

В Амурской области большое количество инвестиционных проектов сосредоточено в сфере добычи не топливно-энергетических (в том числе золота) полезных ископаемых, начата реализация проекта по созданию горно-металлургического кластера в Приамурье с перспективой экспорта продукции в КНР²².

В Иркутской области есть планы формирования четырех центров газодобычи, увеличения добычи золота и редкоземельных металлов, ввода в действие завода черной металлургии²³.

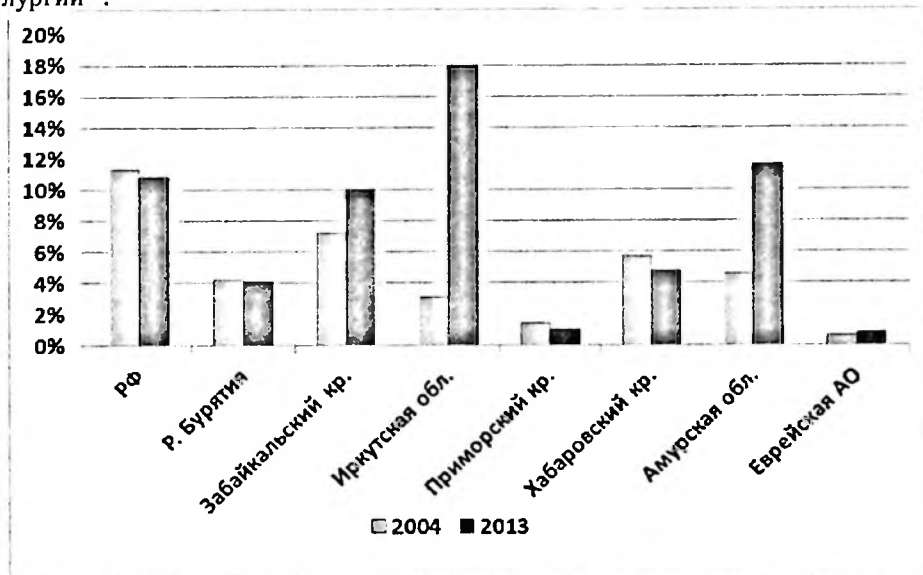

Рис. 1. Вклад ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в валовую добавленную стоимость

Источник: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm

В приграничных районах КНР наблюдались несхожие тенденции — в провинции Хэйлуцзян в 1,4 раза увеличилась доля первого сектора, несколько выросла сфера услуг и в 0,8 раза сократилась доля второго сектора. В АР Внутренняя Монголия в 1,3 раза увеличилась доля второго сектора и в 0,6 раза уменьшилась доля первого.

В третьем секторе также наблюдаются трансформации: в КНР расходы на образование и здравоохранение растут, тогда как в РФ их доля в ВРП сокращается, составив 70–90% от уровня 2004 г. Аналогичная ситуация налицо в финансовом секторе — в КНР отмечен рост в 1,8–5,7 раза, в РФ его и без того небольшой объем сокращается, составив 40–90% от уровня 2004 г. В регионах РФ наблюдается незначительное увеличение в оптовой и розничной торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, а также в деятельности по предоставлению услуг связи и транспорта.

Остановимся подробнее на ситуации в финансовом секторе — его доля в структуре ВРП регионов РФ минимальна. Отсутствие «длинных денег» в экономике страны и неспособность регулятора в настоящее время каким-либо образом исправить ситуацию²⁴ приводит к тому, что крупные российские компании предпочитают брать инвестиционные кредиты в иностранных банках, в том числе в КНР²⁵. Ставка рефинансирования, утвержденная Народным банком Китая, составляет 4,6%²⁶ против 10,5%²⁷ в РФ (по состоянию на 14.06.2016). В то время как российские банки в регионах, кредитуя преимущественно население и мелкие компании, слабо участвуют в процессе создания валовой добавленной стоимости (0–0,3%), Автономный район Внутренняя Монголия (не относящийся к высоко-развитым административно-территориальным единицам Китая) обеспечивает около 3,3% ВРП за счет деятельности финансового сектора и эта доля продолжает расти (рис. 2).

В докризисный период структура воспроизводства в большинстве российских приграничных районов слабо подвергалась изменениям, исключение составляли только Амурская область и Забайкальский край (2005–2006, 2006–2007), в которых значение индекса Салаи оставалось достаточно высоким: 0,34–0,35. В разгар мирового кризиса

(2008–2009) произошла ощутимая трансформация практически во всех районах: наиболее слабые изменения отмечаются в Хабаровском и Приморском краях, наиболее сильные — в Республике Бурятия и Еврейской АО (рис. 3).

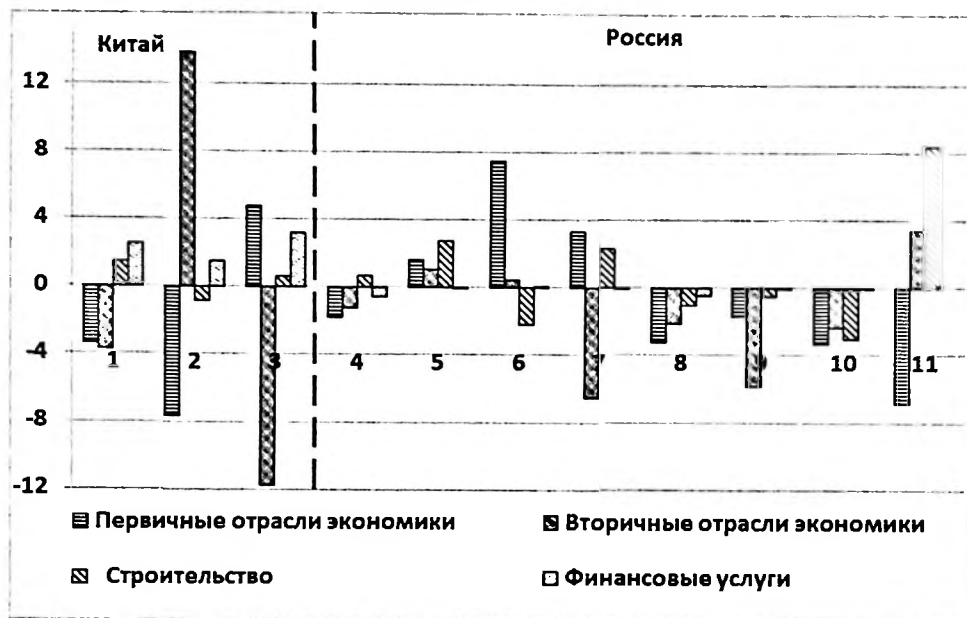

Рис. 2. Динамика доли отдельных отраслей в регионах РФ и КНР (в процентных пунктах), 2004–2013 гг.

1. КНР; 2. АР Внутренняя Монголия; 3. пров. Хэйлунцзян; 4. РФ; 5. Республика Бурятия; 6. Забайкальский край; 7. Иркутская область; 8. Приморский край; 9. Хабаровский край; 10. Амурская область; 11. Еврейская АО.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm; National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

На национальном уровне за рассматриваемый временной интервал произошли незначительные структурные изменения: значение всех индексов в большинстве случаев не превышает 0,1 (весьма низкий уровень различия). Последующие ежегодные изменения структурных пропорций менее заметны (за исключением Еврейской АО) по сравнению с кризисным периодом, и за исключением Приморского края они слабее по сравнению с ежегодными изменениями индекса в докризисный период (а также до начала реализации программ приграничного сотрудничества). В общем, за период 2009–2013 гг. во всех районах РФ произошли заметные структурные сдвиги, причем превосходящие по силе изменения наблюдались в приграничных регионах Китая и на макроуровне. Заметная трансформация хозяйственных систем во Внутренней Монголии и провинции Хэйлунцзян наблюдается за весь анализируемый период (значение индексов Салаи, Гатева и критерия Рябцева изменялись в диапазоне от 0,14 до 0,27).

Использование коэффициента Герфиндаля для характеристики диверсификации региональной экономики имеет определенные особенности: его значение зависит от степени детализации исходных данных. В данном случае во всех российских районах коэффициент показывает низкую концентрацию активности в каком-либо ВЭД, то есть структура экономики по рассматриваемым группировкам является дифференцированной (в 2013 г. значение коэффициента составило 0,16–0,19). В соответствии с данным показателем структура экономики Китая и рассматриваемых районов оказалась менее дифферен-

цированной (значение коэффициента составило 0,20–0,27). Абстрагируемся от абсолютного значения индекса и сконцентрируем внимание на его динамике (рис. 4):

- во всех случаях, кроме Забайкальского края и Внутренней Монголии, экономика приграничных регионов в 2004 г. была менее диверсифицирована, чем в 2009 г.;
- в Амурской и Иркутской областях, Забайкальском крае, Еврейской АО, Внутренней Монголии экономика стала менее диверсифицированной.

Следует отметить, что наблюдаемые изменения являются незначительными, то есть ни кризис, ни осуществляемые в регионах программы приграничного сотрудничества не оказали существенного влияния на концентрацию активности в какой-либо отрасли.

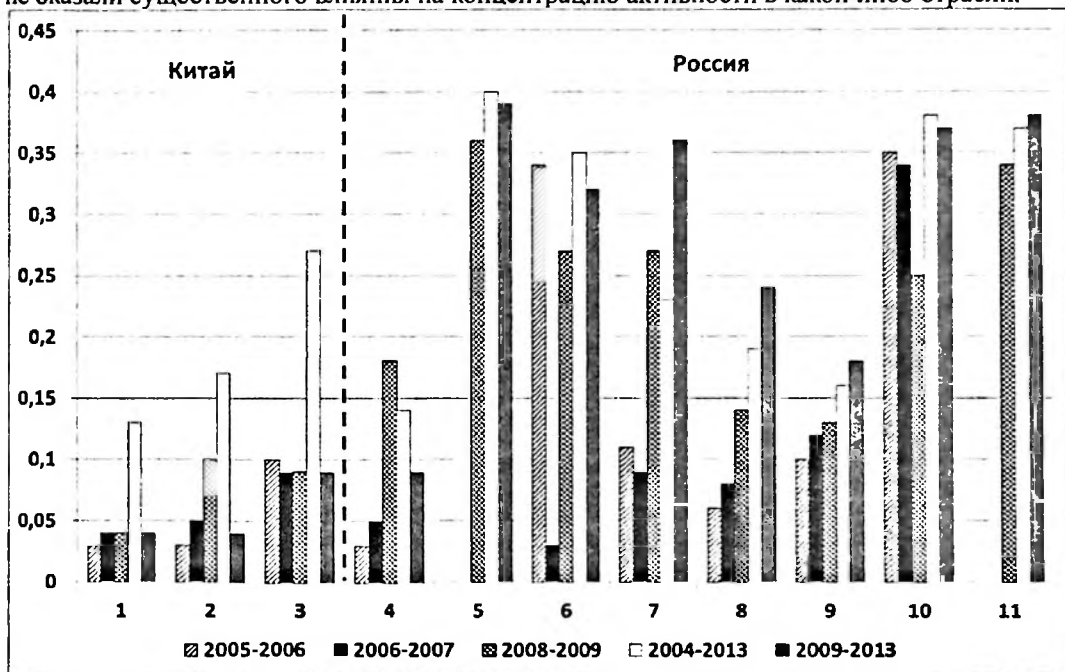

Рис. 3. Индекс Салаи для районов, вовлеченных в трансграничное взаимодействие между РФ и КНР

1. КНР; 2. Внутренняя Монголия; 3. Хэйлуцзян; 4. РФ; 5. Республика Бурятия; 6. Забайкальский край; 7. Иркутская область; 8. Приморский край; 9. Хабаровский край; 10. Амурская область; 11. Еврейская АО.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vvp2.htm; National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

Сравнительный анализ среднегодовой численности занятых в приграничных районах показал, что основная часть занятого населения распределена в таких видах экономической деятельности, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Оптовая и розничная торговля», «Транспорт и связь» (табл. 3). За период с 2005 по 2013 г. во всех регионах, а также на уровне страны отмечалось заметное увеличение удельного веса строительной отрасли в общей численности занятых. Наряду с этим сократилась доля населения, занятого в образовательной деятельности, что наиболее заметно в Республике Бурятия и Иркутской области. По данным за 2013 г., удельный вес занятых в добывающем секторе колебался от 1,2% (Приморский край) до 5,3% (Забайкальский край).

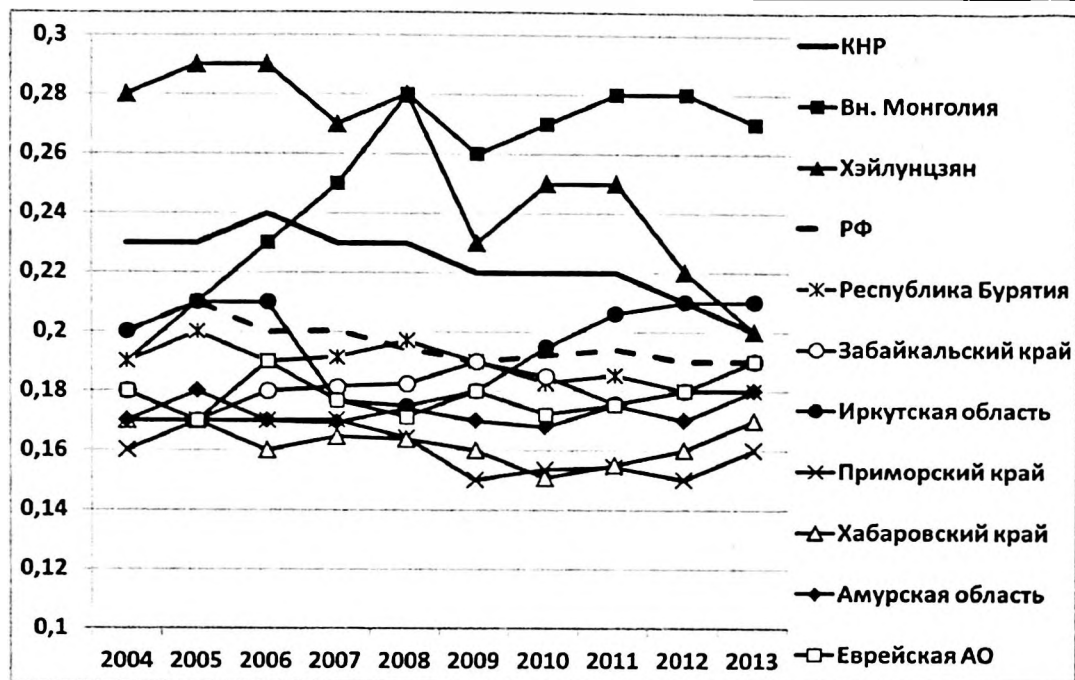

Рис. 4. Динамика коэффициента Герфиндаля в регионах, вовлеченных в трансграничное взаимодействие между РФ и КНР

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm; National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

За анализируемый период структура занятости населения в регионах трансграничного взаимодействия с КНР трансформировалась незначительно (рис. 5): значение индекса Салаи изменялось в диапазоне от 0,06 (Приморский край; в соответствии со шкалой существенности структурных различий — весьма низкий уровень различия структур) до 0,15 (Амурская область; низкий уровень различия структур). На национальном уровне изменения еще менее заметны — значение показателя составило всего 0,05, что свидетельствует о наличии определенных особенностей в приграничных регионах.

Структура занятости в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока, несмотря на оживление приграничного сотрудничества, трансформировалась слабо: индекс Салаи в базовом (2009) году и рассматриваемом (2013) году характеризовался как весьма низкий (минимальное значение индекса в Приморском крае — 0,034) и низкий (максимальное значение индекса в Республике Бурятия — 0,09).

Это связано и с тем, что первоначальный перечень включенных в программу сотрудничества ключевых инвестиционных проектов неоднократно пересматривался, в него были внесены существенные коррективы. Так, из-за ухудшения экономической ситуации в Забайкальском крае реализация таких инициатив, как разработка Култуминского, Лугоканского и Солонеченского месторождений, была отложена инвестором на неопределенное время²⁸, а строительство и ввод в эксплуатацию горно-обогатительных комбинатов в рамках уже реализующихся проектов (например, Быстринский ГОК, на котором планируется создание 3500 рабочих мест) запаздывает²⁹.

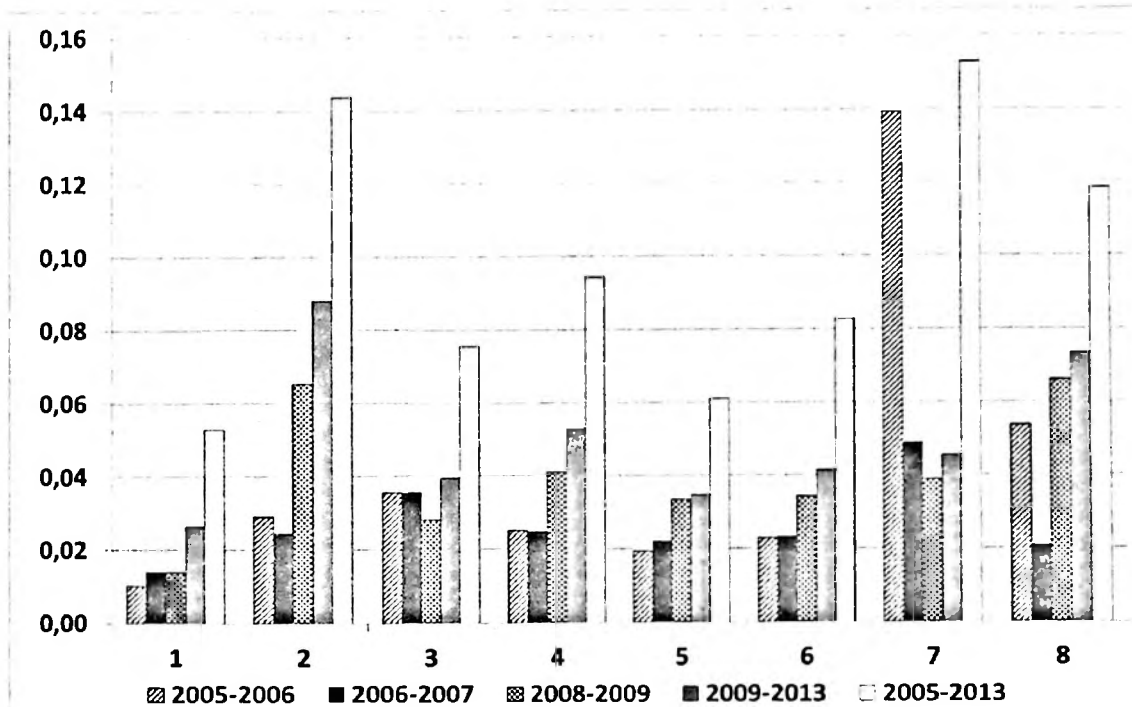

Рис. 5. Индекс Салаи для российских регионов и РФ

1. РФ; 2. Республика Бурятия; 3. Забайкальский край; 4. Иркутская область; 5. Приморский край; 6. Хабаровский край; 7. Амурская область; 8. Еврейская АО.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Таким образом, в процессе исследования была выполнена количественная оценка структурных изменений в экономических системах приграничных регионов. Установлено, что реализуемые российско-китайские инвестиционные проекты не оказали существенного влияния на протекающие трансформационные процессы в приграничных регионах. Выявленная тенденция увеличения доли добывающего сектора в экономиках, закрепление ресурсно-транзитной специализации³⁰ в отдельных восточных регионах РФ требует особого внимания со стороны органов государственной власти, поскольку усиление ресурсной направленности экономики делает ее более уязвимой (по сравнению с диверсифицированной экономикой) для различных воздействий. Кроме того, сырьевая экономика не обеспечивает повышения благосостояния проживающего на данных территориях населения, соответствующего экономическому росту. Так, глава Нерчинско-Заводского района Забайкальского края, в котором реализуется российско-китайский проект по освоению Березовского участка железорудного месторождения, потребовал отозвать лицензию у китайской компании «Лунэн»³¹. Данная инициатива была обусловлена нарушением ряда важных пунктов лицензионного соглашения. Отодвигая сроки строительства и ввода в эксплуатацию горного предприятия, компания «Лунэн» не принимает никакого участия в социально-экономическом развитии данного муниципального района. Более того, добытую открытым способом руду вывозят через таможенный пункт пропуска «Олочи — Шинвэй» в Китай, при этом нанятые для этих целей российские граждане получают денежное вознаграждение на сопредельной территории. И бюджеты различных уровней недополучают закрепленные за ними доходы.

Таблица 3

Распределение занятых по ВЭД в регионах Сибири и Дальнего Востока (в % от общей численности), 2005 и 2013 г.

ВЭД	РФ		Республика Бурятия		Забайкальский край		Иркутская область		Приморский край		Хабаровский край		Амурская область		Еврейская АО	
	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013
С/х, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыболовство	11,3%	9,6%	14,5%	14,6%	14,5%	12,6%	12,0%	8,9%	10,6%	9,8%	8,1%	6,1%	10,4%	11,8%	14,6%	13,5%
Добыча полезных ископаемых	1,6%	1,6%	2,4%	2,5%	5,2%	5,3%	1,8%	2,3%	1,4%	1,2%	1,8%	1,7%	2,6%	3,3%	1,5%	1,6%
Обрабатывающие производства	17,2%	14,8%	10,5%	11,6%	4,7%	5,0%	15,1%	13,0%	12,5%	10,6%	12,5%	10,7%	5,4%	5,9%	11,8%	9,8%
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9%	2,9%	3,7%	3,6%	3,3%	3,8%	3,1%	3,4%	4,1%	3,8%	3,5%	3,6%	4,0%	4,8%	3,5%	4,3%
Строительство	7,4%	8,4%	5,3%	6,4%	5,1%	7,5%	5,5%	8,3%	5,4%	6,6%	7,5%	9,4%	9,2%	11,5%	5,8%	8,5%
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и пр.	16,6%	18,3%	12,6%	14,6%	13,3%	12,5%	15,4%	17,2%	18,2%	19,6%	21,0%	19,0%	19,9%	19,2%	14,9%	14,5%
Гостиницы и рестораны	1,7%	1,9%	1,4%	2,8%	1,4%	1,1%	1,7%	1,7%	2,7%	2,7%	1,7%	1,8%	2,8%	1,2%	0,8%	1,4%
Транспорт и связь	8,0%	8,0%	9,5%	7,1%	13,1%	12,3%	10,1%	9,0%	10,9%	11,6%	10,3%	10,2%	14,2%	10,1%	10,3%	9,8%
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,3%	8,6%	5,2%	7,1%	4,7%	5,5%	6,5%	7,7%	6,8%	6,8%	6,4%	8,8%	3,3%	5,1%	3,8%	4,7%
Образование	9,0%	8,2%	14,0%	9,0%	12,7%	11,2%	11,2%	9,7%	9,0%	8,1%	9,1%	7,9%	9,6%	8,2%	10,5%	9,3%
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,8%	6,7%	7,9%	7,6%	9,4%	9,2%	7,3%	7,2%	7,1%	6,2%	6,7%	6,9%	7,3%	7,2%	8,2%	7,9%
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,7%	3,7%	4,2%	3,8%	3,1%	3,5%	3,7%	3,5%	3,6%	3,3%	3,6%	3,7%	4,5%	3,5%	4,8%	3,6%
Прочие виды деятельности	6,5%	7,5%	8,7%	9,4%	9,4%	10,5%	6,6%	8,0%	7,8%	9,6%	8,0%	10,2%	7,0%	8,2%	9,7%	11,0%

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Другой важный аспект — негативное воздействие добывающего сектора на окружающую среду, ибо на него приходится основная доля в общем объеме загрязнений. Это не только способствует накоплению вредных ингредиентов в природной среде³² и снижает качество жизни людей, но и наносит ущерб экономике³³. Таким образом, «положительные» структурные сдвиги в приграничных регионах позволят продолжить экономическое развитие, снизив зависимость от минерально-сырьевого сектора и косвенно улучшив тем самым показатели устойчивости развития эколого-экономической системы региона.

1. Чжу Ю. «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 100–106.
2. Dong S., Li Z., Li Y., Shi G., Yu H., Wang J., Li J., Mao Q., Huang Y. Resources, Environment and Economic Patterns and sustainable development modes of the Silk Road Economic Belt // Journal of Resources and Ecology. 2015. Vol. 6. № 2. P. 65–72.
3. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 51–70.
4. Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6 (480). С. 5–24.
5. Esteban-Marquillas J.M. A reinterpretation of shift-share analysis // Regional and Urban Economics. 1972. Vol. 2. № 3. P. 249–255; Arcelus F. An extension of shift-share analysis // Growth and Change. 1984. Vol. 15. № 1. P. 3–8; Спасская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. Т. 1. С. 20–39.
6. Memedovic O. Structural change in the world economy: Main features and trends. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2010. 52 p.
7. Ehmer P. Structural change in China: http://www.dbresearch.com/MAIL/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD000000000270068.pdf; Luukkanen J., Panula-Ontto J., Vehmasa J., Liyong L., Kaivo-oja J., Häyhä L., Auffermann B. 2015. Structural change in Chinese economy: Impacts on energy use and CO2 emissions in the period 2013–2030 // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 94. P. 303–317.
8. Аралбаева Г.Г., Афанасьев В.Н. Прогнозирование структурных сдвигов в отраслевой структуре экономики Оренбургской области на основе системы эконометрических уравнений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 13. С. 23–29; Елхина И.А. Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 38–41.
9. Shi Ch. Y., Yang Y.A. Review of shift-share analysis and its application in tourism // International Journal of Management Perspectives. 2008. № 1. P. 21–30; Шмидт И.Ю. Структурные сдвиги в аграрном секторе экономики. Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. 175 с.
10. Urraca-Ruiz A. The technological dimension of structural change under market integration // Structural Change and Economic Dynamics. 2013. № 27. P. 1–190.
11. Ibid.
12. Chen B. Modeling and testing smooth structural changes with endogenous regressors // Journal of Econometrics. 2015. Vol. 185. № 1. P. 196–215; Stock J.H., Watson M.W. Evidence on structural instability in macroeconomic time series relations // Journal of Business and Economic Statistics. 1996. № 14. P. 11–30; Hansen B. The new econometrics of structural change: Dating breaks in U.S. Labor Productivity // Journal of Economic Perspectives. 2001. № 15. P. 117–128.
13. Stijepic D. A geometrical approach to structural change modeling // Structural Change and Economic Dynamics. 2015. Vol. 33. P. 71–85.
14. Аралбаева Г.Г., Афанасьев В.Н. Прогнозирование структурных сдвигов в отраслевой структуре экономики Оренбургской области на основе системы эконометрических уравнений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 13. С. 23–29.
15. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 годы). URL: www.lawinrussia.ru/kabinet-yurista/zakoni-i

- normativnie-akti/2010-07-18/programma-sotrudnichestva-mezhdu-regionami-dalnego-vostoka-i-vostochnoy-sib.
16. *Ехлина И.А.* Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 38–41.
 17. *Михеева Н.Н.* Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 11. С. 15.
 18. *Перстенева Н.П.* Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // Фундаментальные исследования. 2012. № 12. С. 478–482.
 19. *Clark C.* Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940.
 20. Ново-Широкинский рудник изнутри: обогатительная фабрика. URL: <https://www.chita.ru/articles/89997/>
 21. *Степанова М.* Горнодобывающая отрасль остается опорой экономики края. URL: <http://mediator-rus.com/images/Zabaykalsky-September-2015.pdf>.
 22. Программа социально-экономического развития Амурской области на 2013–2017 годы. URL: <http://mer.amurobl.ru/ru/sections/55>.
 23. Программа социально-экономического развития Иркутской области до 2015 года. URL: http://irkobl.ru/sites/ecomony/socio-economic/advance_planning/
 24. *Азанбегян А., Глазьев С., Гринберг Р.* Даешь длинные деньги. URL: <http://vpk-news.ru/articles/22050>.
 25. «Газпром» решил взять кредит в китайском банке. URL: <http://propedra.ru/gas/2015/06/28/gazprom-vozimet-kredit-v-knr/>.
 26. Китайский Центробанк снизил ставку рефинансирования. URL: <https://lenta.ru/news/2015/08/25/rate/>
 27. Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://cbr.ru/>
 28. Горные проекты Забайкалья. URL: http://nedradv.ru/news/branch/?id_obj=02938b5c2157b22e8f17b92010001b4a.
 29. «Норникель» планирует отложить открытие Быстринского ГОКа с 2016 на 2018 год — «Прайм». URL: <https://www.chita.ru/news/54062/>; Норникель пообещал запустить Быстринский ГОК на юго-востоке края в IV квартале 2017 г. URL: <https://www.chita.ru/news/88321/>
 30. *Ламакина Н.В.* Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // ЭКО. 2014. № 6. С. 25–39.
 31. Глава Нерчинского-Заводского района потребовал отозвать лицензию у компании «Лунэн». URL: <https://www.chita.ru/news/89339/>
 32. *Тагаева Т.О., Мкртчян Г.М.* Экологическая политика: на пути к устойчивому развитию // ЭКО. 2012. № 7. С. 119–135.
 33. *Рюмина Е.В.* Сохранение окружающей природной среды как экономическая задача // Вестник МГУПИ. 2009. № 18. С. 197–207.

Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией

© 2017

Сон Бьонг Джик

Статья посвящена актуальной теме структуры внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией. Особое внимание уделяется особенностям структуры двусторонней торговли товарами и услугами. Анализируя динамику ее развития, автор приходит к выводу о необходимости расширения оборота в сфере товаров и услуг, а также разрешения проблем структурной несбалансированности.

Ключевые слова: взаимодополняющий товарообмен, географическая структура торговли, экономическое сотрудничество, диверсификация структуры товарообмена, активное и отрицательное сальдо, Содружество независимых государств (СНГ).

В течение 25 лет после установления в 1990 г. дипломатических отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией торговля между ними постоянно росла. В 2014 г. объем товарооборота составил 25,8 млрд долл. США (южнокорейский экспорт в РФ — 10,1 млрд, импорт — 15,7 млрд долл.), т.е. вырос почти в 16 раз по сравнению с 1993 г. (1,6 млрд долл.)¹. Особенно резкое увеличение было в 2007 г. (на 5,0 млрд долл.). Более того, в течение четверти века активно развивалось экономическое сотрудничество. Исходя из скорости наращивания торгового обмена между обеими странами, несмотря на временный спад 2015 г. (рис. 1) можно предполагать дальнейшее расширение торговли и рост ее объема. В первой половине 2016 г. товарооборот РК и РФ составил 5,9 млрд долл.: экспорт из РК в РФ — 2,2 млрд и импорт — 3,7 млрд долл. По сравнению с первой половиной 2015 г. стоимостный объем почти не изменился в экспорте (от 2,26 млрд до 2,23 млрд долл.), но снизился в импорте (от 5,4 млрд до 3,7 млрд долл.). В результате отрицательное сальдо сократилось на 50% (от 3,1 млрд до 1,5 млрд долл.). Эта тенденция связана с падением цен на сырьевые ресурсы.

В торговле между нашими странами важен не только количественный рост, но и качественное развитие, т.е. расширение сферы торговли и видов товаров. Рассмотрим структуру торговли между РК и РФ.

В данной работе использованы статистические данные, представленные в Корейской международной торговой ассоциации (КІТА).

Структура торговли двух стран делится в статье на две части: географическая структура торговли, количественная и качественная структура экспорта и импорта. Структура экспорта и импорта отражена в таких показателях, как темпы роста объемов экспорта и импорта, положительное и отрицательное сальдо торгового баланса, экспорт и импорт по отраслям промышленности или характеристикам товаров, рейтинг видов товаров по экспорту и импорту, доля в экспорте и импорте 10 видов товаров.

Анализ структуры торговли позволяет выявить достоинства и недостатки торгового обмена, способствует определению стратегии по сферам и направлениям экономического сотрудничества.

Географическая структура торговли между РК и РФ

Основными внешнеторговыми партнерами России в течение первого десятилетия XXI в. были страны дальнего зарубежья, объем товарооборота с которыми достиг в 2010 г. 551 млрд долл., что на 30% больше по сравнению с 2009 г. (423 млрд долл.). Причем, экспорт в страны дальнего зарубежья вырос с 255,3 млрд долл. в 2009 г. до 337,7 млрд долл. в 2010 г., т.е. на 32,3%, а импорта — на 27,1% (со 167,7 до 213,3 млрд долл.). За тот же период объемы торговли со странами СНГ возросли на 34,9% (экспорт в страны СНГ — на 29,4%, т.е. с 67,6 млрд в 2009 г. до 129,4 млрд долл. в 2010 г., импорт — на 45,6%, с 24,1 млрд до 35,1 млрд долл.). То есть активное сальдо торгового баланса на 82,1% сформировалось в торговле именно со странами дальнего зарубежья и лишь на 17,9% со странами СНГ².

В географии российского экспорта в 2014 г. лидировали Нидерланды, Китай, Германия, Италия; из стран СНГ — Украина, Белоруссия, Казахстан, а лидерами среди импортеров являлись Китай, за ним Германия, США (табл. 1).

Таблица 1

Доля главных торговых партнеров РФ по ее экспорту и импорту товаров (2014 г.)

№	Экспорт			Импорт		
	Страна	млн долл.	%	Страна	млн долл.	%
1	Нидерланды	67 758	13,8	Китай	50 373	17,8
2	Китай	37 236	7,6	Германия	32 623	11,5
3	Германия	36 815	7,5	США	18 274	6,5
4	Италия	35 684	7,3	Италия	12 618	4,5
5	Турция	24 794	5,0	Белоруссия	11 641	4,1
6	Япония	19 742	4,0	Япония	10 841	3,8
7	Белоруссия	19 252	3,9	Украина	10 662	3,8
8	Республика Корея	17 678	3,6	Франция	10 574	3,7
9	Украина	17 050	3,5	Республика Корея	8 921	3,2
10	Польша	15 906	3,2	Великобритания	7 687	2,7
11	Казахстан	13 716	2,8	Казахстан	7 050	2,5
12	Латвия	12 749	2,6	Польша	7 006	2,5
13	Великобритания	11 556	2,3	Турция	6 571	2,3
14	Финляндия	11 319	2,3	Нидерланды	5 239	1,9
15	США	10 467	2,1	Чехия	4 844	1,7
	Всего	351 722	71,5	Всего	204 924	72,5

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

В 2009 г. в товарообмене с Россией доминировали страны ЕС, но в 2014 г. в число крупных торговых партнеров России ворвался Китай. Доля экспорта России в Китай в структуре ее ВВП составляет около 2%. В результате темпы роста российского товарооборота со странами — членами Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) по сравнению с 2009 г. увеличились и опередили рост торгового оборота со странами ЕС³.

Основными внешнеторговыми партнерами Республики Корея в течение первого десятилетия XXI в. были Китай, США, Япония, объем товарооборота с которыми соста-

вил в 2010 г. 371 млрд долл., что на 33% больше по сравнению с 2009 г., когда товарооборот с этими странами составлял 279 млрд долл. Более того, объем экспорта в торговле с Китаем, США, Японией вырос с 146,1 млрд в 2009 г. до 194,8 млрд долл. в 2010 г., т.е. на 33,3%, а импорта — на 32,8% (со 132,7 млрд до 176,3 млрд долл.). Объем торговли со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) возрос на 29,7%: экспорт — на 29,8%, т.е. с 40,9 млрд в 2009 г. до 53,2 млрд долл. в 2010 г., импорт — на 29,5% (с 34,1 млрд до 44,1 млрд долл.). Активное сальдо торгового баланса на 45,1% сформировалось тогда в торговле именно с Китаем, США, Японией и лишь на 22,1% — со странами АСЕАН⁴. В географии южнокорейского экспорта в 2014 г. лидировали Китай, США, Япония, из стран АСЕАН — Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Индонезия; среди импортеров впереди Китай, за ним — Япония и США.

Товарная структура торговли между РК и РФ

Рассмотрим торговлю товарами между Россией и Республикой Корея с 1992 по 2015 г. Ее показатели представлены на рис.1. Они наглядно подтверждают устойчивый характер тенденции роста товарооборота между РК и РФ (временный спад 2009 г. и 2015 г., связанный с мировым экономическим кризисом, не меняет общей картины).

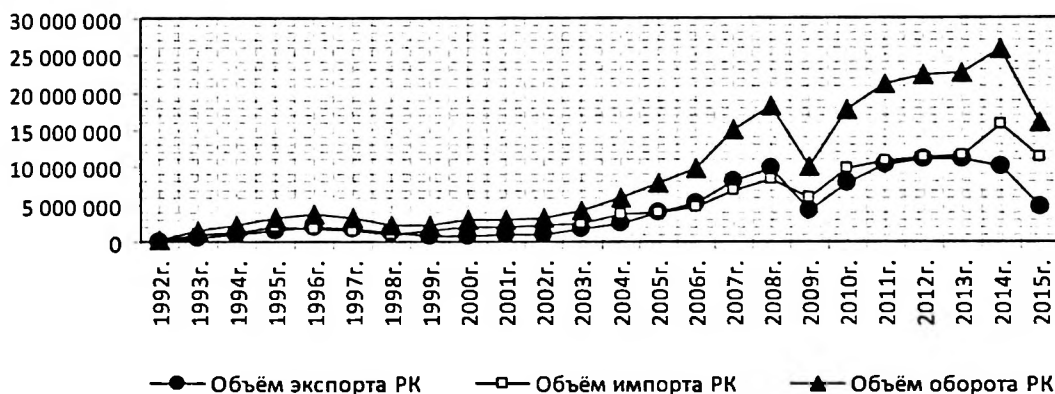

Рис. 1. Динамика товарооборота между РФ и РК (в тыс. долл.)

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

В 2015 г. товарооборот составил 16,0 млрд долл.: экспорт РК в Россию — 4,7 млрд, импорт из России — 11,3 млрд долл., отрицательное сальдо для Республики Корея составило 6,6 млрд долл. При этом объем ее внешней торговли суммарно составил в 2015 г. 963,4 млрд долл.: (экспорт — 526,9 млрд, импорт — 436,5 млрд, положительное сальдо достигло 90,4 млрд долл.)⁵ Следовательно, удельный вес России в общем объеме торговли РК товарами составил в 2015 г. 1,7%, в том числе в экспорте из РК — 0,9%, а ее импорт — 2,6%.

Как мы видим, за исключением 2009, 2013, 2014 и 2015 гг., экспорт рос быстрее, чем импорт. Это объясняется активной политикой в сфере экспорта в соответствующие годы. Экспорт увеличивался в среднем вдвое быстрее, чем импорт. Дисперсия темпов роста экспорта составляет 1794, импорта — 926. Судя по тенденции изменения показателей (рис. 2), можно предположить, что в будущем резкий рост или снижение маловероятны.

Таким образом, особенность структуры торговли между РК и РФ состоит в том, что экспорт Республики Корея превышает ее импорт по средним изменениям объема.

Далее считаем необходимым рассмотреть структуру торгового баланса в торговле товарами. На рис. 3 представлены показатели положительного и отрицательного сальдо между РК и РФ.

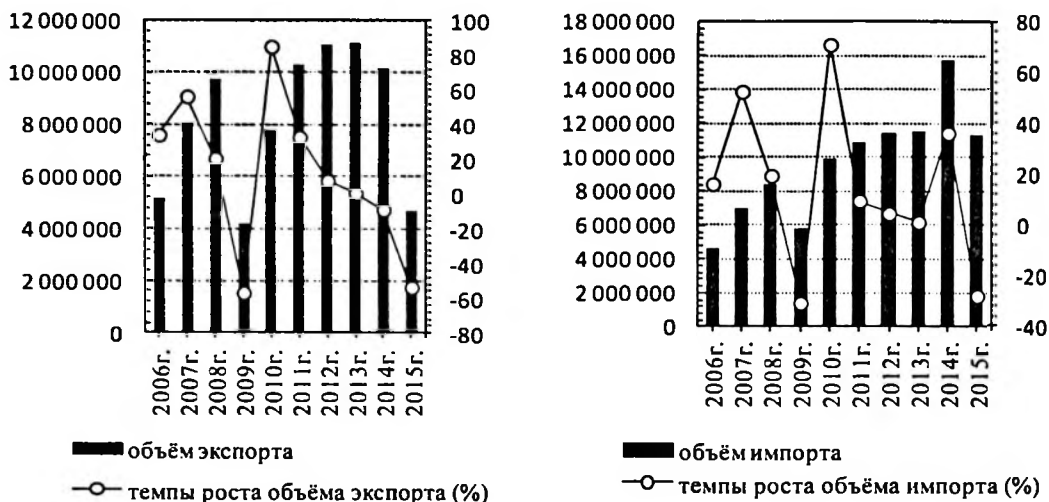

Рис. 2. Изменение объемов торговли товарами между РФ и РК (в тыс. долл.)

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

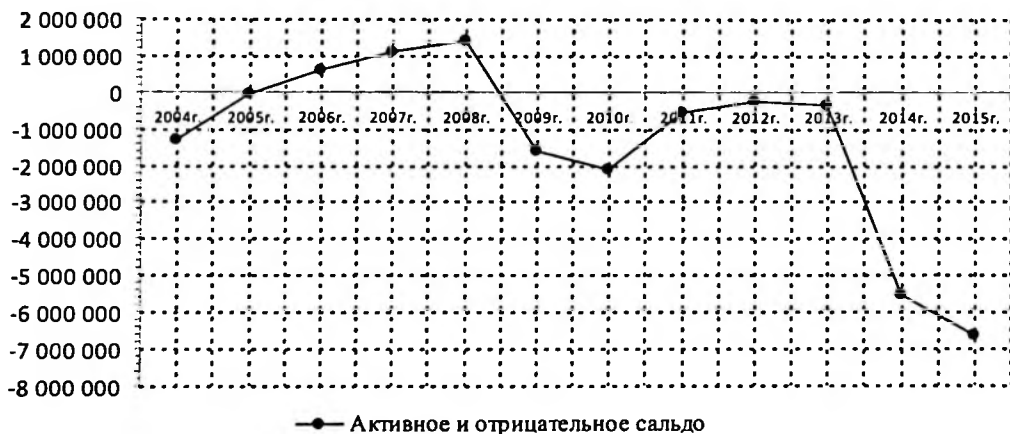

Рис. 3. Активное и отрицательное сальдо РК в торговле товарами с РФ (в тыс долл.)

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

После 2004 г. торговый баланс РК непрерывно улучшался, в 2005 г. отрицательное сальдо сменилось активным, и до 2008 г. сохранялся активный баланс (рис. 3). В течение 3 лет благоприятная конъюнктура России способствовала улучшению торгового баланса РК в торговле товарами с ней. Причиной изменения ситуации стал мировой финансовый кризис 2008 г. В 2009–2010 гг. депрессия мировой экономики оказывала негативное влияние на южнокорейский торговый баланс. В 2011 г. началось его восстановление.

ние, однако вплоть до 2015 г. РК не могла преодолеть отрицательного сальдо в торговле с Россией.

Судя по тенденции изменения торгового баланса, представленного на рис. 3, трудно предположить возможность его улучшения в условиях депрессии мировой экономики. Ясно, что динамика торговли между РК и РФ тесно связана с состоянием мировой макроэкономики.

Следует рассмотреть как количественную, так и качественную структуру, т.е. долю экспорта и импорта по промышленным товарам во взаимной торговле двух стран. В табл. 3 представлена структура экспорта РК в РФ.

Таблица 3

Объем экспорта из РК в Россию (в млн долл., %)

Промышленность	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Среднегодовые темпы роста	
Добывающая промышленность	215,6	250,5	282,3	210,2	220,3	226,9	249,6	241,3	236,2	143,2	-1,83	
Обрабатывающая промышленность	Легкая промышленность	305,8	369,7	511,1	316,2	502,4	685,0	826,3	848,4	762,3	484,3	10,5
	Тяжелая и химическая промышленность	4657,9	7467,6	8954,5	3667,7	7037,1	9393,0	10021,3	10059,4	9130,7	4060,0	13,7
Всего	5179,2	8087,8	9747,9	4194,1	7759,8	10304,9	11097,2	11149,1	10129,2	4687,5	12,6	

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

Итак, доля продукции тяжелой и химической промышленности превышает 80% всего объема экспорта из РК в РФ. За последние 10 лет рейтинг видов экспортных товаров не изменялся: тяжелая и химическая промышленность — на 1-м месте, легкая — на 2-м и добывающая — на 3-м. Что касается среднегодовых темпов роста по объему экспортных товаров, то для легкой промышленности они вчетверо выше, чем для добывающей промышленности. Кроме того, темпы роста для продукции тяжелой и химической промышленности выше, чем для легкой. В частности, по продукции тяжелой и химической промышленности среднегодовые темпы роста южнокорейского экспорта (26,8%) выше, чем по всем прочим видам товаров. Следовательно, продукция тяжелой и химической промышленности является основным видом экспортных товаров РК в Россию.

В табл. 4 представлена структура импорта РК из РФ.

Таблица 4

Объем импорта РК из России (в млн долл., %)

Промышленность	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Среднегодовые темпы роста	
	Добывающая промышленность	1708,5	3813,1	3822,1	2780,1	5543,4	6307,6	6354,4	6807,1	7119,4		6284,1
Обрабатывающая промышленность	Легкая промышленность	13,6	192,9	11,0	17,4	13,9	18,5	9,6	10,6	6,9	8,1	125,1
	Тяжелая и химическая промышленность	2850,9	2971,5	4507,0	2991,2	4342,2	4526,1	4990,2	4677,9	8543,0	5020,4	3,67
Всего	4573,0	6977,5	8340,1	5788,8	9899,5	10852,2	11354,3	11495,5	15669,2	11312,6	15,3	

Источник: *Корейская международная торговая ассоциация.*

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

Доля продукции добывающей промышленности в импорте из РФ в РК — около 50%. В 2006–2009 гг., за исключением 2007 г., РК импортировала из России в основном товары тяжелой и химической промышленности. Однако в 2010–2013 гг. стала преобладать добывающая промышленность. В этот период среднегодовой рост импорта продукции добывающей промышленности из РФ был в три раза выше, чем в тяжелой и химической промышленности. Отметим, что 90% объема импорта продукции добывающей промышленности составляют сырая нефть, нефтепродукты и природный газ. Итак, особенность структуры южнокорейского импорта из РФ: явное преобладание продукции добывающей промышленности.

В табл. 5 представлена структура южнокорейского экспорта в РФ по характеристикам товаров.

Доля экспорта товаров производственного назначения в 2015 г. составляла 41% (1 905,3 млн долл.) всего объема экспорта РК в РФ, сырьевых товаров — 25% (1 186,4 млн долл.) и потребительских товаров — 34% (1 595,8 млн долл.). Что касается среднегодовых темпов роста экспорта РК в РФ, то на товары производственного назначения приходилось 21,5% (их основные виды — промышленное, точное и транспортное машиностроение). В категории товаров производственного назначения среднегодовые темпы роста экспорта (21,5%) выше среднегодовых темпов суммарного роста экспорта (12,6%). Таким образом, особенность структуры экспорта РК в РФ — преобладание товаров производственного назначения.

Таблица 5

Объем экспорта Республики Корея в Российскую Федерацию по видам товаров
(в млн долл., %)

Вид товаров	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Среднегодовые темпы роста
Сырьевые товары	1494,7	1267,7	1479,4	897,3	1449,2	1924,2	2002,8	2016,5	1905,0	1186,4	3,9
Товары производственного назначения	144,8	3299,9	3728,3	1716,7	3294,2	4595,1	4802,7	4589,9	4597,5	1905,3	21,5
Потребительские товары	2234,2	3519,2	4537,7	1575,4	3011,1	3778,4	4291,7	4535,7	3626,7	1595,8	-55,9
Всего	5179,2	8087,8	9747,9	4194,1	7759,8	10304,9	11097,2	11149,1	10129,2	4687,5	12,6

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

В табл. 6 представлена структура импорта РК из РФ по характеристикам товаров.

Таблица 6

Объем экспорта Российской Федерации в Республику Корея по видам товаров
(в млн долл., %)

Вид товаров	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Среднегодовые темпы роста
Сырьевые товары	3990,5	6244,6	7809,8	5195,5	8854,2	10050,4	10540,5	10801,1	14816,6	10416,7	12,8
Товары производственного назначения	188,8	103,9	121,7	123,0	519,4	101,6	124,8	72,3	83,1	72,5	19,0
Потребительские товары	393,7	629,0	408,6	470,3	525,9	699,2	689,0	622,1	769,5	823,4	7,0
Всего	4573,0	6977,5	8340,1	5788,8	9899,5	10852,2	11354,3	11495,5	15669,2	11312,6	15,3

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.

URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

В категории товаров производственного назначения среднегодовые темпы роста импорта РК из РФ составляют 19%. Это самый высокий уровень из трех видов товаров. В отличие от показателя среднегодовых темпов роста, сырьевые товары, а именно сырая нефть, природный газ и др., ежегодно составляли подавляющую долю объема импорта по сравнению с остальными двумя видами товаров. В течение 10 лет рейтинг стоимостного объема импорта не изменялся: сырьевые товары — на 1-м месте, потребительские — на 2-м, товары производственного назначения — на 3-м. Каждый год доля сырье-

вых товаров сохранялась на уровне около 90% общего импорта. Таким образом, особенность структуры импорта РК из РФ состоит в преобладании сырьевых товаров.

В табл. 7 представлены изменения рейтинга видов товаров, экспортируемых из РК в Россию и импортируемых в РК из России. РФ экспортирует в основном нефть и нефтепродукты, газ, уголь и прочие полезные ископаемые, стальной прокат, черные и цветные металлы. Большая часть российского экспорта — нефть и нефтепродукты, ведущими статьями экспорта являются также природный газ, лес, машины и оборудование⁶.

Из табл. 7 следует, что автомобили занимали 1-е место в экспорте РК в 2007, 2011, 2015 гг., автозапчасти — 2-е место в 2011 г. и 2015 г., т.е. основной вид экспортных товаров из РК в РФ связан с автомобилями. При этом постепенно сокращался удельный вес отрасли информационных технологий (ИТ). В 2007 г. механизмы беспроводной связи были на 2-м месте, в 2011 г. — на 7-м, а жидкокристаллические дисплеи вошли в первую десятку экспортных товаров только в 2010 г. (7-е место). 1-е место в импорте РК из РФ в 2007, 2011 и 2015 гг. занимала сырая нефть. Минеральные и энергетические ресурсы находились в первой семерке, а рыбопродукты и лесоматериалы — между седьмым и десятым местами⁷.

Таким образом, особенность структуры торговли между РФ и РК состоит в том, что в южнокорейском экспорте преобладают товары, связанные с автомобилестроением⁸, а в российском — минеральные и энергетические ресурсы.

Таблица 7

Рейтинг видов товаров по экспорту и импорту РК в торговле с РФ

Рей- тинг	Экспорт РК в РФ			Импорт РК из РФ		
	2007 г.	2011 г.	2015 г.	2007 г.	2011 г.	2015 г.
1	Автомобили	Автомобили	Автомобили	Нефть сырая	Нефть сырая	Нефть сырая
2	Механизмы беспроводной связи	Автозапчасти	Автозапчасти	Алюминий	Уголь	Нефтепродукты
3	Автозапчасти	Суда, морские сооружения и их детали	Синтетическая смола	Ферросплавы, чугун, металлолом	Газ природный	Уголь
4	Суда, морские сооружения и их детали	Синтетическая смола	Видеооборудование	Нефтепродукты	Нефтепродукты	Газ природный
5	Синтетическая смола	Шахтное и строительное оборудование	Изделия из пластмассы	Уголь	Алюминий	Алюминий
6	Шахтное и строительное оборудование	Видеооборудование	Листовая сталь	Стальные полуфабрикаты, изделия из железа и стали	Ферросплавы, чугун, металлолом	Ферросплавы, чугун, металлолом
7	Изделия из пластмассы	Механизмы беспроводной связи	Изделия из резины	Изделия из никеля	Рыба	Рыба
8	Механизмы проводной связи	Изделия из железа и стали	Обогреватели, кондиционеры	Рыба	Уран	Уран
9	Продовольственные товары	Электронные измерительные приборы	Нефтепродукты	Произведения искусства	Стальные полуфабрикаты, изделия из железа и стали	Ракообразные
10	Бытовая техника	Бытовая техника	Машины и оборудование	Лесоматериалы	Икра	Лесоматериалы

Источник: Корейская международная торговая ассоциация.
URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

В табл. 8 представлены 10 видов товаров экспорта и импорта, их доля в товарообороте между РК и РФ.

В 2007, 2011 и 2015 гг. доля машин и оборудования в экспорте из РК в РФ превышала 50% суммарного объема, доля остальных девяти видов товаров — около 40%. Таким образом, особенность структуры экспорта из РК в РФ состоит в преобладании только одного вида товаров — машин и оборудования. Кроме того, доля бытовой техники (соответственно 17%, 14%, 15%) и продукции химической промышленности (9,8%, 9,4%, 11,8%) сокращалась, а потом стала нарастать. Доля кожевенной, пластмассовой и резиновой продукции (соответственно 2,1%, 3,1%, 5,4%) и изделий из металлов (1,9%, 3,6%, 5,6%) постоянно увеличивалась. Тем не менее, их доля в экспорте весьма мала. Следовательно, они оказывают небольшое влияние на общий объем экспорта из РК в РФ.

Данные табл. 8 свидетельствуют, что относительная доля полезных ископаемых в южнокорейском импорте из РФ постепенно повышалась, достигнув в 2015 г. почти 80%. Таким образом, в импорте наблюдается еще большее преобладание одного вида товаров, чем в экспорте. Можно предположить, что эта тенденция сохранится. Наоборот, относительная доля изделий из металлов постепенно сокращалась. Кроме того, доля остальных девяти видов товаров составляет только 20% суммарного импорта. Таким образом, особенность структуры торговли между РФ и РК состоит в высокой концентрации видов импортных товаров из РФ в РК в нескольких продуктах (на два вида товаров приходится 90%).

Таблица 8

Доли видов товаров в экспорте и импорте между РК и РФ, %

	Экспорт РК в РФ				Импорт РК из РФ		
	2007 г.	2011 г.	2015 г.		2007 г.	2011 г.	2015 г.
Машины и оборудование	62,9	62,4	52,4	Минеральные продукты	55,6	71,9	80,6
Бытовая техника	17,1	14,2	15,0	Изделия из металлов	28,6	17,4	7,8
Продукция химической промышленности	9,8	9,4	11,8	Сельскохозяйственная, лесная и рыбная продукция	8,8	7,3	8,9
Кожевенная, пластмассовая и резиновая продукция	2,1	3,1	5,4	Продукция химической промышленности	2,8	1,9	1,9
Изделия из металлов	1,9	3,6	5,6	Машины и оборудование	1,1	0,7	0,3
Сельскохозяйственная, лесная и рыбная продукция	3,1	2,2	2,9	Бытовая техника	0,4	0,3	0,4
Текстильные изделия	1,8	2,2	2,5	Разные продукты	2,7	0,4	0,1
Хозяйственные товары	0,4	1,1	1,8	Текстильные изделия	0,0	0,1	0,0
Минеральные продукты	0,8	1,6	2,2	Хозяйственные товары	0,0	0,0	0,0
Другие продукты	0,1	0,2	0,4	Кожевенная, пластмассовая и резиновая продукция	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	Всего	100	100	100

Источник: Корейская международная торговая ассоциация. URL: <http://stat.kita.net/stat/istat/OtherMain.screen?ctrGb=RU>

Структура торговли услугами между РК и РФ

В структуре торговли услугами РФ со странами мира преобладают три вида: транспорт, туризм и строительство — 63,2% экспорта и 64,3% импорта услуг в 2007 г. При этом в торговле услугами у России — традиционно отрицательное сальдо, составившее в 2007 г. 19 835 млн. долл.⁹ Так же обстоит дело и с торговлей услугами между РК и РФ, т.е. Россия и здесь имеет отрицательное сальдо. Рассмотрим количественный уровень внешней торговли услугами между РК и РФ. Его показатели за пять лет представлены на рис. 4¹⁰.

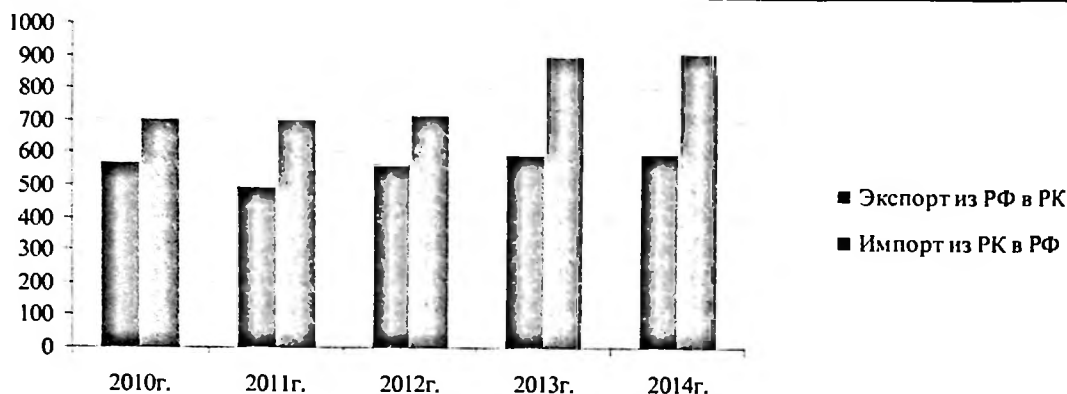

Рис. 4. Внешняя торговля услугами между РФ и РК (в млн долл.)

Источник: Российский статистический ежегодник. 2015 г.

URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

Объем экспорта и импорта услуг в целом изменялся незначительно, и каждый год объем импорта России из РК превышал ее экспорт в РК. Средняя доля экспорта услуг в РК с 2010 г. по 2014 г. по сравнению с товарами составила 4,9%, а импорта—7,9%. Таким образом, в общем объеме торговли между РК и РФ доля торговли услугами крайне мала и почти не оказывает влияния на всю структуру торговли.

Основной чертой структуры торговли между РК и РФ является ее взаимодополняющий характер. При высокой концентрации доли видов товаров экспорта и импорта в нескольких продуктах (например, энергоресурсы в экспорте России, в экспорте РК — машины, оборудование и транспортные средства) это обстоятельство благоприятствует торгово-экономическому сотрудничеству между нашими странами. Следовательно, в будущем экономическое сотрудничество между двумя странами должно быть направлено на расширение сферы торговли и сбалансирование ее структуры. Объем оборота должен расширяться как в сфере товаров, так и в сфере услуг. Кроме того, нужно решить проблему диверсификации видов товаров экспорта и импорта.

В начале сентября 2016 г. во Владивостоке прошел Восточный экономический форум. На нем в присутствии президентов РК и РФ был подписан ряд документов: меморандум о морском поиске и спасении, меморандум о взаимопонимании между Министерством промышленности РФ и Министерством торговли и промышленности Республики Корея, меморандум по созданию совместной рабочей группы по оказанию содействия в области здравоохранения на Дальнем Востоке, меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в реализации инвестпроектов в рыбохозяйственном комплексе на Дальнем Востоке. Кроме того, Роскосмос и Корейский институт аэрокосмических исследований подписали документ об активизации взаимодействия в области космической деятельности¹¹. По словам президента РК Пак Кын Хе, учитывая потенциал двух стран, РК и Россия имеют возможность значительно увеличить взаимную торговлю. Кроме того, было указано на необходимость расширения списка товаров в торговом обороте двух стран, сейчас сосредоточенном на энергетике и автомобилях. Если стороны будут развивать партнерские отношения относительно всех секторов экономики, продолжила Пак Кын Хе, то это может позволить обеим странам найти новый двигатель роста. Президент РК предложила развивать сотрудничество в вопросах инвестирования, в деле развития российского Дальневосточного региона, а также в сферах с высокой добавленной стоимостью, в том числе в области экологии и здравоохранения¹².

1. Корейская международная торговая ассоциация. URL: <http://www.kita.net>.
2. *Платонова И.Н.* Международные экономические отношения России. М., 2013. С. 60.
3. Там же. С. 61.
4. Корейская международная торговая ассоциация. URL: <http://www.kita.net>.
5. Там же.
6. Структура и динамика внешней торговли РФ. 2013. URL: <http://huyarim.ru/konomistu/2013-12-28/struktura-i-dinamika-vneshney-torgovli-rf>.
7. *Ли Чже Ги.* Современная российская экономика. Сеул, 2008. С. 411 (на кор. яз.).
8. *О Се Хан.* Оценка экспорта и импорта и перспектива 2014 г. // Trade Focus. 2013. Т. 12. № 67. С. 20.
9. Подсчитано по: Внешнеэкономический комплекс России: современное состояние и перспективы. 2008. № 1. С. 94.
10. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат. М., 2015. С. 655.
11. URL: <https://rg.ru/2016/09/03/prezidenty-rossii-i-korei-obsudili-voprosy-evrazijskoj-integracii.html>.
12. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?lang=r&id=Ec&No=45087¤t_page=5.

Транспортный комплекс КНР «подстегивает» развитие национальной экономики

© 2017

С.Л. Сазонов, У Цзы, Чэнь Сяо, Е.О. Заклязьминская

Стремясь минимизировать негативное влияние мирового финансового кризиса и замедления темпов роста ВВП на экономику страны, руководство КНР увеличивает инвестиции в инфраструктурное строительство. Это дает мультипликативный эффект в сопряженных отраслях промышленности, способствует росту занятости. Скоростные железные дороги и автомобильные магистрали «сжимают» пространство, стимулируют внутренний спрос, подстегивают развитие смежных высокотехнологичных производств, позволяют увеличить экспортные доходы, становясь новой стратегической отраслью экономики.

Ключевые слова: КНР, транспортный комплекс, финансовый кризис, капиталовложения, мультипликативный эффект, самоокупаемость, конкурентоспособность, внутренний спрос, инновации, добавленная стоимость.

Роль транспортного комплекса в антикризисном инвестиционном проекте

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. стал для экономики КНР серьезной проверкой на прочность. 5 ноября 2008 г. Госсовет КНР принял (в дополнение к запланированным в бюджете средствам) крупномасштабный антикризисный инвестиционный проект в размере 4 трлн юаней (586 млрд долл.), соразмерный с 15% ВВП КНР¹. На долю транспортного комплекса в нем пришлось 1,8 трлн юаней, или почти половина ассигнований. Из них министерству транспорта было выделено более 1,2 трлн юаней (на развитие автодорожной инфраструктуры, реконструкцию портового хозяйства и реконструкцию аэропортов), 600 млрд юаней были адресованы министерству железных дорог для расширения сети. На фоне падения темпов роста экономики, сокращения объема экспорта и роста безработицы строительство железнодорожной инфраструктуры стимулировало увеличение внутреннего спроса, создало значительный мультипликативный эффект. В 2009 г. благодаря этому было создано 4 млн, а в 2010 г. — еще 2 млн рабочих мест, сформировался спрос на 40 млн т стали и 110 млн т цемента, возросли объемы производства технического оборудования².

Именно 2008 год ознаменовался началом строительства высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) Пекин — Шанхай протяженностью 1318 км с целью соединения двух основных экономических зон — Бохайского залива и дельты Янцзы. На их долю приходится 6,5% территории страны и четвертая часть всего населения, а размер регио-

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru;

У Цзы (КНР), аспирантка ИДВ РАН. E-mail: wendyuwu828@yandex.ru;

Чэнь Сяо (КНР), аспирантка ИДВ РАН. E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru;

Заклязьминская Екатерина Олеговна, аспирантка ИДВ РАН. E-mail: ekaterina.zakl@gmail.com.

нального валового продукта (РВП) составляет 40% общенационального ВВП³. Введение этой трассы в эксплуатацию объединило около 80 городов, а общая сумма РВП, производимого в прилегающих к магистрали районах, превысила 75% ВВП КНР⁴. Работы по прокладке ВСЖД увеличили в период 2008–2010 гг. дополнительный внутренний спрос в экономических зонах Бохайского залива и дельты Янцзы на 1,2 трлн юаней (192 млрд долл.), было создано более 2 млн рабочих мест⁵.

Расширение масштабов инвестиций в инфраструктурное строительство правительство КНР использовало не только в наиболее критическую «двухлетку» спада мировой экономики. В 2012 г. в Пекине было утверждено 13 крупных проектов в области автодорожного строительства, 7 — в сфере развития портов и внутренних водных путей, 10 — по расширению городской транспортной инфраструктуры общим объемом в 1,3 трлн юаней⁶. Важный вывод был сформулирован на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.): «Приоритетной задачей стабилизации экономического развития является реализация крупных инфраструктурных проектов, намеченных планом 12-й пятилетки. Следует активизировать прокладку новых железнодорожных магистралей, приступить к расширению инфраструктуры в сельских районах, центральных и западных регионах страны. Обладающее значительным мультипликативным эффектом это строительство позволит активизировать экономическое развитие КНР»⁷.

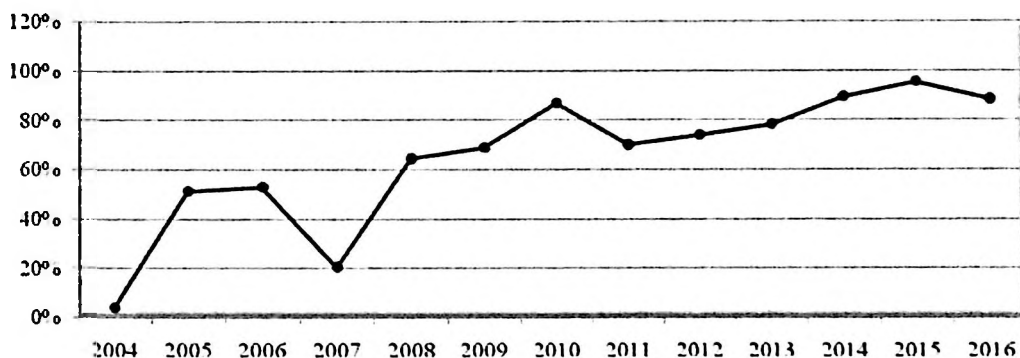

Рисунок 1. Ежегодные темпы прироста капиталовложений в основные фонды железнодорожного транспорта КНР (2004–2016 гг.)

Источник: China to spend \$438b on rail network in the next five years.

URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-11/27/content_22523573.htm; China has largest high-speed rail network.

URL: http://www.china.org.cn/photos/2016-02/29/content_37893650_5.htm; China builds railway bridge across the income gap.

URL: http://www.china.org.cn/business/2016-05/15/content_38459918.htm

Наибольшие объемы инвестиций в основные фонды железнодорожного транспорта пришлось на 2010 и 2014–2015 гг., когда их объемы составили 842,7; 809; 810 млрд юаней соответственно (рис. 1).

В июле 2014 г. Госсовет КНР постановил увеличить объем капиталовложений в развитие железнодорожного транспорта в период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) с 2,8 трлн до 3,47 трлн юаней⁸. Всего за эту пятилетку совокупный объем капиталовложений составил 3,58 трлн юаней, что позволило обеспечить строительство 30,5 тыс. км железных дорог, включая прокладку 4,5 тыс. км линий ВСЖД⁹. В период только что начавшейся 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) Китайская железнодорожная корпорация (КЖК) намерена инвестировать 3,5 трлн юаней в строительство более 30 тыс. км новых железнодорожных линий¹⁰, а с 2020 по 2030 г. — 8 трлн юаней, причем подавляющая

часть инвестиций будет направляться на строительство в центральном и западных районах, что позволит КЖК довести протяженность железнодорожной сети Китая к 2020 г. до 150 тыс. км, а к 2030 г. — до 200 тыс. км. Это, по мнению руководства КЖК, является неременным условием обеспечения удвоения ВВП страны в 2020 г. по сравнению с 2010 г. и построения к 2020 г. «общества малого благоденствия» (*сяокан*)¹¹ и к 2030 г. «общества всеобщей зажиточности» (*фуюй*).

По итогам 2014 г. рост инвестиций в КНР в основные фонды промышленности составил 15,3%, а в развитие инфраструктуры — 21,5%¹². Руководство Китая признает, что стабильный рост экономики в период 12-й пятилетки в пределах 8–9% был обеспечен благодаря росту инвестиций в развитие транспортного комплекса¹³.

В октябре 2014 г. индекс цен производителей, отражающий изменения цен корзины товаров и услуг и являющийся ранним инфляционным индикатором, снизился на 2,2% по сравнению с показателем октября 2013 г. Сохраняя отрицательное значение на протяжении 32-х месяцев подряд, этот макроэкономический индикатор отчетливо свидетельствует о замедлении темпов экономического роста в КНР¹⁴. Касаясь преодоления негативных тенденций в экономике, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что «на фоне снижения темпов роста ВВП Китая ниже запланированных 7,5% мы должны увеличить инвестиции в расширение железнодорожной сети Китая для придания нового импульса к экономическому росту». Ли Кэцян провел два совещания с депутатами Госсовета КНР, которые касались «увеличения финансирования развития транспортного комплекса КНР в качестве основного средства оживления экономической активности»¹⁵.

В октябре 2014 г. Госкомитет по развитию реформы (ГКРР) одобрил выделение 700 млрд юаней (114,3 млрд долл.) на строительство в западных провинциях и северо-восточном Китае пяти аэропортов (5,49 млрд юаней / 896 млн долл.)¹⁶ и одиннадцати железных дорог, которые «позволят подстегнуть рост капиталовложений в основные фонды транспортного комплекса и стимулировать экономический рост»¹⁷. В ноябре 2014 г. ГКРР принял решение о строительстве еще пяти железных дорог¹⁸ общей стоимостью 152,7 млрд юаней, а в начале декабря 2014 г. — решение о выделении 66,24 млрд юаней на прокладку четырех железнодорожных магистралей в провинциях Цзилинь, Шэньси, Чунцзинь и Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ)¹⁹. За 9 месяцев 2015 г. ГКРР одобрил кредитование 218 крупных проектов на общую сумму 1,8 трлн юаней. Из них 1 трлн был направлен на развитие транспортной инфраструктуры. В конце 2015 г. ГКРР выделил 253,3 млрд юаней на строительство четырех новых железных дорог общей протяженностью 2 тыс. км и 95,3 млрд юаней на осуществление 8 транспортных проектов²⁰. В декабре 2015 г. он дополнительно выделил 80,51 млрд юаней на строительство ВСЖД Иньчуань — Сиань²¹. В 2016 г. было одобрено строительство железных дорог на 79,47 млрд юаней: их планируют проложить в пров. Гуйчжоу, Гуанси-Чжуанском (ГЧАР) и Синьцзян-Уйгурском (СУАР) автономных районах, т.е. в экономически наименее развитых западных регионах страны²². В ноябре 2016 г. ГКРР утвердил дополнительное финансирование строительства еще пяти железнодорожных линий²³ ценой в 194,58 млрд юаней.

Итак, в 2015–2016 гг. массивные инвестиции в развитие железнодорожной инфраструктуры как рычаг для поддержания роста экономики были широко задействованы. После мирового финансово-экономического кризиса в качестве основного драйвера экономического развития оставались инвестиции в развитие железнодорожного транспорта (включая городской рельсовый). Капиталовложения в развитие этих отраслей составляли около 70% всех инвестиций в инфраструктуру страны: на долю железнодорожного транспорта приходилось 46%, а метрополитена — 33% объема инвестиций, одобренных ГКРР.

ГКРР и министерство транспорта КНР принимают и долгосрочные планы дополнительного финансирования инфраструктурного развития. В мае 2016 г. они одобри-

ли выделение отрасли 4,7 трлн юаней (723,8 млрд долл.) на ближайшие три года. Инвестиции будут направлены на реализацию 303 проектов в области развития железных и автомобильных дорог, внутреннего водного транспорта, аэропортов и городского транспорта — 131 проект в 2016 г., 92 — в 2017 г. и 80 — в 2018 г.²⁴

Мультипликативный эффект развития транспортной инфраструктуры

Появление ВСЖД в Китае явилось не только инновационным прорывом, но и стало играть большую роль в области стимулирования экономики страны и увеличения занятости. Строительство одного километра высокоскоростного железнодорожного пути способствует созданию 600 новых рабочих мест²⁵. Согласно расчетам китайских экономистов, осуществленных на основе межотраслевых балансов, 1 млрд юаней, вложенный в развитие ВСЖД, создает более 25 тыс. новых рабочих мест в железнодорожной отрасли и вдвое больше рабочих мест в смежных отраслях²⁶. Инвестирование 700 млрд юаней (108,5 млрд долл.) в железнодорожное строительство обеспечивает спрос на 30 млн т стали и 140 млн т цемента²⁷. Китайские специалисты в области железнодорожного транспорта отмечают, что капиталовложения в строительство ВСЖД в размере 100 млн юаней стимулируют рост ВВП на 267 млн юаней²⁸, т.е. увеличение инвестиций в развитие высокоскоростной железнодорожной инфраструктуры на 1% способствует росту ВВП КНР на 1,5%²⁹. Аналитики Банка Китая определили, что рост ВВП КНР на 1% способствует созданию 1,8–1,9 млн рабочих мест. В 2015 г. темпы роста ВВП КНР составили 6,9%, что позволило создать 13,12 млн новых рабочих мест³⁰. Увеличение доли грузовых железнодорожных перевозок в совокупном грузообороте транспорта КНР на 1% позволяет снизить себестоимость национальной логистики на 21,2 млрд юаней³¹. С открытием ВСЖД Цзинань — Циндао, Ухань — Гуанчжоу и Шанхай — Нанкин грузооборот на действующих грузовых железных дорогах увеличился на 200 млн т в год. Согласно расчетам китайских экономистов, увеличение доли ВСЖД в общем объеме пассажирских перевозок железнодорожным транспортом на 1% обеспечивает экономию 3,3 млрд долл.³²

При выборе приоритетности направления государственных капиталовложений в отрасли промышленности предпочтение отдается развитию транспортной инфраструктуры и производству подвижного состава. За первый квартал 2015 г. объем инвестиций в основные фонды промышленности по сравнению с предыдущим периодом 2014 г. увеличился на 13,5%. За этот же период 2015 г. рост инвестиций в развитие транспорта составил 23,8%³³. В 2015 г. (по сравнению с аналогичным периодом 2014 г.) рост капиталовложений в основные фонды промышленности показал прирост на 10,9%, тогда как инвестиции в развитие транспорта выросли на 17,1%³⁴. Благодаря такой инвестиционной политике в высокотехнологичных отраслях промышленности (в число которых входит строительство скоростных линий и производство подвижного состава для ВСЖД) темпы роста увеличились до 10,2%³⁵, тогда как валовая добавленная стоимость промышленности КНР в целом выросла в 2015 г. лишь на 6,1%.

Развитие транспортных сетей активизирует региональное развитие в Китае

По оценкам китайских специалистов, самая протяженная в мире ВСЖД Пекин — Гуанчжоу позволит ежегодно увеличивать ВВП КНР на 30 млрд юаней. Магистраль объединяет пять важнейших экономических зон КНР, а развитие деловой активности в 28 крупнейших городах, расположенных в этом регионе, обеспечит в течение пяти лет после открытия ВСЖД дополнительный рост ВВП КНР на 3–4%³⁶. Эксплуатация

лишь одного ее участка (Пекин — Чжэнчжоу) в период до 2030 г. позволит добавить 275,8 млрд юаней к ВВП КНР, причем ежегодный вклад составит 15,3 млрд юаней³⁷.

После ввода в строй в 2006 г. наиболее удаленной западной ВСЖД Цинхай — Тибет (1956 км) ВВП Тибетского автономного района (ТАР) в течение 10 лет ежегодно возрастал на 10%, поднявшись с 34,2 млрд юаней в 2006 г. до 102,6 млрд юаней (15 млрд долл.) в 2015 г. Доходы провинции Цинхай выросли с 64 млрд юаней в 2005 г. до 241,7 млрд в 2015 г. За 10 лет эксплуатации ВСЖД Цинхай — Тибет перевезла более 100 млн пассажиров. За этот период доходы туристической отрасли ежегодно возрастали на 25%, количество туристов, посетивших ТАР, увеличивалось на 30%, общее количество туристов, посетивших Тибет, выросло с 1,8 млн до 29,2 млн соответственно³⁸. В 2015 г. более 350 тыс. человек или 10% населения Тибета работали в туристической индустрии. Доходы туристической отрасли ТАР по сравнению с 2006 г. выросли в 15 раз и превысили 28 млрд юаней. Благодаря стремительному развитию региональной экономики в 2015 г. общий объем внешней торговли автономного района превысил 3,5 млрд долл.³⁹

СУАР в 2014 г. посетило 52 млн китайских и 1,1 млн зарубежных туристов. Ввод в эксплуатацию ВСЖД Ланьчжоу (Ганьсу) — Синин (Цинхай) — Цзягуань (Ганьсу) — Шаньшань (СУАР) — Урумчи в 2015 г по плану должен увеличить количество туристов до 57 млн⁴⁰. За четыре года эксплуатации ВСЖД Ухань — Гуанчжоу общий объем перевезенных пассажиров превысил к 2014 г. 100 млн человек. Расположенные в зоне влияния ВСЖД города пров. Хунань (Чанша, Биньчжоу, Хэньян) смогли реализовать более 3 тыс. промышленных проектов, составляющих сегодня 40% индустриального потенциала, и создать более 50 тыс. новых рабочих мест; рост объема розничных продаж в этих городах стал значительно превышать средний по провинции. С пуском в эксплуатацию ВСЖД Гуйян — Гуанчжоу значительно возросли доходы жителей уезда Саньцзян, через который проходит скоростная магистраль.

На 4-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2016 г.) среди основных задач была выделена необходимость развития внутрирегиональной транспортной доступности. Было отмечено, что в период 13-й пятилетки следует ускорить инфраструктурное строительство в центральных и западных провинциях КНР, а также в зоне Экономического пояса рек Янцзы и Чжуцзян, регионе Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй.

Магистральные виды транспорта как интеграторы территории, цементирующие единство экономического пространства КНР

В 2016 г. в Китае высокоскоростные экспрессы курсировали по 34 выделенным линиям ВСЖД протяженностью более 20 тыс. км. Высокоскоростные магистрали, состоящие из четырех линий в направлении север — восток и четырех маршрутов в направлении восток — запад, охватили все города Китая с населением более 500 тыс. человек, связали между собой 500 городов страны, а также большинство уездов в центральном и восточном Китае⁴¹. Магистрали ВСЖД обеспечили доступ к скоростному железнодорожному сообщению более 90% населения страны.

С 2008 г. объем перевозок пассажиров скоростными поездами ежегодно возрастал на 30%, а за 8 лет (2008–2016 гг.) на китайских скоростных магистралях было совершено 5 млрд поездок. Ежедневно около 4,2 тыс. скоростных поездов выходят на линии, перевозя более 4 млн пассажиров. В 2016 г. на долю высокоскоростных дорог КНР приходилось 45% всего объема перевозок пассажиров железнодорожным транспортом⁴².

КЖК планирует, что в 2020 г. сеть ВСЖД протяженностью 30 тыс. км соединит 80% важнейших городов КНР и даст возможность жителям двух крупных соседних городов затрачивать на дорогу между ними не более двух часов. Созданная в 2020 г. сеть ВСЖД позволит людям добираться от Пекина до подавляющего большинства админист-

ративных центров провинций страны за время, не превышающее восьми часов (за исключением лишь Хайкоу, Наньнина, Куньмина, Урумчи и Лхасы).

Руководство КЖК заявляет, что к 2025 г. протяженность железных дорог в Китае достигнет примерно 175 тыс. км, из которых на ВСЖД будет приходиться около 38 тыс. км. Планируется осуществить переход от нынешних «четырёх вертикальных и четырёх горизонтальных линий» к «восьми вертикальным и восьми горизонтальным линиям». К этому времени все 2800 узлов должны иметь железнодорожное сообщение, а все вокзалы должны быть связаны с другими видами транспорта⁴³. Строительство высокоскоростных магистралей значительно повысило мобильность населения КНР. К примеру, услугами самой протяженной в мире ВСЖД Пекин — Гуанчжоу только в 2015 г. воспользовались около 100 млн пассажиров. Кроме того, магистраль сделала более доступными туристические объекты: за год после открытия движения по ВСЖД число туристов, которые посетили города Ухань, Чанша, Чжэнчжоу, Шицзячжуан и Пекин, увеличилось на 25%⁴⁴.

Автомобильное строительство

В течение 2000–2010 гг. более трети всех капиталовложений в эту сферу пришлось на расширение Национальной сети скоростных магистралей (НССМ): скоростные автомагистрали связали Пекин и Шанхай со столицами всех провинций страны, объединили 200 главных городов с населением, превышающим 500 тыс. человек. Костяк НССМ состоял из 12 скоростных автомобильных дорог, составляющих 5 коридоров «север — юг» и 7 коридоров «восток — запад». В стране было построено одно из самых протяженных высококлассных шоссе в мире — автомагистраль «Тунсань»: Тунцзян (Хэйлуцзян) — Санья (Хайнань) длиной в 5,7 тыс. км.

Сеть соединила 9 важнейших меридиональных магистралей в направлении север — юг и 18 широтных магистралей в направлении восток — запад, а также 7 лучеобразных автострэд, берущих начало в столице КНР: Пекин — Шанхай, Пекин — Тайбэй, Пекин — Сянган — Аомэнь, Пекин — Куньмин, Пекин — Лхаса, Пекин — Урумчи и Пекин — Харбин. В начале 13-й пятилетки количество важнейших меридиональных шоссе в направлении север — юг будет увеличено до 11 магистралей.

Согласно планам 13-й пятилетки, в 2016–2020 гг. в Китае будет построено 30 тыс. км скоростных автодорог⁴⁵. К 2020 г. скоростными магистралями планируется соединить все города КНР, чье население превышает 200 тыс. чел. Предполагается, что все жители восточных провинций получат возможность добираться до скоростных автомагистралей в течение получаса, центральных провинций — за час, а западных — за два часа.

За период с 2005 по 2015 г. правительство Китая инвестировало более 350 млрд юаней в строительство сельских автодорог, за счет чего было построено 1 млн км новых сельских автомобильных магистралей, улучшено покрытие более 350 тыс. км уездных и волостных дорог. Политика китайского руководства в области автомобильного транспорта направлена на то, чтобы в каждом крупном городе КНР была сформирована внутригородская сеть скоростных магистралей, что приведет к ускорению экономической интеграции провинций. За счет создания сети многополосных скоростных шоссе провинции получают значительные выгоды. Транспортное обеспечение экономики и быта играет не последнюю роль в повышении производительности труда, способствует конкурентоспособности местных производителей, обеспечивая им выход на ранее недоступные региональные рынки.

Самоокупаемость транспортного комплекса КНР

Железнодорожная отрасль всегда отличалась капиталоемкостью путевого хозяйства и сооружений при высокой первоначальной стоимости основных фондов. Отрасль характеризуется медленной отдачей капитальных вложений — в среднем по миру срок

окупаемости железнодорожных объектов составляет 10 лет и более. Однако достижения Китая в области развития ВСЖД кардинально изменили это положение, а его высокоскоростные магистрали превратились в высокоэффективную отрасль народного хозяйства, привлекательную для инвестиций.

Характерный пример — ВСЖД Пекин — Шанхай, строительство которой началось в 2008 г. Суммарный объем капиталовложений в ее прокладку составил 208,8 млрд юаней (на тот период это был самый дорогостоящий объект капитального строительства в стране, начиная с 1949 г.). Китайские экономисты полагали, что только через 5 лет дорога сможет выйти на самоокупаемость. После введения в эксплуатацию 30 июня 2011 г. она ежедневно перевозила более 150 тыс. пассажиров и всего за три года эксплуатации обеспечила транспортировку более 220 млн человек⁴⁶. В 2015 г. эта ВСЖД перевезла 130 млн пассажиров, выручка от продажи билетов составила 30 млрд юаней (5 млрд долл.), общая прибыль превысила 6,6 млрд юаней, а чистая прибыль дороги составила 6,58 млрд юаней. Прибыль с каждого пассажира составила 50 юаней⁴⁷. По расчетам китайских экономистов, через 14 лет инвестиции в строительство ВСЖД Пекин — Шанхай полностью окупятся⁴⁸. Рентабельными в 2015 г. стали маршруты ВСЖД Шанхай — Нанкин, Шанхай — Ханчжоу, Нанкин — Ханчжоу, Гуанчжоу — Шэньчжэнь, где чистая прибыль составила 641, 259, 101 и 177 млн юаней соответственно⁴⁹.

В современных условиях возрастает доля торгующим дорогам грузом с коротким циклом обращения. Многие годы в Китае при транспортировке таких грузов 95% приходилось на авиационный и автомобильный виды транспорта, доля железных дорог составляла лишь 5%⁵⁰. С появлением сети ВСЖД ситуация кардинально изменилась. В 2014 г. ведущий оператор железных дорог КНР (China Railway Group) подписал соглашения о сотрудничестве с основными китайскими и зарубежными компаниями экспресс-доставки — SF Express, China Post, UPS, Pony Express, DHL, TNT Express. Курьерское подразделение China Railway Express приступило к доставке срочных грузов по ВСЖД Шанхай — Шэньчжэнь в 20 крупнейших городов Китая⁵¹. Проведенные в 2015 г. расчеты себестоимости перевозки срочных грузов по ВСЖД показали, что стоимость доставки срочных грузов на расстояние от 500 до 1 тыс. км может быть снижена по сравнению с авиаперевозками на 40–50%⁵².

По мере расширения сети ВСЖД скоростные поезда стали конкурировать с региональными авиакомпаниями и на рынке пассажирских перевозок. По оценкам специалистов Университета гражданской авиации КНР, введение в эксплуатацию ВСЖД снижает количество авиапассажиров на соответствующем направлении внутри страны на 30%. После открытия движения по ВСЖД Чжэнчжоу — Сиань время поездки между двумя городами сократилось с 6 часов более чем втрое⁵³. Региональным авиакомпаниям, чей пассажирооборот уменьшился почти вдвое, пришлось отменить большинство авиарейсов внутри провинции Хубэй. С введением в эксплуатацию ВСЖД Пекин — Ухань некоторые региональные авиаперевозчики снизили стоимость билетов на перелет по этому маршруту с 1 тыс. юаней (160 долл.) до 200 юаней (32 долл.)⁵⁴. Вступившая в строй в 2013 г. ВСЖД Шэньчжэнь — Пекин сокращает время поездки между этими городами до 8 часов вместо прежних 29. Сегодня билет по этому маршруту в зависимости от классности стоит от 540 до 2727 юаней (при стоимости билета на обычный поезд — от 257 до 720 юаней)⁵⁵. А 3-х часовой авиaperелет Шэньчжэнь — Пекин аэробусом А-380 авиакомпании China Southern Airlines обходится в 1750 юаней и длится 3 часа (не считая времени регистрации в аэропорту). В 2013 г. ведущие китайские авиакомпании объявили о снижении пассажирских тарифов. China Southern Airlines объявила о введении скидок до 73%, Air China снизила цены на 57% на перелет по маршруту Пекин — Ухань. Генеральный директор China Eastern Airlines Лю Шаоюн полагает, что в недалеком будущем сеть ВСЖД Китая будет охватывать практически все районы страны, что окажет «прямое и длительное давление на 60% рынка гражданской авиации КНР»⁵⁶. Острая конкурентная борьба

между двумя видами транспорта КНР вынудила их руководство приступить к разработке путей сотрудничества и выработке компромиссов в борьбе за привлечение пассажиров.

Конкурентоспособность китайских ВСЖД

В области строительства ВСЖД китайские специалисты собственными силами создали ряд новых подлинно инновационных разработок. К таким следует отнести, к примеру, Цинхай — Тибетскую железную дорогу, особенно ее участок Голмуд — Лхаса, самый высокогорный в мире. Перегон протяженностью 960 км был проложен на высоте более 5 км над уровнем моря (выше вершины Монблана). Инновационные решения при разработке подвижного состава ВСЖД и в строительстве железнодорожного полотна для скоростных поездов были в значительной мере достигнуты благодаря развитию НИ-ОКР. В начале 2014 г. вопросами развития подвижного состава и повышения качества сетевого оборудования занимались 25 университетов, 11 исследовательских центров, 51 отраслевая лаборатория и инженерные центры⁵⁷. В 2013 г. в Чанчуне был запущен крупнейший в КНР Центр разработок и производства скоростных пассажирских составов, созданный корпорацией CNR. Производственная площадка (290 тыс. кв. км) стала самой крупной по масштабам и оснащенности передовым оборудованием производственной базой в мире. Этот Центр стал ежегодно производить 500 вагонов для обычных пассажирских поездов, 100 высокоскоростных экспрессов нового поколения модели CRH380A, более 2 тыс. вагонов для ВСЖД. В 2014 г. на базе Центра был открыт НИИ с участием ученых и специалистов из Университета Мичигана (США)⁵⁸. В 2014 г. корпорация CSR открыла свой первый НИИ в Чжучжоу (Хунань), который занялся разработкой новейших технологий для ВСЖД и стал определять экономическую и промышленную стратегию корпорации⁵⁹.

В 2011–2015 гг. китайские корпорации CNR и CSR занимали первое и второе место в мире по объемам производства скоростных локомотивов и подвижного состава для ВСЖД. Объем их выручки от продаж был равен совокупному объему пяти главных западных производителей скоростного подвижного состава — Bombardier (Канада), Alstom (Франция), Siemens (Германия), General Electric (США) и Kawasaki (Япония)⁶⁰. К 2020 г. за счет освоения новых рынков в странах Среднего Востока, Южной Америки и Африки CSR и CNR планировали контролировать более 70% мирового рынка продаж электропоездов и подвижного состава для ВСЖД⁶¹.

С целью облегчения выхода на международные рынки Госсовет КНР в декабре 2014 г. принял решение об объединении корпораций CSR и CNR. Решение о создании единой корпорации по производству подвижного состава для ВСЖД вступило в силу с 25 сентября 2015 г.⁶² Общая стоимость активов новой корпорации составила 300 млрд юаней (48,3 млрд долл.), стоимость ее ценных бумаг, котирующихся на Сянганской фондовой бирже, превысила 26 млрд долл.⁶³, а количество персонала — 180 тыс. человек⁶⁴. Новая объединенная корпорация CRRC (China Railway Rolling Stock Corporation) стала крупнейшей в мире компанией по производству подвижного состава для железнодорожного транспорта и будет контролировать 30% мирового рынка производства железнодорожного подвижного состава, оборудования и комплектующих. В 2015 г. корпорация экспортировала подвижной состав в 101 страну мира, ее доход составил 237,7 млрд юаней (36,63 млрд долл.), объем прибыли — 1,44 млрд долл. 89% дохода составили продажи подвижного состава на внутреннем рынке, которые по сравнению с предыдущим годом выросли на 4,51%⁶⁵. В первом полугодии 2016 г. объем новых экспортных контрактов CRRC вырос на 126% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г., объем прибыли составил 4,8 млрд долл.⁶⁶

**Основные показатели ведущих китайских производителей
подвижного состава для ВСЖД**

	China North Locomotive and Rolling Stock Industry (Group) Corp — <i>China CNR Corp</i>	China South Locomotive & Rolling Stock Corp Ltd — <i>China CSR Corp</i>
Год создания	2008 г.	2007 г.
Доходы (2013 г.)	97,24 млрд юаней	97,9 млрд юаней
Экспорт	80 стран	83 страны
Дата регистрация на бирже	Шанхайская фондовая биржа — 2009 г.; Сянганская фондовая биржа — 2014 г.	Шанхайская и Сянганская фондовые биржи — 2014 г.
Число подразделений	29	20
Количество персонала	89 тыс. человек	91 тыс. человек
Штаб-квартира	Пекин	Пекин

Источник: Rail convergence goes on fast track.

URL: http://www.china.org.cn/business/2014-10/29/content_33902637_2.htm.

В 2016 г. на долю мировой сети ВСЖД (около 30 тыс. км) приходилось около 2,5% общей протяженности мировых магистральных железных дорог. При этом они выполняли более 15% всех пассажирских перевозок. К 2020 г. в мире будет построено более 50 тыс. км новых ВСЖД, которые, по оценке международных специалистов, позволят привлечь более 1,3 трлн долл. прямых инвестиций⁶⁷.

Стоимость прокладки 1 км ВСЖД в КНР составляет 33 млн долл., тогда как в развитых странах — 50 млн долл., иными словами, себестоимость 1 км полотна для ВСЖД в КНР чуть ли не вдвое меньше⁶⁸. В начале 2016 г. руководство КЖК заявило, что в течение года китайские ВСЖД выйдут на рынки РФ, США, Индонезии, Сингапура. Это строительство ВСЖД Москва — Казань (770 км), ВСЖД в западной части США из Лас-Вегаса до Лос-Анджелеса (370 км), ВСЖД Джакарта — Бандунг (150 км), ВСЖД Малайзия — Сингапур и ряд проектов в других странах мира. Провозглашенный руководством КНР план Экономического пояса Шелкового пути, вовлекающий в широкомасштабное железнодорожное строительство все больше европейских и азиатских стран, несомненно, будет способствовать бурному росту спроса на строительство железных дорог по китайским технологиям и закупку подвижного состава для ВСЖД из КНР. Развитие высокотехнологичного подвижного состава, соответствующего передовым стандартам, уже приносит значительный экономический эффект — в 2015 г. на фоне сокращения объемов экспорта китайских товаров за рубеж на 6%, объем экспорта высокотехнологичного подвижного состава вырос на 66,9% и составил 26,57 млрд юаней (4,113 млрд долл.)⁶⁹. КНР оставила далеко позади Японию и Южную Корею по объемам экспорта высокотехнологичной продукции⁷⁰.

Объемы китайского экспорта подвижного состава и объем контрактов на строительство Китая железных дорог за рубежом в 2014 г. в стоимостном выражении (около 7,5 млрд долл.) составили 2/3 стоимости российского экспорта вооружений за 2014 г. (10,2 млрд долл.⁷¹), в 2015 г. — 10,7 млрд долл. и 14,5 млрд долл. соответственно⁷².

Развитие транспортного комплекса КНР и других отраслей экономики тесно взаимосвязаны. Характер мобильности населения, уровень развития производства и торговли в Китае определяют спрос на услуги транспорта. Вместе с тем, транспорт является ключевым системообразующим фактором, оказывая влияние на уровень жизни населения и на уровень развития производительных сил страны.

Динамичный экономический рост КНР в начале XXI в. был обеспечен в значительной степени благодаря масштабным инвестициям в развитие транспортной инфраструктуры.

1. NDRC approves new projects. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/12/t20141112_3886245.shtml.
2. *Ху Аньган*. Чжунгодэ вэйчжи: [Место Китая в мире]. Шанхай: Дунфан чубань чжунсинь, 2012. С. 102.
3. *Li E.* High-speed rail network helping unlock markets for SMEs. URL: http://www.chinadaily.com.cn/hkedition/2016-03/29/content_16355337.htm.
4. Slower growth better balances economy. URL: <http://english.people.com.cn/business/8531431.html>.
5. China's high-end manufacturing booms on fast track. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2012-10/22/content_15836501.htm.
6. A bank that will realize inclusive development. URL: <http://www.ecns.cn/business/2014/05-22/115311.shtml>.
7. Facts & Figures: Bright spots in China's economy 2013. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-01/28/c_133081057.htm.
8. China set to fulfill annual railway investment target. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201610/24/t20161024_17098061.shtml.
9. China to invest US\$422B in railways over 5 years. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-07/01/content_38787185.htm.
10. China to spend \$438b on rail network in the next five years. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-11/27/content_22523573.htm.
11. Основным критерием «общества малого благоденствия», по утверждению китайского экономиста Ху Аньгана, станет увеличение ВВП КНР до 14 трлн долл. Это позволит довести подушевой показатель ВВП Китая до 10 тыс. долл. См.: A decade in two 5-year plans. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-03/16/content_23898532.htm.
12. China's economic and social development in 2014. URL: <http://en.people.cn/business/n/2015/0226/c90778-8854287.html>.
13. SCIO briefing on national economic performance in 2014. URL: http://china.org.cn/china/2015-01/20/content_34604636.htm; *Wang Yanfei.* China vows to invest more in infrastructure, public services. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-03/15/content_23866871.htm.
14. NDRC approves new projects...
15. Key meeting to open railway construction to private capital. URL: <http://english.people.com.cn/business/8593467.html>.
16. Аэропорты Суньюань (Цзиньинь), Голо (Цинхай), Чжаланьтунь (АРВМ), Ланьцан (Юньнань) и Жэньхуай (Гуйчжоу).
17. China approves 8 railway, airport projects. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-10/22/content_33845237.htm.
18. Ордос (АРВМ) — Цзянь (Цзянси), 1,8 тыс. км; Датун (Шаньси) — Чжанцзякоу (Хэбэй), 137 км; Лхаса — Нинчи (ТАР), 402 км; а также Юси — Мохань и Дали — Жуйли (Юньнань) и железнодорожная магистраль: порт Цзинчжоу (Ляонин) — Байиньхуа (АРВМ). См.: New rail lines approved. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201411/18/t20141118_3929050.shtml.
19. China approves more railway projects. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-11/26/content_34157949.htm.
20. Это новые железные дороги в СУАР, пров. Ганьсу и Хунань; автомобильные магистрали в пров. Ганьсу, Хэбэй, Цзянси; два автомобильных моста через р. Янцзы и комплекс дренажных работ на Великом китайском канале на участке между Пекином и Ханчжоу. См.: China approves US\$15 bln in infrastructure projects. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-10/15/content_36820252.htm.
21. More high-speed rail lines to be built over next five years. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-12/25/content_37156598.htm.
22. В Китае утверждено ТЭО на строительство еще двух железных дорог. URL: http://russian.china.org.cn/business/txu/2016-10/12/content_39471876.htm.

23. Железная дорога Ганьшэнь (432 км, стоимость 64,13 млрд юаней) в 2020 г. соединит города Ганьчжоу (Цзянси) и Шэньчжэнь (Гуандун). Другие одобренные проекты: Чжанцзяцзе — Цзишоу — Хуайхуа, Муданьцзян — Цзямусы и Шэньму — Фэнцзячунь (объем инвестиций — 38,24, 38,56 и 8,75 млрд юаней соответственно), а также строительство железной дороги Пекин — Таншань (объем инвестиций запланирован в 44,9 млрд юаней). См.: Five railway projects worth \$30b given green light. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/15/content_27382656.htm.
24. China to invest \$723.8B in transport infrastructure. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-05/31/content_38572859.htm.
25. Wang Jun. New Frontiers in Exports. China sends railway, nuclear power and other equipment sales to foreign markets. URL: http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2015-02/09/content_668373_2.htm.
26. Тэдао юньшу юй цзинцзи. 2015. № 2. С. 4.
27. Railway boom to boost industries. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-08/05/content_33145021.htm.
28. Rail cargo volume drops 3.9% in 2014. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201501/30/t20150130_4478418.shtml.
29. Transport opens new growth path. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201410/28/t20141028_3792567.shtml.
30. Further slowdown in GDP expansion forecast in 2015. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201412/03/t20141203_4036165.shtml; Full text: Li Yuanchao's address at WEF annual meeting. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2016-02/15/content_37791512.htm.
31. Cargo transport set to benefit from link. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-12/25/content_27506969.htm.
32. Чжэ Ин. Как железная дорога изменила Китай. Развитие сети высокоскоростных железных дорог оказало значительное воздействие на социально-экономический прогресс Китая // Власть. 2014. № 43 (1098). С. 32.
33. Lan Lan. Spending on roads, railways will lift economy. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2015-04/16/content_20446580.htm.
34. Rail projects account for nearly half of infrastructure investment. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-04/12/content_38226980.htm.
35. Refueling China's Economy. URL: http://www.bjreview.com/Business/201601/t20160125_800047549.html.
36. China riding railway hopes. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201408/28/t20140828_3441737.shtml.
37. Beijing-Guangzhou high-speed rail to add 30b yuan to GDP annually. URL: <http://english.people-daily.com.cn/90778/8074227.html>.
38. 10 years on, plateau railway paves path to prosperity. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201606/22/t20160622_13076819.shtml.
39. Tenth birthday of the world's highest altitude train line. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201607/01/t20160701_13338155_1.shtml.
40. Li Fangfang. Speeding to Xinjiang // Beijing Review. 2015. Vol. 24. № 30. P. 26.
41. High speed railway joins battle to deliver for Singles' Day. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/12/content_27356494.htm.
42. China's bullet trains make five billion trips. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-08/01/content_38999925.htm.
43. China to boost railway network construction. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-06/29/content_38778233.htm.
44. Beijing-Guangzhou high-speed rail...
45. Infrastructure projects planned in the 13th Five-Year Plan. URL: <http://www.ecns.cn/visual/hd/2016/03-10/88865.shtml>.
46. Beijing-Shanghai high-speed railway sees 220 mln trips since debut. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-07/01/content_32822205_4.htm.
47. Beijing-Shanghai High-Speed Railway reaps 6.58 bln yuan. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201607/20/t20160720_13985752.shtml.
48. Hu Weijia. Beijing-Shanghai high-speed railway to post annual profit. URL: <http://www.global-times.cn/content/904112.shtml>.

49. China's most popular high-speed rail earns big in 2015. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201607/19/t20160719_13948612.shtml.
50. China Railway Express to launch hi-speed rail delivery. URL: http://en.ce.cn/subject/exclusive/201503/31/t20150331_2575735.shtml.
51. *Zhao Lei*. Bullet train networks growing at high speed. URL: <http://english.people.com.cn/business/n/2014/0702/c90778-8749424-2.html>.
52. China's first e-commerce express to debut. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-06/28/content_32801542.htm.
53. Air China cooperates with high-speed rail. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-11/29/content_15972726.htm.
54. China's high-speed railway boom to continue. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-01/16/content_27700648.htm.
55. Rail ministry responds to price critics. URL: http://www.china.org.cn/china/2015-12/24/content_27497118.htm.
56. Rail convergence goes on fast track. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-10/29/content_33902637_1.htm.
57. CRH trains take a leading role. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-01/10/content_17228708.htm.
58. China's strategic rollout of high speed rail. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/0620/c98649-8744160.html>.
59. *Wang Chao, Moody A.* Changing the rules of engagement on infrastructure. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-01/31/content_17266878.htm.
60. Train-makers set for sales boost abroad. URL: <http://www.ecns.cn/business/2016/02-06/153857.shtml>.
61. China rewrites global high-speed rail pattern in six years. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8139987.html>.
62. High-speed rail maker CRRC officially established. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-09/28/content_36702775.htm.
63. В июне 2015 г. стоимость акции CRRC на Шанхайской и Сянганской фондовых биржах составила 13,23 юаня (2,08 долл.). См.: High-speed rail maker CRRC officially established. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-09/28/content_36702775.htm.
64. China's top train makers finish merger plan. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201511/04_4041965.shtml.
65. Overseas Ambitions. URL: http://www.bjreview.com.cn/Business/201605/t20160503_800055756.html.
66. CRRC sees overseas orders soar in H1. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-08/23/content_39148482.htm.
67. Railway companies on track to haul the world. URL: <http://www.ecns.cn/business/2016/03-28/204472.shtml>.
68. *Liu Jin*. High-speed train: Chinese brand of economic diplomacy. URL: http://en.ce.cn/Insight/201312/24/t20131224_1985335.shtml; *Bai Tiantian*. High speed rail may need to be rebuilt. URL: <http://english.people.com.cn/90882/7935839.html>.
69. CRRC seeks more US rail deals. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-04/13/content_38232720.htm.
70. Доля Японии в азиатском экспорте высокотехнологичной продукции в 2015 г. равнялась 7,7%, РК — 9,4%. См.: China's hi-tech exports beat Japan and South Korea. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-01/04/content_37449717.htm.
71. Россия стала второй в мире по экспорту оружия. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/27/orujie-site.html>.
72. China to spend \$438b on rail network in the next five years...

Ван Янань и концепция «китайской экономической науки»

© 2017

О.Н. Борох

В статье рассматривается вклад Ван Янаня в развитие китайской экономической мысли республиканского периода. Анализируются выдвинутая ученым в 1940-е годы идея создания «китайской экономической науки», его оценки классической политической экономии и марксизма. Исследуются теоретические основы критики Ван Янанем немарксистских течений в китайской экономической науке первой половины XX в. Выявлена связь воззрений ученого с современными дискуссиями о перспективах китаизации экономической науки.

Ключевые слова: республиканский Китай, политическая экономия, марксизм, австрийская школа, национальная специфика.

В Китае период 1920-х — 1940-х годов стал эпохой широких и смелых научных поисков в области экономической теории, что в значительной мере было обусловлено открытостью страны внешним интеллектуальным воздействиям и отсутствием жестких идеологических ограничений. В те годы основное течение в китайской экономической науке представляли ученые, испытавшие влияние западных концепций. Параллельно происходило развитие китайской марксистской экономической мысли, сторонники этого направления выдвигали творческие идеи, которые во многом опередили свою эпоху. Анализ этих идей дает возможность углубить понимание исторических истоков современной китайской экономической мысли, выявить подходы китайских экономистов первой половины XX в. к актуальным в наши дни проблемам взаимодействия Китая и Запада.

Ван Янань (1901–1969) известен как переводчик и исследователь «Капитала» К. Маркса. Вместе с тем в республиканский период ученый оставил заметный след в осмыслении специфики китайской экономики, ему принадлежит приоритет в выдвигании концепции «китайской экономической науки».

В 1926 г. Ван Янань завершил учебу на педагогическом факультете университета Чжунхуа в Учане и стал преподавателем в частной школе, через несколько месяцев он остался без работы и направился в Чанша для участия в Северном походе. После революционных событий 1927 г. Ван Янань испытал разочарование, он вернулся в Учан с намерением заняться литературным творчеством и написать роман о Северном походе¹.

Поездка в Ханчжоу в 1928 г. стала поворотным событием в жизни Ван Янаня. В буддийском монастыре Дафосы он повстречался с Го Дали (1905–1976), недавним выпускником философского факультета шанхайского университета Дася. Два молодых интеллектуала пришли к выводу, что для преобразования китайского общества необходимо знание марксистской экономической теории. Чтобы создать фундамент для перевода «Капитала» К. Маркса, они решили за 6–8 лет перевести на китайский язык труды известных

западных экономистов XVIII—XIX вв. А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса и Дж.С. Милля, а потом совместно написать обзорную работу «От Адама Смита до Маркса».

В 1928 г. Ван Янань уехал на три года в Японию, там он изучал марксистскую политэкономия, учил японский и немецкий языки. В этот период он перевел на китайский язык «Историю человеческого брака» (1891) финского социолога Эдварда Вестермарка² и книгу японского социалиста Мотоюки Такабатакэ (1886–1928) «Экономическая история земельной ренты»³. В 1924 г. Мотоюки Такабатакэ закончил первый перевод «Капитала» на японский язык, что могло привлечь дополнительное внимание Ван Янаня к его научному творчеству.

В 1931 г. в Шанхае вышел в свет первый том «Богатства народов» Смита в переводе Ван Янаня и Го Дали⁴. В 1932 г. они издали перевод Рикардо⁵ и второй том «Богатства народов» Смита⁶. Помимо этого, Ван Янань опубликовал первый том собственной монографии «История экономической науки»⁷. В 1933 г. в его переводе была издана книга британского экономиста Джона Невилла Кейнса (отец Джона Мейнарда Кейнса) «Предмет и метод политической экономии» (1891)⁸.

В ноябре 1933 г. гоминьдановская 19-я армия отказалась участвовать в наступлении на Центральный советский район и провозгласила создание в Фуцзяни собственных органов власти. Ван Янань оставил преподавание в университете Цзинань в Шанхае и отправился в Фуцзянь, где занял посты министра культуры и образования народного правительства и главного редактора местного издания «Жэньминь жибао». После того, как в январе 1934 г. армия Чан Кайши подавила Фуцзяньский мятеж, Ван Янань покинул Китай и отправился в Европу. Он побывал в Германии и Великобритании, а осенью 1935 г. из Лондона направился в Японию.

В конце 1935 г. Ван Янань обосновался в Шанхае и вместе с Го Дали приступил к переводу «Капитала». Первый полный перевод экономического труда Маркса на китайский язык был издан осенью 1938 г. в оккупированном Шанхае⁹.

После начала японской агрессии и захвата Шанхая Ван Янань покинул город. В 1938 г. он прибыл в Ухань, а когда в октябре японцы захватили Ухань, Ван Янань уехал в Чунцин. В сентябре 1940 г. Ван Янань стал деканом экономического факультета Университета Сунь Ятсена в провинции Гуандун. Летом 1943 г. Ван Янань дважды беседовал об истории китайской бюрократической политики с приехавшим в поселок Пинши в Университет Сунь Ятсена британским ученым Дж. Нидэмом, исследовавшим причины отставания Китая от Запада в развитии науки и техники. В 1947–1948 гг. Ван Янань опубликовал ряд статей и монографию, в которых стремился выявить особенности китайского «бюрократического капитала» и его связь с бюрократической системой традиционного общества¹⁰.

Вершиной научной деятельности Ван Янаня в республиканский период стала опубликованная в 1946 г. книга «Основы экономики Китая», базирующаяся на прочитанных в Университете Сунь Ятсена лекциях об исторических корнях китайской экономики¹¹. После образования КНР эта работа получила известность за рубежом. В 1955 г. ее издали на японском языке, китайское издание 1957 г. с измененным названием¹² перевели на русский и опубликовали в СССР в 1958 г.¹³

В мае 1950 г. Госсовет КНР назначил Ван Янаня ректором Сямэньского университета. На этом посту он работал два десятилетия. Ван Янань создал Институт экономики Сямэньского университета и стал его директором.

Западная экономическая наука в Китае

На рубеже 1920-х — 1930-х годов Ван Янань характеризовал экономическое знание как «практическую науку», которую «можно правильно эффективно изучить и понять только в смысле и в требованиях использования на практике»¹⁴. Он полагал, что

экономическая наука является базовым знанием для всех общественных наук. Рост интереса к общественным наукам в республиканском Китае создал потребность в том, чтобы кто-то взял на себя «черновую работу» по пропаганде экономической теории.

В 1940-е годы Ван Янань обратился к изучению истории заимствования зарубежных экономических идей в Китае. Он утверждал, что в период восприятия западной экономической науки китайские экономисты «передавали, но не создавали» (*шу эр бу цзо*)¹⁵. С помощью этой фразы из «Бесед и рассуждений» Конфуция (Лунь юй VII,1)¹⁶ Ван Янань хотел подчеркнуть, что самостоятельное научное творчество в данной сфере в Китае отсутствовало. Ученый исходил из того, что отношения Китая и Запада в области экономической науки были односторонними: экономические идеи проникали в Китай извне, движения в обратном направлении не было никогда.

В 1920-е годы некоторые исследователи были увлечены темой китайского влияния на французских физиократов. Японский ученый Такимото Сэйити¹⁷ полагал, что идеи Кенэ происходят из классических китайских текстов «Четверокнижия» и «Пяти канонов»: «Основные идеи, образующие основу учения Кенэ (Quesnay), полностью соответствуют системе правителя-вана в древнем Китае, выраженной в “Щуцзине” и другой классике. Мест, отличных от установок этого учения, почти нет»¹⁸.

Идея влияния китайской мысли на западную экономическую науку противоречила базовой теоретической позиции Ван Янаня. По его мнению, в работе «Деспотизм в Китае» Кенэ стремился найти идеальную систему, способную вывести из кризиса сельское хозяйство Франции. Будучи врачом короля Людовика XV, он остерегался напрямую говорить о разрушительном влиянии коррупции на сельскую экономику. Вместо этого Кенэ попытался «с опорой на древность изменить систему», он описал свою идеальную систему и представил ее королю. Ван Янань подчеркивал, что Кенэ предлагал капиталистическую форму сельского хозяйства, которая не имела ничего общего с китайскими идеями внимания к сельскому хозяйству (*чжун нун*). Два течения были лишь поверхностно похожи, когда подчеркивали важность сельского хозяйства. «Увидев только внешнее, что он [Кенэ] восхвалял китайский деспотизм, сразу же говорить, что идеи физиократов проистекают из Китая — это большая натяжка. Мы не отрицаем, что современная экономическая наука произошла из Франции, из Шотландии, мы также можем добавить, что до написания “Богатства народов” шотландец Смит обращался к трудам физиократов. Но экономическая теория в трудах физиократов, выступавших в статусе “первых выразителей в систематизированном виде [идей], отражавших начальный период становления капитализма нового времени” [цитата из К. Маркса. — *О.Б.*], не имела отношения к древнекитайским идеям внимания к сельскому хозяйству»¹⁹.

Ван Янань считал, что возникшие в старой отсталой формации идеи не могут внести позитивный вклад в экономическую науку, отражающую практику новой формации. Если Кенэ заботился об интересах крупных землевладельцев и развитии капиталистического сельского хозяйства, то его воззрения никак не могли быть связаны с древней китайской мыслью, сформировавшейся в условиях феодализма и не соприкасавшейся с практикой капиталистической экономики.

В этом свете любое позитивное сравнение современных реалий с древнекитайскими идеями представлялось Ван Янаню необоснованным. В 1930-е годы известный китайский экономист Ли Цюаньши связывал проводившуюся Ван Маном политику «контроля над шестью видами деятельности и над рынками в пяти городах империи» (*лю гуань у цзюнь*) с переходом докапиталистического общества к контролируемой экономике. Тема государственного контроля над экономикой в интересах ускоренного развития вызывала в республиканском Китае большой интерес. Ван Мана считали проводником государственного регулирования и социалистических начал в экономике. Для Ван Янаня это был пример неправомерного использования древнекитайских идей в со-

временном контексте. Он отверг рассуждения Ли Цюаньши как чепуху, когда «текст толкуется только буквально»²⁰.

Ван Янань игнорировал древность на том основании, что китайская традиционная экономическая мысль отражала реалии отжившего феодализма. Трактовка экономической науки как практического знания, возникающего вместе с зарождением капитализма, исключала возможность самостоятельного возникновения такого знания в Китае в докапиталистическую эпоху. Ученый подчеркивал, что современная политическая экономия пришла в Китай извне: «Та экономическая наука, или политическая экономия, которую мы сейчас изучаем, как готовый привозной товар была заимствована нами из передовых капиталистических стран вслед за товарами или фабричной продукцией передовых капиталистических стран»²¹.

Образ политической экономии как «привозного товара», который поступает в отсталую страну из страны с передовой капиталистической экономикой, Ван Янань почерпнул у Маркса: «В Германии политическая экономия до настоящего времени оставалась иностранной наукой... Последняя импортировалась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора политической экономии оставались учениками»²².

Ван Янань увидел сходство между положением Германии в XIX в. и положением Китая в первой половине XX в. В Германии отсталость экономики привела к отсталости экономической науки, поэтому ей пришлось учиться у передовых стран — Англии и Франции. Сходным образом экономическая среда не позволила Китаю создать собственную экономическую науку.

Слова Маркса об «импорте» Германией политической экономии Ван Янань адаптировал к китайской реальности. Он уточнил, что первоначально политическая экономия поступала в Китай из Японии как «транзитный товар» (*чжжуанькоу хо*), а не как «готовый товар» из развитых стран. Работы японских авторов и выполненные ими переводы западных книг служили для китайцев источником знакомства с экономической наукой. Японские варианты перевода экономической терминологии вытеснили термины, которые предлагали китайские ученые, в том числе первый переводчик «Богатства народов» Янь Фу. По мере социально-экономического развития и повышения культурного уровня Китая современные общественные и естественные науки стали «импортировать» непосредственно с Запада²³.

Несмотря на отсутствие интереса к традиционной мысли, Ван Янань использовал неоконфуцианское разделение между обладающим материальной телесностью «подформенным» (*син эр ся*) и относящимся к высшему принципу метафизическим «надформенным» (*син эр шан*) для характеристики распространенных в Китае методов изучения экономической науки²⁴.

По мнению Ван Янаня, оба метода являются ошибочными. На раннем этапе проникновения экономической науки в Китай ее считали «подформенным» знанием об обогащении государства и отдельных людей. В период становления классической политэкономии названия многих западных книг по экономической науке содержали в названии идею богатства — например, работа Тюрго «Размышления о создании и распределении богатств» или «Богатство народов» Смита. Впоследствии экономическая наука занялась изучением причин не только богатства, но и бедности, в передовых странах утвердилось понимание того, что ее предмет является капиталистическая экономика. Однако отсталые страны, включая Китай, в ходе заимствования экономической науки по-прежнему руководствовались стремлением найти путь к богатству, что нашло отражение в трактовке идей Смита у Янь Фу²⁵.

Со временем китайские экономисты поняли, что экономическая наука не содержит практических рецептов обогащения и отказались от «подформенных» воззрений. Их сменил «надформенный», или «метафизический», подход к экономической науке, преважничавший ее в «знание ради знания». По мнению Ван Янаня, многие китайские эконо-

мисты начали пропагандировать «превосходящее реальность» «чистое» знание как новейшее научное достижение. Под влиянием «метафизического подхода» экономическая теория утратила связь как с переменами в капиталистических странах, так и с проблемами развития Китая²⁶.

В конце 1940-х годов Ван Янань критиковал китайских экономистов за тяготение при обсуждении экономических проблем к использованию жизненных познаний на уровне здравого смысла (*чаншихуа*), за их поверхностный подход (*бяосяньхуа*), не позволяющий выявить связь экономических фактов с лежащими в их основе общественными условиями, за односторонний упор на технические аспекты исследования (*цзюшухуа*)²⁷.

Эти предпочтения Ван Янань объяснял влиянием исследовательского стиля англо-американских экономических кругов, который был завезен в Китай вместе с иностранными товарами и капиталом. Этот стиль соответствовал уровню развития экономики и общества на Западе; там подобные исследования были способны заслужить одобрение со стороны монополистического капитала. «Просмотрев учебники или книги американцев Кларка, Фишера, Эли, Карвера, Тауссига, или же учебники или труды англичан Маршалла, Пигу, Кейнса и других, совсем нелегко обнаружить такие экономические формы, как в Китае. Напротив, нам в будущем необходимы большие усилия для того, чтобы возникла (или в конечном счете не возникла) такая экономическая форма с высоким уровнем развития товара и денег. Если использовать их способ исследований, опираться на концепции и выводы, полученные в результате их исследований, и применять их при изучении китайской экономики, то, если немного преувеличить, возникнет ситуация, когда “все они не подойдут друг другу, как к голове коровы не подходит рот лошади”»²⁸.

Критика восприятия китайскими экономистами австрийской школы

Яркой особенностью научных публикаций Ван Янаня стала критика экономического учения австрийской школы. С его проникновением в Китай он связывал отрыв китайских экономических кругов от изучения реальных общественных проблем, необоснованное восприятие китайской экономики как капиталистической рыночной экономики, неспособность указать путь преобразований. Для обоснования этих обвинений Ван Янань ссылался на взгляды К. Менгера, Ф. Визера и Е. Бем-Баверка, которые акцентировали внимание на методологии экономической науки, теории ценности и теории потребления²⁹.

По мнению Ван Янаня, субъективистская «наука потребления» австрийской школы возникла на Западе в ответ на теоретический вызов со стороны марксизма, ее претензии на «возрождение экономической науки» безосновательны. Капитализм переживает столь серьезные трудности, что выявить его «обновленные принципы», находясь на позициях капиталистов, не представляется возможным³⁰.

Ван Янань стремился объяснить, почему это учение получило распространение в Китае, еще не успевшем превратиться в капиталистическую страну. Ехали китайцы за границу сами или их приглашали иностранцы для проведения совместных исследований — в обоих случаях они «покорно принимали» учение австрийской школы. Это было элементарное знание в пределах здравого смысла, которое легко могли усвоить люди с невысоким научным уровнем. Теория потребления, теория желаний, теория процента, а также различные таблицы и цифры были «похожей на истину ложью», которая соответствовала людским вкусам. Второстепенные знания (законодательство предприятий, доклады об экономической конъюнктуре и др.) и овладение техникой экономического анализа многие считали существом экономической науки.

Самым вредным последствием распространения учения австрийской школы, по мнению Ван Янаня, стало то, что китайские экономисты были «отравлены» рассмотрением экономической науки как «надформенной» чистой теории³¹. Смещение внедрения в

экономическую науку рассуждений на уровне здравого смысла, техники анализа и «надформенной» метафизики («морочило китайцам голову», став для них «бельмом на глазу»³².

Возникает вопрос о том, каким образом китайские экономисты применяли идеи австрийской школы для исследования экономики Китая. С точки зрения Ван Янаня, они сумели обойти внутренние противоречия этого учения с помощью «метода сортировки» (*фэньлэй*). Они использовали его первую часть, то есть знания на уровне здравого смысла и технику, взяв их как прикладную науку. Метафизическую «надформенную» часть они истолковали как чистую экономическую науку. Первую часть было легко понять, и китайские экономисты овладели ею. Вторая часть оказалась сложной, поэтому они ограничились ее смутным пониманием³³.

Ван Янань указывал, что китайские учебники экономической науки были на 90% переписаны с американских университетских учебников Т.Н. Карвера, Ф. Тауссига, Р.Т. Эли и Э. Селигмена. «Главная тема экономической науки австрийской школы построена на надисторической концепции. Будь то учебники в учебных заведениях или экономические теории и взгляды в обычных изданиях, если они пренебрегают общественным характером предмета исследования, рассматривают вопросы товара, денег, капитала, ценности и заработной платы и даже различных экономических форм производства и потребления в отрыве от конкретной общественной основы, на которой они сформировались, занимаются только абстрактной дедукцией — сразу же видно, что это продукт экономической науки австрийской школы»³⁴.

Ван Янань полагал, что в 1940-е годы монопольное положение австрийской школы в китайских экономических кругах было поколеблено. Однако на кафедрах и в имеющих политический авторитет исследовательских организациях сохранила влияние надисторическая «надформенная» экономическая теория³⁵.

Ученый считал, что при разработке проектов преобразования китайской экономики на учение австрийской школы опираться нельзя. Составляющие такие планы экономисты не задумываются о том, осуществимы ли их рекомендации в Китае. Они рассматривают реальные формы китайской экономики (товар, стоимость и др.) как понятия, которыми они овладели из учебников экономической науки австрийской школы. Когда же их проекты наталкиваются на препятствия, «они вздыхают, что в китайском обществе недостаточно технических условий, но никогда не задумываются о том, что их планы или проекты составлены без учета китайского общества и его технического уровня. Раньше было так, сейчас то же самое»³⁶.

Хотя «китайские экономические круги подверглись влиянию культурной агрессии капитализма», настоящими адептами учения австрийской школы они не стали. Их отношение к этому учению пассивно следует принципу «люди говорят, я тоже говорю». «Критикуя стиль австрийской школы среди китайских экономистов, мы больше сожалеем, чем осуждаем». Ван Янань подчеркивал, что обновление китайских экономических кругов станет возможным лишь после того, как ученые выполнят свой «сознательный долг» и выйдут из «башни из слоновой кости» экономической науки австрийской школы³⁷. Он уподобил сторонников австрийской школы необразованным монахам, которые не знают буддийский канон, даже если каждый день читают и восхваляют его³⁸. Эта характеристика китайских экономистов основного течения, получивших образование в ведущих зарубежных университетах, подчеркнула разрыв между марксистами и последователями «буржуазной» науки и отсутствие между ними содержательного научного диалога.

Фактор классовой борьбы также не был забыт. Ван Янань отмечал, что «на завершающем этапе развития капитализма экономические учения австрийской школы и марксизма выражают идейную борьбу между двумя противостоящими классами буржуазии и пролетариата»³⁹.

Еще до революции 1917 г. сходную идею высказал Н.И. Бухарин: «Австрийская школа является идеологией предельного типа буржуазии, она является полнейшей анти-

тезой идеологии пролетариата: объективизм — субъективизм, историческая — неисторическая точка зрения, точка зрения производства — точка зрения потребления, — таково методологическое различие между Марксом и Бем-Баверком»⁴⁰.

В отличие от Бухарина, Ван Янань не связывал учение австрийской школы с идеологией ленивого паразита-рантье, которому присущи психология потребителя, обостренный индивидуализм и боязнь близящихся социальных катастроф. Напротив, он стремился показать, что в отсталом Китае учение австрийской школы полностью лишено социальной опоры. У Ван Янаня образ австрийской школы стал обобщенным обозначением современной буржуазной экономической науки, включавшей не только австрийских экономистов, но также англо-американскую школу. Он практически не уделил внимания критике характерного для австрийской школы субъективизма и ее учения о полезности. На первое место Ван Янань поставил осуждение антиисторического априорного подхода, преодоление которого должно было способствовать обращению китайских экономических кругов к марксизму.

«Китайская экономическая наука»

В начале 1940-х годов Ван Янань преподавал продвинутый курс экономической науки на базе сделанного вместе с Го Дали перевода Рикардо. Этот опыт убедил Ван Янаня в том, что более всего студенты интересуются историей китайской экономики. Постепенно он отошел от изложения работы Рикардо и начал разработку «курса политической экономии с позиции изучения экономической науки китайцами». В нем после рассказа о каждой из экономических форм следовала характеристика особенностей данной формы в Китае с уточнением распространенных среди китайцев заблуждений в ее понимании⁴¹.

Ученый предложил «изучать политическую экономию в статусе китайцев (*и чжунгожэнь цзыгэ*)», опираясь на исходные предпосылки и требования, отличные от тех, что стояли перед большинством европейских, американских и даже японских экономистов⁴². Нужно было понять, на каком этапе развития находится экономика Китая и какое место она занимает в мировой экономике. Также следовало определить, какие экономические концепции могут стать препятствием на пути развития страны, а какие способны помочь Китаю провести преобразования⁴³.

Ван Янань решил разработать на основе марксизма «китайскую экономическую науку», пригодную для анализа текущего социально-экономического положения и определения перспектив развития Китая. Впервые он использовал понятие «китайская экономическая наука» в 1941 г. в статье «Политическая экономия в Китае как начало изучения китайской экономической науки», опубликованной в журнале «Синь цзяньшэ»⁴⁴.

В этой публикации Ван Янань призвал создать политэкономическую базу для всех общественных наук, чтобы те могли на практике направлять общественную деятельность. Из научных концепций следовало «вымести пыль», препятствующую китайским социально-экономическим преобразованиям. Политэкономия должна была стать «культурным оружием» против культурной агрессии империализма. Долг китайских исследователей состоял в том, чтобы определить, каким образом использовать и закалять это «оружие»⁴⁵.

Под создаваемой для китайских нужд политэкономией Ван Янань понимал «курс экономической теории, который будет благоприятствовать его изучению китайцами, сможет вызвать интерес у китайцев, и в особенности, указать путь социально-экономическим преобразованиям Китая»⁴⁶. Ученый пояснил: «Выдвижение понятия “китайская экономическая наука” предпринято для того, чтобы в области исследований экономической науки сделать новую попытку и открыть новый путь, надеясь на то, что китайские экономические круги больше не будут “рынком”, постоянно “пассивно поглощающим” экономические учения так называемой англо-американской школы, немецкой

и австрийской школы, и даже советской школы, а смогут сами обрабатывать и создавать отечественный товар, соответствующий потреблению китайцами и удовлетворяющий спрос государства»⁴⁷. Примечательно, что «китайская экономическая наука» должна была стать альтернативой не только буржуазным учениям, но также советской политэкономии.

В 1943 г. Ван Янань заметил: «Понятие “китайская экономическая наука” я выдвигал неоднократно, но я не давал пояснений, каковы его рамки. Дело в том, что с точки зрения теории такое название не очень точное, к тому же легко может вызвать ошибочное понимание»⁴⁸.

Ван Янань заявил, что признает всеобщий характер экономической науки и верит в то, что при определенных производственных отношениях и условиях производства и обмена сложившиеся экономические законы могут быть использованы применительно ко всем обществам, где есть такие же производственные отношения и условия производства и обмена. С другой стороны, у каждого общества есть свои естественные исторические условия, поэтому экономические законы подходят к нему не полностью. В теории происходит отказ от тех особенностей, которые не поддаются обобщению. Однако особые условия, которые были отброшены, продолжают играть свою роль, и это не дает возможности действовать по шаблону (буквально — «находить хорошую лошадь по рисунку») и применять готовые формулы. Тем более нельзя применять метод «обрезания ноги под размер обуви» в отношении этапов, превосходящих капитализм или не достигших капитализма. Ван Янань пояснил, что предпосылкой выдвижения концепции «китайской экономической науки» стал тезис: «Хотя в теории экономическая наука в разных странах одна, в применении экономическая наука в разных государствах неодинакова»⁴⁹.

Ученый утверждал, что политэкономия возникает лишь на этапе капиталистического развития общества. Из этого следовало, что если Китай уже стал капиталистическим, то он может овладеть экономической наукой передовых стран, и тогда в «китайской экономической науке» нет необходимости. Если же феодальный способ производства остается главенствующим, то китайцы не смогут создать собственную экономическую науку и появление «китайской экономической науки» становится невозможным⁵⁰. Эти рассуждения относились к узкой трактовке политэкономии как науки о капитализме. Выходом могло стать создание политэкономии в широком смысле, занимающейся изучением различных формаций, включая докапиталистическую экономику и экономическую форму, которая идет на смену капитализму.

Ван Янань отмечал, что чем дальше в прошлое уходит докапиталистическая эпоха, тем ярче выражена национальная специфика стран, находившихся на одинаковом этапе развития, и это затрудняет выявление общих для них экономических законов. «Китайская феодальная формация среди типичных феодальных систем проявила огромную специфику, к тому же на такой огромной территории просуществовала так долго. Если внимательно изучать первоначальную феодальную формацию и вошедшие в нее на современном этапе смешанные формы, это будет иметь большое значение как вклад и дополнение к экономической науке в широком смысле»⁵¹.

По мнению Ван Янаня, изучение китайского феодализма опирается на понимание экономической науки в широком смысле и делает неизбежным выдвижение концепции «китайской экономической науки». Одной из задач «китайской экономической науки» становится постижение экономической специфики китайского феодализма и его воздействия на экономику республиканского Китая. Хотя ученый не интересовался наследием китайской экономической мысли, задача конструирования «китайской экономической науки» требовала обращения к экономической истории для выявления истоков китайской специфики.

Ван Янань полагал, что выдвижение концепции «китайской экономической науки» позволит преодолеть распространенное в экономических кругах республиканского Китая пренебрежение к изучению своей страны. Вместе с тем он подчеркивал, что «ки-

тайская экономическая наука» не пытается отгородить себе особую сферу исследования. Напротив, она «использует основные принципы современной экономической науки и современной экономической историографии для обнаружения особого характера китайской экономики, а также действующих в китайской экономике основных законов движения и тенденций ее неизбежных изменений»⁵².

Исследования на базе «китайской экономической науки» не повредят всемирному характеру экономической науки, они способны внести вклад в осмысление ее общих принципов. Ученый указывал на возможность «конструктивного дополнения» содержания политэкономии в широком смысле с помощью «китайской экономической науки». Ван Янань пытался обосновать теоретическую легитимность своей концепции ссылками на прецеденты обозначения «национальной принадлежности» теоретических школ в истории зарубежной экономической науки. «Нам нетрудно обнаружить, что ученые, занимающиеся историей экономической науки, умышленно или неумышленно присваивают особой экономической теории, появившейся внутри определенной страны, название этой страны. Например, ортодоксальная теория называется английской экономической наукой, физиократов — французской, исторической школы — немецкой, теория школы предельной полезности — австрийской, американская, смешанная с австрийской — американской. Все эти названия, независимо от того, какие у них содержание и суть, — являются названиями с указанием национальной принадлежности, которые дали историки экономической науки в соответствии с местом происхождения систем отдельных учений»⁵³.

Ван Янань выделял три отрасли знания, на основании которых надо исследовать китайскую экономику.

Во-первых, это экономическая наука, которая включает капиталистическую экономическую науку раннего периода (классическую) и критическую (марксистскую) экономическую науки. Вульгарное учение австрийской школы для изучения китайской экономики не подходит.

Во-вторых, это история экономики, которая, по мнению Ван Янаня, является производной от критической экономической науки марксизма. Она позволяет определить, на каком историческом этапе находится экономика Китая, понять, каким экономическим законам подчиняется развитие на этом этапе и обобщить чужой опыт на этом этапе.

В-третьих, это экономическая история Китая. В результате ее изучения появилась возможность объяснить многие явления, которые раньше трактовались ошибочно, «китайская экономика постепенно предстает в своем первоначальном облике». Центральным моментом стало выявление специфики китайского феодализма и его воздействия на капиталистические отношения в Китае, что помогло избавиться от безосновательных иллюзий в оценках китайской экономики⁵⁴.

При исследовании экономики Китая Ван Янань предложил использовать имеющиеся экономические принципы и концепции. СССР пока лишь обнаруживает их, поэтому также следует проводить сопоставления с экономическими законами капитализма⁵⁵. По мнению ученого, «франция классическая экономическая теория, некоторые положения немецкой исторической школы, экономическое учение марксизма, даже некоторые точки зрения современных экономистов, выступающих против господства монополистического капитала и за преобразование отсталых социально-экономических отношений, могут дать нам большую пищу для размышлений и четкое понимание»⁵⁶. Это позволит выйти на более высокий уровень осмысления проблем и понять, какой путь надо выбрать отсталой стране в сложившейся мировой экономической обстановке.

Изучению истории китайской экономики в интересах обострившегося содержания содержательного обоснования «китайской экономической науки» была посвящена книга Ван Янаня «Основы экономики Китая». Сначала ученый намеревался дать ей название «Китайская экономическая наука» («Чжунго цзинцзисюэ»). Лишь потом по причине «научной осторожности» он заменил слово «наука» — «сюэ» на «юаньлунь» — «основы» («Чжунго цзинцзи юаньлунь»).

Отвечая на критику со стороны марксистского экономиста Сюй Дисиня, Ван Янань обратился к истории выдвигания понятия «китайская экономическая наука»: «Хотя тогда я громко выступал против компрадорских вульгарных экономистов, в то время экономические форумы были их вотчиной, а люди, изучавшие марксистскую экономическую науку, редко обращали внимание на этот момент. Чтобы откликнуться на призыв «китанзации», я выдвинул этот довольно яркий термин. Но потом я почувствовал, что он легко может вызвать неправильное понимание, и больше его не использовал, а серию статей с исследованием китайской экономики назвал «Основы экономики Китая»⁵⁷.

После образования КНР изучение марксистской политэкономии обрело нормативные рамки и тема «китайской экономической науки» окончательно исчезла из публикаций Ван Янаня.

Идея создания «китайской экономической науки» обрела новую жизнь на фоне роста интереса к традиции и национальной специфике в современном Китае. Вместе с тем в наши дни стало более заметным внутреннее противоречие концепции Ван Янаня, предполагавшей создание национальной экономической науки без учета культурной традиции.

Исследователь китайской экономической мысли Тань Минь (Шанхайский университет финансов и экономики) отметил, что сегодня идея «китайской экономической науки» включает в себя не только развитие марксистской компоненты, но также установление позитивной связи с традиционной китайской экономической мыслью и широкое заимствование из западной теории. Однако Ван Янань отвергал традицию как фактор консервации отсталости Китая и называл западную экономическую науку эпохи капитализма «импортным товаром», не отвечающим характеру перехода экономики страны от феодализма к капитализму.

Современные авторы отмечают, что появление концепции «китайской экономической науки» Ван Янаня стало возможным благодаря проникновению в Китай западного экономического знания, включая марксизм. «За сто лет произошел процесс отрицания отрицания — сначала привозная экономическая мысль подвергла отрицанию традиционную экономическую мысль, потом на заложенной привозной экономической наукой основе методом отбрасывания был выдвинут вопрос о создании китайской экономической науки»⁵⁸.

Проблема состоит в том, что отрыв от китайских корней не дает «китайской экономической науке» Ван Янаня права именоваться «китайской», тогда как негативный подход к западной теории ослабил ее претензии на статус «науки». Критика ученого в адрес экономической науки республиканского периода была чрезмерной. Его слова о том, что китайские экономисты «передавали, но не создавали», затрудняют объективную оценку научных достижений той эпохи. Е Шичан (Фуданьский университет) отмечает, что широкое использование такой формулировки «станет принижением развития китайской экономической мысли в тот период»⁵⁹.

Тезис Ван Янаня о невозможности воздействия китайской экономической мысли на становление учения физиократов оспорен современными китайскими исследователями. Важный вклад в изучение данной темы внесли публикации Тань Миня⁶⁰.

И все же современные китайские авторы дают теоретической системе Ван Янаня положительную оценку. Тань Минь поддержал вывод о том, что «основы китайской экономической науки должны быть глубоко укоренены в почву реальной экономики Китая»⁶¹. Предложения Ван Янаня отказаться от слепого копирования иностранных идей и создать китайскую экономическую науку имели важное значение, они на деле помогли вывести китайские научные круги «из состояния интеллектуальной спячки». Его критика в адрес бездумного заимствования иностранных теорий была обоснованной, поскольку механическое копирование западной экономической науки в Китае невозможно. Вместе с тем современная китайская экономическая наука должна двигаться по пути открыто-

сти, впитывать достижения иностранной мысли и «дорожить наследием экономической мысли, которое оставили предки»⁶².

Понимание Ван Янанем марксистской политической экономии не оставалось неизменным. В 1930-е годы ученый придерживался трактовки политэкономии в узком смысле, полагая, что она относится лишь к капиталистическому обществу. В 1940-е годы по мере разработки концепции «китайской экономической науки» и обращения к материалам истории китайской экономики он пересмотрел свою позицию и перешел к трактовке политэкономии в широком смысле, охватывающей докапиталистические и посткапиталистические формации. Эта трансформация в целом соответствовала изменению подходов в советской экономической науке того времени, где также получила распространение политэкономия в широком смысле. Признание теоретической легитимности марксистского изучения закономерностей феодализма позволило Ван Янаню обратиться к исследованию традиционной экономики Китая. Современные китайские исследователи рекомендуют использовать его метод соединения марксистской политэкономии с китайской экономикой, «эффективно и живо применять марксизм»⁶³.

Другой точкой отсчета для оценки воззрений Ван Янаня в Китае служит опыт критики советской политической экономии в годы реформ. В 1990-е годы невозможность ее применения для объяснения реального функционирования экономики КНР стала для ученых очевидной. На фоне двойного кризиса экономической теории — традиционной политэкономии в Китае и неоклассики на Западе — создание новой версии «китайской экономической науки» стало также отрицанием традиционной сталинской политэкономии⁶⁴.

В работах Ван Янаня прямой критики советской модели не было. Его призыв развивать китайскую экономическую науку предполагал возможность разработки собственной теории, не вступая в конфликт с советской политэкономией.

Восстановление ведущих позиций западной экономической науки в Китае дает дополнительный стимул к осмыслению проблем ее адаптации к китайской реальности. Наследие Ван Янаня 1930-х — 1940-х годов помогает углубить понимание сути китаизации мировой экономической науки. На основании изучения истории формирования его концепции «китайской экономической науки» можно судить о том, как развивались представления китайских экономистов о применимости мировой экономической науки в условиях Китая. Размышления Ван Янаня в республиканский период дают ключ к пониманию последующего пути становления экономической науки в КНР.

-
1. Подробнее о биографии Ван Янаня см.: *Гань Линь*. Фаньи цзи пуци «Цзыбэньлунь» дэ цзинцзисюэцзя — цзи Ван Янань цзяшоу и шэн: [Экономист, который перевел и распространял «Капитал» — Вспоминая жизнь профессора Ван Янаня] // Чжунго циецзя. 1989. Окт. URL: <http://www.wise.xmu.edu.cn/memorial/view.asp?id=733> (дата доступа: 02.03.2016); *Ся Минфан, Ян Шуанли*. Даоянь: [Предисловие] / *Ся Минфан, Ян Шуанли* (ред.). Ван Янань цзюань. Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку: [Том: Ван Янань. Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2015. С. 1–17; Ван Янань няньпу цзяньбянь: [Краткая биография Ван Янаня] / *Ся Минфан, Ян Шуанли* (ред.). Указ. соч. С. 494–503.
 2. Жэньлэй хуньиньши: [История человеческого брака]. Вэйсэтемакэ чжу, Ван Янань и: [Э. Вестермарк. Пер. Ван Янаня]. Шанхай: Шанхай шэньчжоу гогуан шэ, 1930.
 3. Дицзу цзинцизишэ: [Экономическая история ренты]. Гаотянь Сучжи чжу, Ван Янань и: [Мотокуи Такабатакэ. Пер. Ван Янаня]. Шанхай: Шэньчжоу гогуан шэ, 1931.
 4. Гофулунь: [Богатство народов]. Ин Ядан Сыми чжу, Го Дали, Ван Янань и: [Адам Смит. Пер. Ван Янаня и Го Дали]. Т. 1. Шанхай: Шэньчжоу гогуан шэ, 1931.

5. Цзинцзисюэ юй фушуй дэ юаньли: [Принципы экономической науки и налогообложения]. Лицзятю чжу, Го Дали, Ван Янань и: [Д. Рикардо. Пер. Ван Янаня и Го Дали]. Шанхай: Шэньчжоу гогуан шэ, 1931.
6. Гофулунь: [Богатство народов]. Ядан Сыми чжу, Го Дали, Ван Янань и: [Адам Смит. Пер. Ван Янаня и Го Дали]. Т. 2. Шанхай: Шэньчжоу гогуан шэ, 1932.
7. *Ван Янань*. Цзинцзисюэши (Шан цзюань): [История экономической науки. Т. 1]. Шанхай: Миньчжи шуцзюй, 1932.
8. Цзинцзисюэ сойлунь: [Введение в экономическую науку]. Инго Кэлайши чжу, Ван Янань: [Дж. Н. Кейнс. Пер. Ван Янаня]. Шанхай: Миньчжи шуцзюй, 1933.
9. Цзыбэньлунь: [Капитал]. Казэр Макэсы чжу, Го Дали, Ван Янань и: [К. Маркс. Пер. Го Дали и Ван Янаня]. Т. 1–3. Шанхай: Душу шэнхо чубаньшэ, 1938.
10. *Ван Янань*. Чжунго гуаньяляо чжэнчжи яньцзю: [Исследование бюрократической политики Китая]. Шанхай: Шидай вэньхуа чубаньшэ, 1948.
11. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзи юаньлунь: [Основы экономики Китая]. Фучжоу: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 1946.
12. *Ван Янань*. Чжунго бань фэнцзянь бань чжиминьди цзинцзи синтай яньцзю: [Исследование экономических форм полufeодального полукOLONиального Китая]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1957.
13. *Ван Янань*. Исследование экономических форм полufeодального полукOLONиального Китая. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
14. *Ван Янань*. Цзинцзи кэсюэ лунь: [Теория экономической науки] / Ван Янань вэньсюань: [Избранные сочинения Ван Янаня]. Т. 1. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2007. С. 3–4.
15. *Ван Янань*. Фулунь и: [Приложение 1]. Чжэнчжи цзинцзисюэ цзай Чжунго: [Политическая экономия в Китае] / *Ван Янань*. Чжунго цзинцзи юаньлунь [Основы экономики Китая]. Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 2011. С. 377.
16. Лунь юй / пер. Л.С. Переломова // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. С. 180.
17. Чжун шицзи Оучжоу цзинцзи ши: [Экономическая история Европы в средние века]. Луньбэнь Чэньи чжу, Сюй Тяньи и: [Такимото Сейити. Пер. Сюй Тяньи]. Шанхай: Миньчжи шуцзюй, 1929.
18. Цит. по: *Ван Янань*. Фулунь и. С. 377–378.
19. Там же. С. 378.
20. *Ван Янань*. Цзинцзи кэсюэ лунь: [Теория экономической науки] // Ван Янань цзинцзи сысянши луньвэньцзи: [Сборник статей Ван Янаня по истории экономической мысли]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1981. С. 5.
21. *Ван Янань*. Фулунь и. С. 376.
22. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга 1. Процесс производства Капитала. Послесловие ко второму изданию / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 13.
23. *Ван Янань*. Фулунь и. С. 377.
24. Там же. С. 383.
25. Там же. С. 384.
26. Там же. С. 385–390.
27. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзи яньцзю чжи лу: [Путь исследований экономики Китая] // Цзинцзи пинлунь. Т. 2. № 17. 1948. 24 янв. С. 5.
28. Там же.
29. *Ван Янань*. Фулунь эр: [Приложение 2]. Чжунго цзинцзисюэцзе дэ Аодали сюэпай цзинцзисюэ: [Экономическая наука австрийской школы в китайских экономических кругах] / *Ван Янань*. Чжунго цзинцзи юаньлунь: [Основы экономики Китая]. Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 2011. С. 413–423.
30. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзисюэцзе дэ Аодили сюэпай цзинцзисюэ: [Экономическая наука австрийской школы в китайских экономических кругах] (1943) / *Ся Минфан, Ян Шуанли* (ред.). Ван Янань цзюань. С. 140–141.
31. *Ван Янань*. Фулунь эр. С. 430.
32. Там же. С. 431.
33. Там же.
34. Там же. С. 432.

35. Там же. С. 433–434.
36. Там же. С. 434.
37. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзисюэцзе дэ Аодили сюэпай цзинцзисюэ. С. 141.
38. Там же. С. 126.
39. *Ван Янань*. Цзинцзи кэсюэ лунь: [Теория экономической науки] / Ван Янань вэньсюань. Т. 1. С. 5.
40. *Бухарин Н.* Политическая экономия рантье: теория ценности и прибыли австрийской школы. Изд. 4. М. — Л.: Государственное издательство, 1925. С. 25. (репринт М.: Орбита, 1988).
41. *Ван Янань*. Чу бань сюйянь: [Предисловие к первому изданию] / *Ван Янань*. Чжунго бань фэнцзянь бань чжиминьди цзинцзи синтай яньцзю: [Исследование экономических форм полуфеодалного полуколониального Китая]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1953. С. 1 предисловия к первому изданию.
42. *Ван Янань*. Фулунь и. С. 404.
43. Там же. С. 406–407.
44. *Ван Янань*. Чжэнчжи цзинцзисюэ цзай Чжунго — Данцзо Чжунго цзинцзисюэ яньцзю дэ фадунь: [Политическая экономия в Китае как начало изучения китайской экономической науки] (1941) / *Ся Минфан, Ян Шуанли* (ред.). Ван Янань цзюань. С. 101–123.
45. *Ван Янань*. Фулунь и. С. 411.
46. Там же.
47. *Ван Янань*. Чжэнчжи цзинцзисюэ цзай Чжунго — Данцзо Чжунго цзинцзисюэ яньцзю дэ фадунь. С. 101.
48. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзисюэцзе дэ Аодили сюэпай цзинцзисюэ. С. 124.
49. Там же. С. 125.
50. *Ван Янань*. Гуаньйю Чжунго цзинцзисюэ цзяньли чжи кэнэн юй бяо дэ вэньти: [Проблема возможности и необходимости создания китайской экономической науки] (1944) / *Ся Минфан, Ян Шуанли* (ред.). Ван Янань цзюань. С. 144.
51. Там же. С. 146.
52. Там же. С. 149.
53. Там же.
54. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзи яньцзю цзунлунь: [Введение в исследование китайской экономики] (1946) / *Ся Минфан, Ян Шуанли* (ред.). Ван Янань цзюань. С. 171–175.
55. Там же. С. 176.
56. *Ван Янань*. Чжунго цзинцзи яньцзю чжи лу. С. 6.
57. *Ван Янань*. Гуаньчэ цзай гуаньи чжэнчжи цзинцзисюэ чжун дэ чжу цзибэнь юаньцзэ — Гуаньи чжэнчжи цзинцзисюэ даган ди 3–4 цзян: [Следовать основным принципам экономической науки в широком смысле — Очерки исследования политической экономии в широком смысле. Лекции 3–4] / Ван Янань вэньсюань. Т. 1. С. 151–152.
58. *Тань Минь*. Чжунго цзинцзисюэ дэ гоцуй юй вэйлай — цун Ван Янань дэ «Чжунго цзинцзисюэ» чжучжан со сяндао дэ: [Прошлое и будущее китайской экономической науки — соображения, вызванные предложениями Ван Янаня о «китайской экономической науке»] // Цзинцзи яньцзю. 2000. № 4. С. 59.
59. *Е Шичан*. Ван Янань миньжю гэмин шици дэ цзинцзи сысян: [Экономические идеи Ван Янаня периода демократической революции] // Цзинцзи сысян ши пинлунь. Ди эр цзи: [Обозрение истории экономической мысли. Выпуск второй] / ред. Гу Хайлян, Янь Пэнфэй. Пекин: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ, 2007. С. 207.
60. *Тань Минь*. Фаго чжуннунсюэпай сюэшо дэ Чжунго юаньюань: [Китайские источники учения французских физиократов]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1992.
61. *Тань Минь*. Чжунго цзинцзисюэ дэ гоцуй юй вэйлай. С. 64.
62. Там же. С. 65.
63. *Ло Юйцун, Чэнь Кэцзянь*. Ван Янань чуанцзянь Чжунго цзинцзисюэ дуй данцзинь чунцзянь Чжунго цзинцзисюэ дэ циши (шан): [Уроки создания Ван Янанем китайской экономической науки для воссоздания китайской экономической науки в настоящее время. Часть 1] // Дандай цзинцзи яньцзю. 2000. № 9. С. 11, 13.
64. *Ли Вэньбо*. Чжунго цзинцзисюэ юй Чжунго цзинцзи вэньти яньцзю — Ван Янань «Чжунго цзинцзи юаньлунь» ду шу чжацзи: [Китайская экономическая наука и исследование экономических проблем Китая — заметки после чтения «Основ экономики Китая» Ван Янаня] // Ся-мэнь дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2002. № 1 (149). С. 10–11.

Российский Дальний Восток

О возможности участия капитала стран АТР в горнорудных проектах российского Дальнего Востока и Забайкалья

© 2017

Н.Ю. Самсонов, Я.В. Крюков, В.А. Яценко

В статье представлен анализ развития сложных инвестиционных проектов в горной отрасли на Востоке РФ. Обосновывается целесообразность использования гибких форм распределения рисков, сопряженных с привлечением иностранного капитала и технологий, расширяющих территориальные рамки проектов и выводящих переработку сырья на высокодоходный уровень.

Ключевые слова: Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), минерально-сырьевые ресурсы, инвестиции, государственное регулирование, территории опережающего развития, добавленная стоимость.

Особая значимость Арктики, Дальнего Востока и Забайкалья в обеспечении экономики нашей страны и ее экспорта минерально-сырьевыми ресурсами (от традиционных нефти и газа до редкоземельных металлов) — фактор долговременный.

Это обусловлено, во-первых, колоссальными запасами сырья, львиная доля которых еще не вовлечена полноценно в хозяйственный оборот, в частности, на континентальном шельфе. Во-вторых, налицо их выгодное экономико-географическое положение (там проходят кратчайшие транспортные маршруты между Востоком и Западом). Это благоприятно как для интенсификации экономических связей с Китаем и другими странами АТР (примером тому — газотранспортный мегапроект «Сила Сибири», нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан»), так и для активизации использования наших выходов в мировой океан путем модернизации портов под внешнеторговые грузы. Важнейший фактор морской инфраструктуры Дальнего Востока и Арктики — Северный морской путь,

Самсонов Николай Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск).
E-mail: samsonov@ieie.nsc.ru;

Крюков Яков Валерьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск).
E-mail: kryukovuv@ieie.nsc.ru;

Яценко Виктор Анатольевич, младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск). Email: yva@ieie.nsc.ru.

роль которого возрастет благодаря программе умножения нашего атомного ледокольного флота, предусматривающей вступление в строй до 2020 г. трех новых судов.

Но хотя данный макрорегион располагает ресурсной базой, сопоставимой с крупными державами, его вклад в экономику России пока невелик: объем производимого здесь валового регионального продукта достигает сейчас лишь 4,5% от общероссийского (около 3 трлн рублей). Ряд негативных факторов, связанных с институциональными, экономическими, географическими, природными условиями, сдерживает реализацию его экономического потенциала.

Отметим схожесть проблем и ограничений в реализации горнорудных проектов на Дальнем Востоке и на арктических территориях РФ. Это обусловлено их географической, климатической, природной общностью, как и историческими причинами. В их экономическом развитии традиционно доминировали крупные сырьевые проекты, что наряду с важными преимуществами порождало и комплекс общих для макрорегиона проблем. К числу тормозящих факторов следует отнести значительную удаленность производителей от рынков западных и центральных районов страны, высокий уровень расщепленности производств по территории макрорегиона, его слабую населенность и низкую трудовую мобильность населения, необеспеченность квалифицированными кадрами в горнорудной и производственной сферах, неразвитость системы профессионального образования, ограниченность экономического стимулирования как «оседлости», так и миграционного перемещения из западных регионов страны, критический дисбаланс по уровню доходов населения.

Если социально-экономические условия поддаются регулированию, то природные факторы — нет. Суть в том, что вовлекаемые в разработку новые источники сырья имеют все более сложные характеристики: это комплексный состав полезных ископаемых, глубина залегания рудных тел, снижение средних содержаний ценных компонентов, а также сложные геотехнологические условия, повышающие экологические риски. Следствие таких особенностей — повышенная капиталоемкость этапов геологоразведки, подготовки к освоению месторождений и вместе с тем снижение экономических показателей эффективности, необходимость применения новых технических, управленческих и институциональных решений¹.

Высокая себестоимость добычи в большинстве сырьевых проектов вызывает необходимость повышения эффективности добычного цикла и развития новых технологий в сфере переработки сырья по всей цепочке формирования добавленной стоимости. А такие технологии можно получить как на отечественной научно-технологической базе, так и на зарубежной (обычно — в увязке с предоставлением доступа к месторождениям).

Со стороны государства (Минвостокразвития РФ) механизмы и инструменты по стимулированию интереса зарубежного бизнеса к инвестиционным проектам на Дальнем Востоке предусмотрены: это и создание территорий опережающего развития (ТОРов), и режим свободных портов, и инвестиции Фонда развития Дальнего Востока, инфраструктурная господдержка. Косвенно уже просматриваются результаты. Так, в 2015 г. индекс промышленного производства по макрорегиону составил 101%. Применяются и такие формы, как совместное участие в проектах государства и частных инвесторов (например, ГК «Ростехнологии» участвует в проекте освоения Томторского месторождения редких элементов в Якутии на территории арктической зоны Востока России²).

С одной стороны, все это можно назвать «пресловутым» усилением государства в экономике, но с другой — достоинства такого «государственно-частного» подхода проявляются как раз в капиталоемком и во многом институционально-инертном минерально-сырьевом секторе, особенно в отношении стратегических ресурсов (таких, как редкоземельные металлы).

Большинство инвестиционных ресурсных проектов (часть из них представлена ниже), планируемых к реализации в макрорегионе, по своим потенциальным мощно-

стям превышают потребности экономики РФ в том или ином минеральном сырье. В этом одна из причин необходимости привлечения для соинвестирования ряда проектов зарубежных компаний, имеющих инвестиционные ресурсы и научно-технологическую базу освоения сложных месторождений. В том числе, компаний из стран АТР (прежде всего, Китая), заинтересованных в получении прибыли и в добываемых здесь минерально-сырьевых ресурсах.

Впрочем, пока что нет гарантий в главном — действительно *благоприятных* инвестиционных условий для «вхождения» в минерально-сырьевой бизнес Дальнего Востока с уверенностью в *стабильности* достигнутых договоренностей по разработке месторождений без риска последующей политики «закручивания гаек», «вышибания из эффективного проекта». Вполне подходящие условия сейчас активно предлагаются китайским инвесторам в Мьянме, Бангладеш, Таиланде, Вьетнаме и иных азиатских странах, близких Китаю по менталитету, историческом и коренным связям, совместимости предпринимательской среды и т.д.

Так возможно ли «поймать китайский ветер в дальневосточные паруса»? А таковой является особенно желанным в условиях резко сократившихся сейчас внутренних инвестиционных ресурсов.

При нынешних социально-экономических условиях в РФ и при существующих форматах сотрудничества с ней китайская сторона зачастую не имеет достаточной мотивации для инвестирования в российские проекты, в том числе в производство продукции с высокой добавленной стоимостью. Расчеты показывают³, что китайский инвестор выбирает максимально близкое к границе месторождение и в ряде случаев готов возить необогащенную руду, сталкиваясь с неожиданно высокими затратами (например, на подключение энергии или строительство дороги).

Увеличение капиталовложений в рискованные инвестиционные сырьевые проекты Востока России может быть обеспечено — помимо предоставления льгот для проектов со стороны государства — развитием многогранных форм совместного недропользования с азиатскими зарубежными компаниями как механизмов стимулирования притока внешних инвестиций и создания условий для диверсификации инвестиций в разведку и разработку востребованных рынком полезных ископаемых. Необходимость выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, задействуя, разумеется, с умом, китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока, отмечал в своей статье и президент России⁴.

Предлагаем вниманию читателей оценку проблем и перспектив развития ряда стратегических горнорудных проектов Востока России.

Горнорудные проекты Забайкалья

Удоканское месторождение в Северном Забайкалье было открыто в 1949 г. Доказанные и вероятные запасы меди составляют порядка 15 млн тонн. Невостребованность забайкальских ресурсов в СССР объяснялась тем, что страна располагала значительными запасами легкообогащаемой медной руды в Узбекистане и Казахстане. В результате современная Россия столкнулась с дефицитом меднорудной базы на своей территории из-за истощения уральских месторождений. Начало реализации данного проекта зависит от наличия внешней инфраструктуры — к месторождению необходимо построить железную дорогу длиной 30 км и ЛЭП в более чем 1000 км⁵. Ввиду различных причин — таких, как сложные геологические особенности, недостаток финансирования — ГК «Металлоинвест» (собственник месторождения и инвестор проекта) неоднократно переносил сроки освоения. В настоящее время начало разработки предполагается не ранее 2021 г.

Юго-восточнее Удоканского месторождения находится разведываемое *Чинейское месторождение* железотитанованадиевых руд (принадлежит Ep+ Group). Разработка осложняется низкой степенью готовности экономически выгодной (в текущих ценовых условиях) технологии промышленной переработки ванадийсодержащих титаномагнетитовых руд с извлечением из них всех компонентов — ванадия, титана и железа.

Катунгинское месторождение редкоземельных металлов расположено в 40 км юго-восточнее Чинейского. Месторождение располагает промышленными запасами урана, тантала, ниобия, циркония, иттрия и криолита. Основная причина, сдерживающая его освоение, — отсутствие технологий комплексной переработки руд с извлечением всех компонентов (например, тантала, составляющего до 40% стоимости конечной продукции)⁶.

Золоторудные проекты

Наталкинское золоторудное месторождение (Магаданская область) подготавливается к эксплуатации крупнейшим золотодобывающим предприятием России «Плюс-Золото» уже более пяти лет, сроки начала освоения месторождения несколько раз переносились. В конце 2014 г. компания получила новые данные о его ресурсах и запасах, оказавшихся критически ниже (на 49% и 38% соответственно при сохранении средних содержаний на уровне 1,6 грамм на тонну, предполагавшихся ранее). Финансовых списаний по проекту не произведено, причем он в условиях падения курса рубля, даже при снижении цен на золото на 8–10% остался экономически рентабельным. В связи с этим возобновлены ранее проводившиеся переговоры с китайскими инвесторами по совместному освоению месторождения. Причем уже инвестировано около 50 млрд рублей, значительная часть инфраструктуры и обогатительных мощностей комбината построена. Спасительное обстоятельство: господдержка инфраструктуры проекта, включая подстанцию, энергосеть (в марте 2016 г. она утверждена правительством РФ), должна обеспечить предпосылки для освоения как Наталкинского, так и ряда близлежащих золоторудных месторождений, принадлежащих другим компаниям.

В *Сухом Логе (Иркутская область)* расположено одно из крупнейших в России золоторудных месторождений. Оно не имеет необходимой инфраструктуры, хотя в непосредственной близости ведется эксплуатация россыпных месторождений золота. Вероятно, что при выборе стратегии реализации этого проекта — а он относится к стратегическим — будет разработана схема совместного участия государственной корпорации и российских частных золотодобывающих компаний Иркутской области, имеющих как инвестиции, так и отличный опыт эксплуатации бедных коренных месторождений золота.

В свою очередь, опыт освоения золоторудных месторождений Камчатки и Магаданской области является примером успешной в целом реализации новых проектов в минерально-сырьевом комплексе Востока России (практически вне зависимости от участия в поддержке региональных или федеральных властей). Проект компании «Золото Камчатки» — *месторождение Аметистовое* на юго-востоке Камчатского полуострова — является образцом успешного сочетания проектного финансирования и акционерного капитала. В 2015 г. здесь ввели в эксплуатацию ГОК производительностью 4 т золота — сегодня крупнейшее на Камчатке горнопромышленное предприятие. В Магаданской области на Омчакской группе россыпно-рудных месторождений тогда же вступило в эксплуатацию среднее по содержанию золота (2,5–3 грамма на тонну) *месторождение Павлик* (ИК «АРЛАН»). В текущем году ГОК произведет около 4 т золота с перспективой к 2020 г. увеличить добычу в несколько раз.

Особенности золоторудных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке таковы⁷:

– высокая ликвидность металла гарантирует реализацию практически любых дополнительных объемов вновь добываемого золота;

– месторождения содержат в основном легкообогатимые руды с содержаниями не ниже 1,5–2,5 грамм на тонну, что позволяет работать с приемлемой себестоимостью добычи и переработки руды, особенно на первоначальном периоде выемки золоторудного сырья;

– короткий цикл введения месторождения в эксплуатацию (до 3–5 лет), относительно невысокие удельные капитальные затраты и расположение большинства месторождений в близости от инфраструктуры (хотя и требующей доразвития, включая «соединение» с месторождением);

– преимущество российских компаний перед иностранными при работе в отрасли (ограничение участия последних в стратегически важных месторождениях), в том числе благодаря успешному опыту в реализации золоторудных проектов отечественными золотодобытчиками.

Железородные проекты в Якутии и Амурской области

Месторождение железных руд «Таежное» (Нерюнгринский р-н Якутии) лежит относительно близко от основных объектов инфраструктуры. Согласно текущим планам компании Evraz, в рамках первого этапа предполагается построить ГОК и инфраструктуру для последующей добычи руды, обогащения и продажи железорудного концентрата (при годовой добыче руды в 3 млн тонн). Пуск планировали на 2019 г., но цены на железную руду оказались на 10-летнем минимуме, проект стал неподъемным для инвестора, что вынудило его к поиску соинвесторов. В середине 2015 г. из федерального бюджета были выделены средства для инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов на Дальнем Востоке. В частности, на строительство энергетического комплекса и железнодорожной станции для освоения «Таежного» выделено 1,6 млрд рублей. В железной руде Якутии нуждаются отечественные металлургические компании, например, в Амурской и Кемеровской областях, рынок сбыта может быть расширен и благодаря китайским потребителям.

Попигайский и Томторский проекты в Арктической зоне

Попигайский метеоритный кратер (граница Красноярского края и северо-запад Якутии) — единственный на планете, являющийся практически неисчерпаемым источником высокотехнологичного абразивного сырья⁸.

На текущий момент в Институте геологии и минералогии СО РАН выполнены работы по изучению инструментальных свойств алмаз-лонсдейлитового композита, а в ИЭОПП СО РАН (Сектор освоения и использования новых минеральных ресурсов) — по оценке экономической эффективности разработки *месторождения Скальное* Попигайской астроблемы. В ИГМ СО РАН проведены комплексные исследования технологических особенностей этого сырья, возможностей его использования в демонстрационных образцах с абразивной и режущей способностью (произведены алмазные порошки, металлорежущие компакты), проведены сравнительные испытания эффективности использования этого вида сырья по сравнению с синтетическими алмазами. Определены основные направления использования алмаз-лонсдейлитового композита как уникального по своей технологической эффективности абразивного материала для применения в самых разных отраслях промышленности.

В 2015 г. выполнено укрупненное технико-экономическое обоснование разработки месторождения Скальное. Показано, что эксплуатация объекта целесообразна в варианте пилотной сезонной обогатительной фабрики (опытно-промышленного комплекса) мощностью 486 тыс. т и производительностью 10 млн карат в год в течение 5–10 лет. В дальнейшем, после формирования сегмента алмаз-лонсдейлитового композита на глобальном рынке технического алмазного сырья в краткие сроки возможно довести промышленную добычу до 100 млн карат сырья в год⁹.

Месторождение Томтор (расположено в 150 км восточнее Попигаевского объекта) содержит новый тип пироклор-монацит-крандаллитовых руд с уникальными параметрами рудоносности комплекса полезных компонентов (фосфаты, феррониобий, редкоземельные металлы). В пределах Буранного участка Томторского месторождения учтены запасы 10 химических элементов, каждый из которых образует промышленные концентрации. Однако основную ценность месторождения представляют редкоземельные элементы — ниобий, иттрий и скандий, каждый из которых образует промышленные концентрации, благодаря чему в ряду уникальных объектов Томтора занимает самую верхнюю позицию¹⁰.

Включение Томторского месторождения в поставки редкоземельной продукции на российский и внешний рынки позволит:

- обеспечить отечественные высокотехнологичные предприятия на десятки и сотни лет в любом количестве стратегическим сырьем — ниобием, скандием и редкоземельными металлами (РЗМ), включая дефицитные и дорогостоящие тяжелые (неодим, европий, диспрозий и др.), независимо от изменчивости мировой рыночной конъюнктуры;

- создать непрерывную технологическую цепочку полного цикла: добыча редкоземельных руд — переработка — выпуск концентратов — разделение РЗМ — получение чистых металлов и продукции, содержащей РЗМ, опираясь только на отечественную сырьевую базу;

- интегрировать Россию в мировой рынок РЗМ с конкурентоспособной РЗМ-продукцией любой степени переработки с учетом сбалансированного регулирования добычи, переработки и поставок редких элементов на экспорт для сохранения рынков и наилучших ценовых условий¹¹.

Сегодня ключевым вопросом остается транспортно-логистическая схема доставки томторской руды в увязке с местом ее переработки (с учетом снятия радиоактивности) и готовности технологической схемы переработки руды в возможных вариантах — Железногорский горно-химический комбинат (технология готова) и Краснокаменский гидрометаллургический комбинат (Забайкальский край)¹². Получение чистых редкоземельных металлов, наиболее дорогостоящей и ликвидной продукции, возможно, например, на Новосибирском заводе химических концентратов, Сибирском химическом комбинате или на других предприятиях ГК «Росатом» в центральной части страны.

Новая парадигма — что дальше?

В рамках формирования территорий опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке уже действуют 12 таких зон: в них предоставляются нулевые ставки по налогу на прибыль, на землю и на имущество, обнуление ввозных и вывозных пошлин, нулевая ставка по НДС на импорт для переработки и другие возможности нефискального характера. На сегодня общий объем привлеченных инвестиций в макрорегион в рамках ТОР составил 1,03 трлн рублей, из них 950 млрд — частные инвестиции и 80 млрд — государственные вложения¹³.

В качестве примера успешной реализации можно отметить ТОР «Беринговский» в Чукотском АО на площадях одноименного каменноугольного бассейна. Для этой ТОР предполагается добывающая специализация (разведка, добыча и экспорт коксующегося угля). «Якорным» инвестором этой ТОР выступает австралийская компания Tigers Realm Coal Ltd, которая работает в регионе с 2012 г.¹⁴

Вместе с тем при всех декларируемых плюсах порядка взаимодействия государства и инвестора, заложенного в институте ТОР, существуют и минусы.

1. Большинство мегапроектов, намеченных и реализуемых в рамках ТОР, следуют традиционной траектории экспорта сырьевых товаров самых первых стадий передела

со сравнительно низкой добавленной стоимостью, а значит, имеют определенную территориальную привязку и не выходят за пределы региона.

2. Сложность решения вопросов по обеспечению инфраструктуры требует внесения точечных изменений в соответствующие постановления правительства, что может затягивать реализацию проекта, осложнять вхождение инвестора в проект.

3. Как правило, ТОР нацелены на реализацию проектов по освоению месторождений одной категории полезных ископаемых. Однако по результатам 2015 г., например, для «угольной» ТОР «Беринговский» Министерством по развитию Дальнего Востока отмечена целесообразность разработки комплекса мер по привлечению новых инвесторов на месторождения других полезных ископаемых ТОР (газ, нефть, драгоценные металлы)¹⁵.

Таким образом, на наш взгляд, определенная уязвимость института ТОР в его нынешнем виде — главенствующая роль государства и государственных институтов и не всегда очевидная схема разделения рисков по проекту между государством и инвестором.

Одно из наиболее интересных современных предложений усиления государства в горнодобывающей отрасли, особенно в сложных геологических и инфраструктурных условиях Арктики, связывается с созданием Государственной корпорации по разработке минеральных ресурсов¹⁶.

Перспективным также представляется использование более гибких форм распределения рисков, каковыми являются совместные проекты¹⁷ — это позволило бы расширить территориальные рамки проектов до стадии переработки сырья. При этом в ряде случаев более глубокая переработка вполне может осуществляться и на территории, например, Китая и других сопредельных стран Юго-Восточной Азии.

В мировом масштабе горнодобывающая промышленность и ее вспомогательные отрасли есть пример кластерного создания добавленной стоимости. Сектор является интегрированным с вертикальной точки зрения в том смысле, что контролирует операции с самой начальной, изыскательской стадией вплоть до производства продукции и переработки. В этом смысле для Востока России необходимо ориентироваться именно на такое кластерное образование и на расширение цепочки создания стоимости производимой продукции.

Однако такой подход требует тщательного анализа и оценки потоков формирования и распределения выгод и издержек вдоль всей технологической цепочки. В частности, Россия могла бы получить в рамках реализации такого подхода определенное участие в капитале расширенного по составу и территориальным рамкам охвата проекта. Это позволило бы снизить остроту низкой обеспеченности многих проектов квалифицированной рабочей силой и объектами инфраструктуры.

Тем самым рассматриваемый макрорегион мог бы получить возможность отойти от выполнения роли только источника сырья и стать звеном единой цепочки создания добавленной стоимости в рамках более обширного экономического пространства. Такой подход требует ясно очерченных условий и обязательств участвующих сторон, а также четких временных рамок действия. Основная направленность данной схемы — обеспечение скорейшего возврата средств российской стороне для реинвестирования в преодоление инфраструктурных и прочих ограничений. Реализация подобной схемы требует проработки не только технико-экономической стороны проекта, но и организационно-экономических и трансграничных вопросов сотрудничества и взаимодействия между странами и участниками ресурсных проектов.

1. Самсонов Н.Ю., Ягальницер М.А. Групповая разработка малых золоторудных месторождений / науч. ред. В.А. Крюков. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 240 с.

2. Похиленко Н.П., Крюков В.А., Толстов А.В., Самсонов Н.Ю. Создание сильной редкоземельной промышленности России без госкорпораций не осилить // ЭКО. 2016. № 8. С. 25–36.

3. *Глазырина И.П., Казгина И.С., Лавлинский С.М.* Проблемы освоения минерально-сырьевой базы Востока России и перспективы модернизации региональной экономики в условиях сотрудничества с КНР // Регион: экономика и социология. 2012. № 4 (76). С. 202–220.
4. *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.02.2012.
5. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». С. 34.
6. *Толстов А.В.* Главные рудные формации Севера Сибирской платформы. М.: ИМГРЭ, 2006. 212 с.
7. *Самсонов Н.Ю., Дудкин Н.В.* Золотодобыча в России: куда движемся? // ЭКО. 2013. № 1. С. 159–175.
8. *Афанасьев В.П., Похиленко Н.П.* Попигайские импактные алмазы: новое российское сырье для существующих и будущих технологий // Инноватика и экспертиза. 2013. Вып. 1 (10). С. 8–15.
9. *Крюков В.А., Самсонов Н.Ю., Крюков Я.В.* Межрегиональные технологические цепочки в освоении Попигайского месторождения алмаз-лонсдейлитового сырья // ЭКО. 2016. № 8. С. 51–66.
10. *Толстов А.В., Похиленко Н.П., Лапин А.В., Крюков В.А., Самсонов Н.Ю.* Инвестиционная привлекательность Томторского месторождения и перспективы ее повышения // Разведка и охрана недр. 2014. № 9. С. 25–30.
11. *Крюков В.А., Толстов А.В., Афанасьев В.П., Самсонов Н.Ю., Крюков Я.В.* Обеспечение российской промышленности высокотехнологичной сырьевой продукцией на основе гигантских месторождений Арктики — Томторского ниобий-редкоземельного и Попигайского сверхтвердого абразивного материала // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения — 2016. Мурманск, 2016. С. 204–206.
12. *Яценко В.А., Крюков Я.В.* Оценка направлений поставок редкоземельной руды месторождения Томтор на переработку: пространственный аспект // ЭКО. 2016. № 8. С. 37–50.
13. Стенограмма рабочей встречи В.В. Путина с А.С. Галушкой и Ю.П. Трутневым 4 мая 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51873> (дата обращения: 11.05.2016).
14. *Ламакина Н.В.* Минеральный сектор экономики Дальнего Востока: проблемы и возможности развития в кризисный период // электронный журнал «Регионалистика» (regionalistica.org). 2016. № 1. С. 13–21.
15. Доклад «Об итогах деятельности Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в 2015 году и задачах на 2016 год». URL: <http://minvostokrazvitiya.ru/upload/itog2015.pdf>.
16. *Похиленко Н.П., Толстов А.В., Афанасьев В.П., Самсонов Н.Ю.* Новые механизмы государственного управления минерально-сырьевой базой стратегических полезных ископаемых Арктической зоны Сибири и Дальнего Востока // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2016. № 5. С. 60–63.
17. *Заусаев В.К., Бурдакова Г.И., Кручак Н.А.* Сценарии развития и конкурентоспособность экономики российского Дальнего Востока // ЭКО. 2016. № 1. С. 26–35.

Государство и общество

Регулирование деятельности иностранных НПО в КНР

© 2017

А.А. Семенов

В статье рассматривается деятельность в Китае иностранных неправительственных организаций (НПО) и представительств международных фондов, ее законодательное регулирование и типология. Автор анализирует серьезные изменения в законодательстве КНР о деятельности иностранных НПО, произошедшие в 2016 г., и рассматривает международную реакцию на эти правила.

Ключевые слова: Китай, НПО, гражданское общество, законодательство КНР.

Международные неправительственные организации (НПО) представляют широкую группу добровольческих, благотворительных и других объединений, которые являются частью «третьего сектора». Этот сектор состоит из формальных и неформальных групп, которые имеют несколько общих качеств. Это, в основном, некоммерческие, негосударственные, самоуправляемые организации, действующие на добровольной основе¹. В течение XX в., особенно после Второй мировой войны, число международных неправительственных организаций постоянно росло. Сегодня в мире действует около 13 тыс. международных НПО, четверть из которых появилась после 1990 г.²

Многие международные НПО играют значительную роль в формировании повестки дня крупных международных конференций — от вопросов изменения климата до международной торговли, поскольку им предоставлен консультативный статус в Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС).

С началом политики реформ и открытости в Китае начали активно работать иностранные и международные неправительственные организации, такие, как Всемирный фонд дикой природы, Фонд Форда и др. Несмотря на большое количество работающих в Китае иностранных НПО, лишь немногие из них официально зарегистрированы.

НПО в Китае имеют разные цели и осуществляют свою миссию по-разному. Некоторые, такие, как World Vision, Misereor, Фонд Тцу Чи (тайваньская буддистская организация), являются в первую очередь религиозными организациями, хотя многие из них, в конечном счете, работают с целью облегчения гуманитарных и социальных проблем.

Другие, такие, как Международный комитет Красного Креста, Оксфордский комитет помощи голодающим Oxfam, «Врачи без границ», организации по защите прав де-

тей Save the children, Plan и др., созданы для разрешения гуманитарных кризисов, возникающих в результате войн, природных и техногенных катастроф.

Быстрая индустриализация и истощение природных ресурсов планеты породили экологические кризисы, с которыми борются организации по защите природы, такие, как «Гринпис», «Всемирный фонд дикой природы», «Друзья земли» и др.

В Китае действуют филиалы большинства международных благотворительных организаций и частных благотворительных фондов. Несмотря на сложные и непрозрачные условия работы международных НПО в Китае, они вносят значительный вклад в его развитие.

Таблица 1

Типология иностранных НПО в Китае³

Тип	Источник финансирования	Пример
Религиозные организации	Частные пожертвования, публичный сбор средств, церковные приходы, гранты от правительств и частных фондов	World Vision (организация евангельской христианской церкви), Misereor (благотворительная организация Римско-католической церкви)
Организации гуманитарной помощи и борьбы с бедностью	Индивидуальная база сторонников, публичный сбор средств, гранты от правительств и частных фондов	Oxfam (Оксфордский комитет помощи голодающим), Save the children (защита прав детей), Plan (защита прав детей), MSF («Врачи без границ»)
Экологические организации	Индивидуальная база сторонников, публичный сбор средств, гранты от правительств и частных фондов	«Друзья Земли», WWF («Всемирный фонд дикой природы»)
Частные фонды	Обеспечивается основателями	Фонд Форда, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд Кадури, Фонд Старр
Специализированные некоммерческие консалтинговые агентства	Правительственные контракты, гранты от правительств и частных фондов	PATH, Pact, Family Health International (организация здравоохранения), PlaNNet Finance (социально-экономическое развитие)
Агитационные организации	Индивидуальная база сторонников, гранты от частных фондов	Sweatshop Watch (защита прав рабочих), International Rivers Network (экологическая защита рек и зависимого от них населения)
Политические научно-исследовательские центры	Гранты от правительств и частных фондов	Центр Карнеги
Профессиональные ассоциации	Членские взносы, гранты от правительств и частных фондов	International Federation of Social Workers (Международный профсоюз социальных работников), American Bar Association (Американская ассоциация юристов)
Группы взаимопомощи	Членские взносы, гранты от правительств и частных фондов	Heep Hong Society (обучение детей с аутизмом, синдромом Аспергера, синдромом дефицита внимания и т.д.), Retina Hong Kong (помощь людям с заболеваниями сетчатки глаза)

До 2016 г. деятельностью иностранных НПО, так же, как и деятельностью китайских, руководило Министерство гражданской администрации КНР (МГА), а также другие компетентные органы, регулирующие профессиональную деятельность в специализированных областях, такие, как Министерство здравоохранения и Министерство просвещения.

Создание и деятельность иностранных торгово-промышленных палат регулируются временным положением об управлении иностранными торгово-промышленными палатами в Китае (2013)⁴.

Создание и деятельность представительств зарубежных фондов регулируются положением об управлении фондами (2004)⁵. В соответствии с ним иностранный фонд, стремящийся создать свое представительство в Китае, должен предоставить регистрирующему органу заявление, копию устава, доказательство юридического оформления в своей стране, удостоверения личности и биографические данные тех людей, которые будут выступать в качестве ответственных лиц, и документ, подтверждающий решение контролирующего органа (госучреждения-поручителя, профессионального агентства того же профиля, что и желающая зарегистрироваться организация).

В отличие от зарубежных торгово-промышленных палат, у которых, как правило, не возникает трудностей с регистрацией, иностранные фонды и НПО испытывают значительные затруднения при регистрации. Это связано со сложностью найти госучреждение-поручителя. По состоянию на 2012 г., из тысяч иностранных фондов и НПО, работающих в КНР, лишь 18 успешно зарегистрированы правительством⁶. Среди них: Всемирный экономический форум, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд Вильяма Клинтон, Фонд Сайруса Танга, партнерство по ВИЧ/СПИДу China-MSD, Китайское детское благотворительное учреждение (Chinese Children Charities), Гонконгский благотворительный фонд Ин Шаньян, Китайский фонд доброты, Фонд дикой природы, Фонд Ли Кашина, Фонд «Половина неба», Фонд Мерье, Гонконгский фонд Шунлунь, Энергетический фонд, Китайское отделение детского благотворительного фонда Холт Интернешнл, Международное общество сохранения природы, Фонд «Новая надежда» и «Китайская медкомиссия» (China Medical Board). Остальные зарегистрированы в качестве коммерческих организаций или не зарегистрированы вовсе. Среди стран происхождения названных фондов — США, Гонконг, Франция и Швейцария.

Представительства иностранных фондов должны участвовать в общественно-полезной деятельности. Иностранные фонды подлежат гражданско-правовой ответственности за действия своих представительств в Китае в соответствии с китайским законодательством.

Представительства иностранных фондов не могут заниматься публичным сбором средств или принимать пожертвования на территории Китая. Они обязаны представлять ежегодный отчет о своей работе в органы, осуществляющие регистрацию, и проходить ежегодную проверку. Годовой отчет рассматривается и утверждается соответствующим учреждением. Он должен в себя включать финансовый отчет, аудит сертифицированным бухгалтером, отчет о деятельности по полученным грантам и пожертвованиям, а также отчет о кадровых и организационных изменениях.

Неофициальный статус подавляющего большинства зарубежных фондов и НПО повлиял на рассмотрение правительством на национальном и местном уровнях КНР ряда мер, которые бы упростили их регистрацию. МГА делало заявления о возможности пересмотреть правила регистрации иностранных НПО в целях упрощения требований. В качестве пилотной программы правительство провинции Юньнань в 2010 г. выпустило первые в истории автономные правила для иностранных НПО с просьбой принять участие в «системе хранения документов» вместе с провинциальными внешнеполитическими ведомствами и ведомствами по гражданским вопросам⁷. Эта экспериментальная мера

рассматривалась как шаг на пути к полной регистрации иностранных НПО с целью улучшить регулирование их деятельности.

В последние годы были предприняты усилия по совершенствованию порядка финансирования иностранных НПО из-за рубежа. В 2010 г. Государственным валютным управлением были приняты новые правила, регулирующие порядок предоставления иностранных пожертвований⁸. Они требуют, чтобы переданные пожертвования «не противоречили общественной морали» и не наносили вреда общественным интересам или законным правам и интересам граждан (ст. 2); чтобы пожертвования в иностранной валюте осуществлялись через идентифицируемые банковские счета (ст. 3).

Китайские общественные организации, получающие пожертвования из-за рубежа со стороны иностранных НПО, должны предоставить банку следующую документацию: заявление, копию лицензии на ведение деятельности, нотариально заверенное соглашение о пожертвовании, свидетельство о регистрации зарубежной организации и другие документы по требованию (ст. 6).

Поскольку многие НПО в Китае зависят от зарубежных финансовых средств, принятие Государственным валютным управлением правил, регулирующих порядок иностранных пожертвований, вызвало обеспокоенность среди НПО в отношении того, что это серьезно затруднит или вовсе сделает невозможным иностранное финансирование. Однако практика показала, что новые правила в целом не очень сильно сказались на получении НПО зарубежных финансовых средств, но увеличили трудности в связи с их использованием.

28 апреля 2016 г. на сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) был принят закон «Об управлении деятельностью иностранных неправительственных организаций в пределах территории Китая»⁹.

По заявлениям китайских властей, закон нацелен на регулирование деятельности иностранных НПО, защиту их законных прав и интересов и содействие обменам и сотрудничеству, обеспечивая им правовую основу для деятельности в Китае. Представитель ПК ВСНП Чжан Юн заявил, что «закон был разработан, чтобы содействовать деятельности иностранных НПО в целях соблюдения их законных прав»¹⁰.

Необходимость усиления контроля над иностранными НПО объяснялась также проблемами национальной безопасности. Директор Бюро по управлению иностранными НПО Министерства общественной безопасности КНР Хао Юньхун заявил, что «небольшая часть иностранных НПО с помощью средств фондов и некоторых методов способна нанести ущерб интересам национальной безопасности Китая или вести иную незаконную преступную деятельность»¹¹. Озабоченность вопросами национальной безопасности пронизывает весь текст нового закона.

Согласно ему, иностранные НПО отныне должны будут получать разрешение китайских органов власти перед тем, как разворачивать свою деятельность на территории материкового Китая. При этом получать разрешение должны все иностранные НПО — независимо от того, планируют ли они открывать постоянные представительства, или работать в Китае лишь временно.

За регистрацию и регулирование деятельности организаций будут отвечать Министерство общественной безопасности КНР и провинциальные полицейские департаменты (ст. 6), однако в законе нет никаких подробностей относительно «механизма», который должно создать министерство для регистрации и контроля над иностранными НПО.

Иностранные НПО, действующие без разрешения китайских властей, подвергнутся наказанию. Закон постановил, что компетентные органы Китая всех уровней должны предоставлять иностранным НПО консультации и разъяснения.

Среди позитивных моментов следует отметить тот факт, что закон предусматривает снятие ограничений на количество отделений зарубежных НПО на территории мате-

рикового Китая, тогда как раньше допускалось открытие только одного офиса. Теперь иностранным НПО разрешено открывать отделения в соответствии со своими операционными нуждами, но количество и место расположения офисов должны быть одобрены регулирующими органами. Кроме того, был отменен 5-летний лимит на деятельность представительств зарубежных НПО в Китае.

Представительствам зарубежных НПО и зарубежным НПО, занимающимся временной деятельностью на территории КНР, запрещено вербовать членов в материковом Китае, кроме тех случаев, когда Госсоветом КНР предусмотрены другие условия.

Из негативных моментов можно выделить в первую очередь неясность и размытость многих формулировок, из-за чего закон может существенно ограничить пространство для деятельности иностранных НПО в Китае. Так, например, организации, которые не получают официального одобрения, будут вынуждены прекратить свою работу в стране. Для того чтобы остаться, многим НПО, вероятно, придется сократить или ликвидировать социально значимые программы, которые считаются политически чувствительными, такие, как трудовые права работников, дискриминация по национальному признаку и свобода вероисповедания. По некоторым оценкам, новое законодательство затронет, по меньшей мере, 7 тыс. иностранных НПО¹².

Кроме того, закон позволяет китайской полиции проводить обыски и опечатывать офисы иностранных НПО, а также допрашивать их сотрудников и проверять документацию, если их заподозрят в нарушении закона. Иностранным НПО запрещается спонсировать политическую или религиозную деятельность или участвовать в ней.

Статья 5 запрещает осуществлять деятельность, представляющую «угрозу территориальной целостности, национальной безопасности и национальному единству Китая», а также «наносить ущерб его государственным интересам». Однако ни в самом законе, ни в нормативных актах эти понятия не раскрываются, что, по мнению критиков, дает повод для злоупотреблений.

Новый закон вызвал обеспокоенность как со стороны западных неправительственных организаций, которые высказывали опасения, что он может серьезно ограничить их деятельность в стране, так и со стороны правительств других стран. Так, Белый дом выразил «глубокую озабоченность, что закон будет способствовать дальнейшему сужению пространства для гражданского общества в Китае»¹³, а госсекретарь США Джон Керри заявил, что новый закон нанесет ущерб американско-китайским отношениям¹⁴. Представительство Европейского союза в Китае выразило обеспокоенность тем, что закон будет препятствовать развитию гражданского общества в стране¹⁵. По его мнению, закон дает неограниченную власть правительству Китая «отслеживать и вмешиваться» в деятельность НПО. В совместном заявлении трех специальных докладчиков Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека также была выражена обеспокоенность, что «чрезмерно широкие и расплывчатые положения закона... можно использовать в качестве инструментов запугивания, даже подавления несогласных взглядов и мнений»¹⁶.

По мнению ряда правозащитников, новый закон приведет к ужесточению контроля над НПО и к их массовому оттоку из страны. Активисты опасаются, что власти отныне на законных основаниях смогут, при необходимости, высылать сотрудников неправительственных организаций, которых сочтут неблагонадежными, включая иностранцев¹⁷.

Кроме того, существует вероятность, что новое законодательство будет препятствовать развитию гражданского общества и вкладу неправительственных институтов в дело развития Китая. Закон также может иметь негативное влияние на гуманитарные обмены между Китаем и другими странами.

1. *Salamon L. M., Anheier, H. K., List, R., Toepler, S., & Sokolowski, S. W.* (1999). *Global civil society. Dimensions of the Nonprofit sector.* Baltimore, 1999.
2. *Anheier H., Glasius M. & Kaldar M.* (2007). «Introducing Global Civil. Society», in *Global Civil Society* (London: SAGE Publications, 2007), 4. URL: <http://is.muni.cz/el/1423/jaro2007/SOC711/3608937/3610178/2001chapter1.pdf>.
3. *Young, N.* (2005). *NGOs: the Diverse Origins, Changing Nature and Growing.* URL: <http://www.chinadevelopmentbrief.com/node/297>.
4. Вайго шанхуэй гуаньли чжань хан гуйдин: [Временное положение об управлении иностранными торгово-промышленными палатами в Китае]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=19852&lib=law>.
5. Цицизинь хуэй гуаньли баньфа: [Положение об управлении фондами]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=1275&lib=law>.
6. *Shieh, S., Knutson S.* (2012). *The Roles and Challenges of International NGOs in China's Development. Special Report. China Development Brief.* URL: <http://www.chinadevelopmentbrief.org.cn/upload/userfiles/files/International%20NGOs%20in%20China.pdf>.
7. Гуаньюй иньфа юньнань шэн гуйфань цзинвай фэй чжэнфу цзучжи ходун чжань хан гуйдин дэ тунчжи: [Временное положение провинции Юньнань о стандартизации деятельности зарубежных неправительственных организаций]. URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/China/regyunpan.pdf>.
8. Гоцзя вайхуэй гуаньли цзюй гуаньюй цзиннэй цзигоу цзюаньцзэн вайхуй гуаньли югуань вэньти дэ тунчжи: [Положение Государственного управления по иностранным валютам по вопросам, касающимся управления валютой, переданной в дар местному учреждению или полученной им]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=7875&lib=law>.
9. Чжунхуа жэньминь гунхэго цзинвай фэй чжэнфу цзучжи цзиннэй ходун гуаньли фа: [Закон КНР о регулировании деятельности иностранных неправительственных организаций в пределах территории Китая]. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=21963&lib=law>.
10. Цюаньго жэньда чанвэй хуэй баньгон тин 2016 нянь 4 юэ 28 жи синьвэнь фабу хуэй: [Пресс-конференция Главного управления Постоянного комитета ВСНП 28 апреля 2016 г.]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/zhibo/zzzb25/node_29882.htm.
11. *China Adopts New Law Regulating Foreign NGOs.* CRI, 28.04.2016. URL: <http://english.cri.cn/12394/2016/04/29/2702s925886.htm>.
12. *Wong, Edward.* *Clampdown in China Restricts 7,000 Foreign Organizations.* The New York Times, 28.04.2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/04/29/world/asia/china-foreign-ngo-law.html?_r=1.
13. *Statement by NSC Spokesperson Ned Price on China's Foreign NGO Management Law.* The White House, 28.04.2016. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/04/28/statement-nsc-spokesperson-ned-price-chinas-foreign-ngo-management-law>.
14. *U.S.—China Press Statements.* U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/06/258163.htm>.
15. *Comments by the delegation of the European Union to China following the management of foreign NGO activities within mainland China.* Delegation of the European Union to China, 04.05.2016. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/china/press_corner/all_news/news/2016/20160504_en.htm.
16. *China: Newly adopted Foreign NGO Law should be repealed, UN experts urge.* United Nations, Human Rights Office of the High Commissioner, 03.05.2016. URL: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=19921&LangID=E>.
17. *Campbell, Charlie.* *China's New Foreign NGO Law Is Threatening Vital Advocacy Work.* Time, 26.04.2016. URL: <http://time.com/4307516/china-ngo-law-foreign-human-rights/>

Влияние глобализации на нацменьшинства в КНР (на примере наси)

Ю.А. Грачева

Общемировые глобальные процессы стремительно распространяются в самых отдаленных уголках планеты, оказывая влияние в экономических, социальных, политических, культурных и других сферах бытия крупных и малых народов разных стран, в том числе и наси в Китае, которые стали подвергаться их ошутимому воздействию на пороге нового тысячелетия. В данной статье анализируется положение народа наси в контексте глобализации, описываются основные проблемы и угрозы, с которыми сталкивается этот народ в XXI в., а также роль национальной политики КНР в решении данных проблем.

Ключевые слова: наси, национальные меньшинства КНР, глобализация.

КНР — одна из крупнейших полиэтнических стран мира, на территории которой проживают около 110 млн представителей различных национальных меньшинств. Хань — титульная нация, составляющая около 92% всего населения Китая. Поскольку от этнополитических, этносоциальных и этнокультурных процессов зависит стабильное существование и развитие государства, правительство придает большое значение их регулированию. Кроме того, в современном мире малые народы, так же как и титульные нации, сталкиваются с вызовами глобализации, которые наряду с положительными тенденциями несут массу угроз небольшим по численности этническим группам, проживающим в разных уголках планеты. В подобных условиях мирового развития государство может сыграть решающую роль в защите и поддержке или, наоборот, в разрушении самобытного общества и традиционной культуры своих малочисленных народов, усиливая или ослабляя негативные и позитивные эффекты глобализации.

В данной статье рассматривается положение народа наси¹ в КНР на современном этапе его развития в контексте влияния на него глобализационных процессов. Одним из важнейших событий в истории наси, ускорившим вовлечение этого народа в глобальные процессы, стало сильнейшее землетрясение 1996 г., в результате которого был практически полностью разрушен Лицзян — исторический и культурный центр этого народа. Однако данное бедствие способствовало тому, что на Лицзян и культуру наси было обращено внимание международного сообщества. Вскоре после землетрясения этот город был признан ЮНЕСКО в качестве объекта Всемирного наследия, а Всемирный банк оказал поддержку местному правительству в восстановлении традиционных улиц, мостов, жилищ и прочих разрушенных сооружений в Лицзяне. На пороге XXI в. верования и традиции наси, а также город Лицзян и некоторые другие населенные пункты, связанные с историей и культурой этого народа, уже привлекли огромное количество не только китайских, но и западных исследователей. Некогда труднодоступный район страны оказал-

ся открытым и легкодоступным для множества туристов, приезжающих сюда не только из других провинций Китая, но и из-за рубежа.

Условия проживания малочисленных народов, их культурная и социальная эволюция всегда были сопряжены с разного рода глобальными процессами, которые в том или ином масштабе происходили в разные исторические эпохи на нашей планете. Однако в последние три десятилетия прошлого столетия и в настоящее время влияние глобальных процессов на малые народы разных стран резко возросло. В начале XXI в. малые народы сталкиваются с рядом проблем, самыми распространёнными из которых являются: исчезновение родного языка, разрушение системы традиционной культуры и верований, изменение структуры семьи и общества, а также смена сложившегося мировоззрения и отношений между человеком и окружающим миром в рамках культуры конкретного этноса. Вместе с тем следует помнить о том, что процессы глобализации несут и ряд положительных эффектов, связанных с повышением материального уровня жизни, качеством медицины, образованием и другими достижениями современного мира. Однако даже самые положительные аспекты влияния глобализации могут иметь негативные последствия в контексте сохранения традиционных обществ малых народов планеты.

Проблемы, с которыми начали сталкиваться малочисленные этнические группы, стали предметом научных исследований и общественных споров в разных странах мира. Проблема воздействия глобализации на малые народы, вопрос сопоставления глобальных и традиционных ценностей нацменьшинств, а также национальная политика государств в данном контексте стала предметом научных исследований еще в 1980-е годы, однако в настоящее время данная тема приобретает все большую актуальность. Одним из фундаментальных научных трудов в этой области является монография «Глобализация и культуры “малочисленных” народов: роль “малочисленных” культурных групп в формировании нашего глобального будущего» (2014) американского этнографа С. Кройси. В этом труде автор исследует взаимодействие глобализации с культурами и обществами малочисленных народов с разных точек зрения. Данная работа интересна тем, что С. Кройси рассматривает культуры малочисленных народов в качестве уникальных источников, которые, при должном бережном отношении к ним, могут питать современный глобальный мир и оказывать на него позитивное влияние. В работе «Культурная автономия, права национальных меньшинств и глобализация» (2005) американского исследователя международных отношений С.К. Роуча также рассматривается положение малочисленных народов в разных уголках планеты в контексте влияния на них глобальных процессов. Автор данной работы концентрируется на политических аспектах проблемы, анализирует влияние культурных автономий на продвижение и защиту прав национальных меньшинств на государственном и глобальном уровнях. Что касается работ, посвященных положению нацменьшинств непосредственно в Китае, то здесь среди современных исследований можно выделить работы известного австралийского Китаеведа К. Макерраса, написавшего ряд крупных монографий на данную тему, например, «Нацменьшинства Китая: интеграция и модернизация в двадцатом веке» (1994), «Культуры нацменьшинств Китая: самосознание и интеграция с 1912 года» (1995), а также «Нацменьшинства Китая и глобализация» (2013). В последней работе К. Макеррас, исследуя положение малочисленных народов Китая в настоящее время, приходит к выводу о том, что этнические проблемы и глобализация — это ключевые силы, оказывающие влияние на современный мир. Взаимодействие этнических групп и процессов глобализации, как подчеркивает К. Макеррас, происходит в самых различных областях политики, экономики, общества и международных отношений.

В отечественной науке можно выделить труды советского историка и этнографа Ю.В. Бромлея (1921–1990), работы которого имеют большую ценность для теоретических исследований положения малочисленных народов и в XXI в. В качестве крупнейшего современного исследователя положения малых народов в Китае и национальной поли-

тики КНР можно назвать отечественного китаеведа А.А. Москалёва, наиболее известными работами которого являются «Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР (Вопросы политики районной национальной автономии)» (1979), «Политика КНР в национально-языковом вопросе» (1981), «Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999)» (2001), «Нация и национализм в Китае» (2005), а также «Национальный вопрос в КНР (1949–1994)» (1996). Особый интерес вызывает предпринятый автором подробный анализ таких вопросов, как идентификация национальностей, сплоченность малочисленных народов и титульной нации страны, а также доктрина китайской нации (*чжунхуа миньцзу*).

В Китае тема положения малочисленных народов в контексте процессов глобализации также является предметом исследований в XXI в. Особенностью китайских работ в этой области представляется сосредоточенность на вопросах, связанных с национальностями в рамках своей страны, а также большое количество исследований положения нацменьшинств на конкретных примерах, кроме того, этнические проблемы, как правило, рассматриваются в рамках национальной политики государства. Таким образом, можно сказать, что китайские исследования более узкоспециализированные, нежели западные. Проблема положения нацменьшинств в Китае стала вновь подниматься в китайской науке с 1980-х годов в связи с изменением общего курса государственной политики, однако резкий рост количества научных работ, посвященных проблемам развития и положению нацменьшинств, наблюдается с 1990-х годов. Для этого периода характерно множество публикаций на тему строительства национальных автономий и решения национального вопроса внутри страны. Здесь стоит выделить работы следующих китайских исследователей: Ван Сизнь — «Национальная идентификация и национальное самосознание» (1995), «О специфике китайской теории нации и национального вопроса как особой отрасли знаний» (1997); Ли Цзяньхуэй — «О создании системы районной национальной автономии в Китае» (1995); Ли Шучинь — «О главном противоречии в совместном развитии национальностей нашей страны на современном этапе» (1991); У Цзинхуа — «О правильном подходе к национальному вопросу»; Гуань Гуйся — «О районной национальной автономии с китайской спецификой» (1992). С 2000-х годов в китайской науке начинает публиковаться больше исследований, связанных с положением страны в глобальном мире, а также о проблемах нацменьшинств Китая в контексте глобализации. Появление большого количества работ, связанных с проблемами глобализации, было вызвано активным вовлечением Китая в мировые глобальные процессы в этот период. В 2001 г. Китай вступает в ВТО, а после всемирного кризиса 2008 г. Китай начинает играть еще более сильную роль в глобальной политике и экономике. Основная масса исследований, как сказано выше, носит узкоспециализированный характер и сосредотачивается на конкретных проблемах того или иного малого народа. Большинство работ уделяют внимание таким проблемам нацменьшинств как использование родного языка, сохранение культурных традиций и экономическое развитие районов проживания малых народов. В этот период из работ, охватывающих более широкий спектр проблем, можно выделить новые работы Ван Сизня «Глобализация и этническая идентификация» (2002), «Глобализация и особенности национальностей страны» (2002). Другими крупными монографиями также являются «Исследование китайского национализма в контексте экономической глобализации» (2010) Лу Чжэньчжэня и «Культурная самоидентификация национальных меньшинств Китая в контексте глобализации» (2012) Линь Чуньхуа. Что касается научных исследований, посвященных проблемам отдельных нацменьшинств и национальной политики государства в контексте глобализации, которые стали проводиться в этот период, то о них будет сказано ниже в рамках анализа положения народа наси в настоящее время.

В 1980-е — 1990-е годы особенностью развития китайской науки в области национального вопроса и проблем нацменьшинств стало появление таких отдельных от-

раслей, как этноэкономика, этноправо и этнообразование. Возникновение этих отдельных специфических областей науки было связано с тем, что начиная с 1980-х годов государство начало реализацию планов экономического развития, внедрения правовых норм и повышения уровня образования среди населения в национальных районах страны с учетом местной специфики.

В настоящем в западной, отечественной и китайской науке существует немало исследований, посвященных проблемам национальных меньшинств, которые затрагивают самые разные аспекты бытия народов. Таким образом, анализ положения того или иного малочисленного народа в контексте глобализации представляет собой многогранную задачу, которую необходимо рассматривать с самых разных точек зрения.

Современный туризм в жизни народа наси. Центром экономического и культурного развития наси в настоящее время продолжает быть городской округ Лицзян, куда стекается все большее количество наси. Согласно переписи 2010 г. около 75% всех наси Китая проживали на тот момент в этом районе. Основным источником доходов наси, а также важнейшим сектором экономического развития городского округа Лицзян, является туризм. Данная отрасль продолжает активно развиваться в последние несколько лет и затрагивает все более отдаленные районы проживания наси, в том числе и совсем небольшие сельские поселения, постепенно вовлекая жителей деревень в экономическую жизнь региона.

Городской округ Лицзян является одним из примеров того, как вектор глобализации, совпадая с современными направлениями национальной политики государства, приводит к изменениям в жизни малочисленного народа. В современном мире, чтобы добиться высокого развития туристической отрасли в том или ином регионе необходимо участие международных организаций, ТНК, а также СМИ. Более того, историко-культурный туризм, который присущ Лицзяну, не представляет собой чисто экономическую отрасль, и растет за счет поддержания и развития местных особенностей. В данном случае мы имеем дело с этнической основой туризма — именно уникальная культура и образ жизни народа наси являются ядром развития туризма в Лицзяне. С другой стороны, вопрос привлечения внимания международного сообщества и борьба за получение статуса всемирного культурного наследия теми или иными достопримечательностями страны пересекается с интересами государства в области национальной политики. Поэтому в рамках реализации национальной политики, а также осуществления задачи вхождения Китая в глобальный мир, правительство страны всячески способствует развитию этнотуризма в данном регионе. Наконец, становление Лицзяна в качестве объекта всемирного культурного наследия оказывает прямое воздействие на жизнь народа наси. Как уже говорилось выше, развитие внутреннего и международного туризма в этом регионе прямо влияет на структуру занятости и владение языками среди молодого поколения наси, а также меняет их отношение к своей традиционной культуре.

Для более глубокого понимания степени вовлечения Лицзяна в историко-культурный мировой туризм следует проанализировать, какие же структуры играют в этой сфере доминирующие роли. Все решения в области туризма принимает секретарь КПК в Лицзяне, назначаемый напрямую комитетом КПК в провинции Юньнань в Куньмине, который, в свою очередь, подчиняется ЦК КПК в Пекине. Именно он контролирует деятельность властей, несущих ответственность за планирование туризма и сохранение наследия в Лицзяне, включая многие государственные органы управления, отвечающие за реализацию рекомендаций Пекина. Помимо местных властей, в туристической сфере Лицзяна задействованы такие организации, как Всемирный банк, ЮНЕСКО, Lonely Planet, многие ТНК международного уровня, а также Госсовет в Пекине, правительство провинции Юньнань в Куньмине и местные туристические корпорации государственного уровня.

Одним из средств привлечения внимания и поддержки международных организаций к Лицзяну является популяризация этого места в качестве сердца уникальной, до-

шедшей до наших дней, культуры народа наси. Однако у данного факта есть обратная сторона. Бурное развитие туризма привело к масштабной коммерциализации культуры *дунба*, в результате чего наличие исконной культуры наси в Лицзяне оказалось фактически под вопросом. Так, местный житель Лицзяна Сюань Кэ, борющийся за сохранение традиционной музыки наси, пишет о том, что «древний город Лицзян — мёртв». В противовес его мнению местное правительство заявляет об успехах в деле сохранения аутентичной культуры наси, выражающихся, к примеру, в проведении большого количества концертов народной музыки наси для приезжих китайских и зарубежных туристов².

Китайский исследователь Юань Сююнь, занимающийся вопросами влияния туризма и глобальных процессов на жизни наси, выделяет как позитивные, так и негативные последствия. Как утверждает этот исследователь, 70% построек в историческом центре Лицзяна имеют туристическое предназначение и не являются жилыми домами. Коренные жители Лицзяна в больших количествах покидают этот город, поскольку новые условия и ритм существования не позволяют вести привычный образ жизни, характерный для коренных наси. Согласно статистике, в 1996 г. в старом городе Лицзян проживало около 30 тыс. наси, тогда как в 2005 г. — всего 6000 человек³, среди которых в основном очень пожилые люди⁴. Однако позитивными последствиями происходящих процессов Юань Сююнь считает «воскрешение» традиционной культуры наси, а также рост национальной самоидентификации этого народа⁵.

Как бы то ни было, в настоящее время доходы Лицзяна от туризма достигают огромных размеров. Согласно статистике Бюро туризма городского округа Лицзян, с 1996 г. доход от въездного туризма в этом регионе вырос с 9,66 млн долл. до 119 млн в 2007 г.⁶ В последующие годы развитие культурно-исторического и этнографического туризма продолжало существенный рост. В «Докладе о работе правительства городского округа Лицзян за 2015 г.» говорится о том, что «туризм и культурная индустрия перешли на качественно новый уровень слияния». В 2015 г. Лицзян посетили более 30,1 млн китайских и иностранных туристов, а общий доход от туризма составил 44,32 млрд юаней⁷.

Повсеместное использование атрибутов традиционной культуры наси, так легко бросающееся в глаза приезжему, также реализует национальную политику КПК в отношении малых народов страны, демонстрируя построение гармоничных отношений между титульной нацией хань и народом наси. Таким образом, поддерживая сохранение и развитие традиционной культуры наси, правительство выполняет сразу две задачи — реализует положение национальной политики о «гармоничном развитии всех национальностей»⁸, а также вовлекается в сферу глобального туризма, приносящего не только массу экономических выгод, но и поднимающего престиж страны на международной арене. Что же касается влияния этих процессов на самих наси, то здесь мы можем наблюдать как позитивные, так и негативные тенденции. С одной стороны, вовлечение в глобальный туризм одновременно с усилиями правительства способствует сохранению культуры этого народа, а также открывает новые возможности молодому поколению наси. С другой стороны, под давлением этих же процессов традиционная культура размывается и теряет свою аутентичность. Примером может служить использование пиктограмм *дунба* за пределами их реального, исторически сложившегося предназначения, о котором говорилось выше.

Особенности языка и культуры народа наси⁹. Вовлечение в глобальную индустрию туризма одновременно и привлекает внимание общества к проблемам сохранения аутентичной культуры наси, но в тоже время и усугубляет некоторые из них. Приспосабливаясь к новым условиям жизни, молодое поколение наси все больший упор делает на изучение путунхуа, а также и английского языка, в особенности, если речь идет о Лицзяне. Например, среди обеспеченных наси в настоящее время принято отдавать детей в двуязычные детские сады¹⁰, где их обучают путунхуа и английскому языку, тогда как в основной массе школ преподавание также ведется на путунхуа. Модернизация многих сфер жизни приво-

дит к возникновению новых лексических единиц, которые зачастую просто не находят своего выражения в языках малочисленных народов. Данная проблема находит отражение в цифрах. Статистика по языку наси говорит о том, что, например, из 103 названий предметов ежедневного обихода, 42 невозможно обозначить на языке наси, а остальные являются в основном устаревшими, которые почти не распознаются людьми моложе 20 лет¹¹.

В то же время другой стороной вовлечения народа наси в процессы глобализации является получение «высокотехнологичных благ», которые служат делу сохранения и распространения сведений о таком важнейшем элементе культуры этого народа, как *письменность дунба*. Примером тому служит появление в 2000-е годы программы Edongba¹², которая используется для печати пиктограмм дунба на персональных компьютерах и доступна по всему миру. Однако следует отметить, что данная программа не является бесплатной: стоимость Edongba в Китае составляет 68 юаней, а за рубежом колеблется от 30 до 50 долл. (2016). В настоящее время при поддержке Государственного фонда естественных наук КНР и Госкомитета по вопросам национальностей разрабатывается программное обеспечение для ввода пиктограмм дунба на основе латинизированного алфавита для ПК на платформе Windows¹³.

Повышенное внимание к проблеме сохранения пиктограмм дунба обусловлено, в том числе, и включением в 2005 г. данной письменности в Список объектов наследия проекта «Память мира» Азии и Тихоокеанского региона ЮНЕСКО¹⁴. После этого события Лицзяну было предложено принять делегацию ЮНЕСКО с организацией встреч и конференций соответствующего уровня. В последний день данного мероприятия власти Лицзяна просили членов делегации ЮНЕСКО о консультации в сфере использования текстов и письменности дунба в целях экономического развития. Делегаты ЮНЕСКО восприняли данный вопрос с неодобрением, подчеркнув, что финансирование проекта «Память мира» направлено на сохранение и оцифровку письменных памятников, а не на использование последних в целях получения финансовой прибыли¹⁵.

Включение письменности дунба в проект «Память мира» ЮНЕСКО положило начало новому этапу в деле сохранения культуры дунба народа наси. Данное событие является ярким примером того, каким образом процессы глобализации могут оказывать позитивное влияние на сохранение культур малочисленных народов. Однако следует помнить, что меры по сохранению и развитию культуры наси не строятся на исключительно альтруистических мотивах, но и являются примером реализации национальной политики КПК, направленной на стабилизацию взаимоотношений титульной нации с нацменьшинствами, а также носят во многом и коммерческий характер. Тем не менее благодаря вышеупомянутому событию начался новый этап в деле сохранения наследия культуры народа наси. В 2008 г. был учрежден «Медиа-центр уезда Юйлуан по защите и оцифровыванию наследия культуры дунба», спонсированием которого стало заниматься правительство Австрии. В группу руководителей центра вошли 14 человек, 7 из которых являются представителями народа наси¹⁶. Данный центр занимается закупкой «передового оборудования» в целях содействия сохранению и развитию культурного наследия дунба, а также практическим применением современных информационных технологий для достижения этих целей. В официальном описании проекта также сказано, что он «оказывает услуги исходя из интересов общества, [а также] приносит определенную экономическую выгоду»¹⁷. Таким образом, в данном документе мы находим фактическое отражение коммерческой стороны мероприятий по сохранению и поддержке традиционной культуры народа наси, о которой говорилось выше. Реализация проекта основывается на шести правовых документах, пять из которых подтверждают правомерность использования иностранных государственных кредитов, в данном случае от Австрии. Совокупные капиталовложения составили 59,5 млн юаней, из которых 60,56% составляют инвестиции Австрии (3,9 млн евро)¹⁸.

Следует отметить, что реализация этого проекта, помимо защиты культуры дунба, получения экономической выгоды, также направлена и на решение такой проблемы,

как занятость населения уезда Юйлун, где доля урбанизации довольно низка — около 20% (2010 г.).

В 2014 г. в Пекине состоялся международный симпозиум «Технологии информатизации сохранения культурного наследия». В этом мероприятии приняли участие представители Пекинского университета науки и информационных технологий, Академии общественных наук Юньнани, а также Пекинской ассоциации содействия культуре дунба и Лицзянского исследовательского института культуры дунба. На симпозиуме также присутствовали крупнейшие насиведы Германии и Франции¹⁹. В результате данного мероприятия были вновь подтверждены и закреплены прежние договоренности по сохранению и оцифровке культуры дунба²⁰, реализуемые на основе международного сотрудничества между крупнейшими научными китайскими и западными организациями.

Под влиянием процессов глобализации в жизни малых народов происходит множество изменений, которые сложно охватить одним взглядом и которые требуют проведения большого числа исследований в разных научных областях. Положение народа наси в свете этих процессов весьма не однозначно и требует разностороннего и тщательного рассмотрения. Цель статьи — обозначить общее направление будущих исследований данной темы. В целом, можно выделить следующие аспекты проблемы:

- влияние глобальных процессов на различные сферы жизни наси через воздействие и взаимодействие с разного рода международными сообществами и организациями;
- положение наси в контексте реализации национальной политики КПК, в том числе и с помощью глобальных, международных механизмов;
- выделение позитивных и негативных последствий, вызванных влиянием двух предыдущих факторов.

Соответственно, в связи с вышеуказанными аспектами мы можем выделить два основных уровня взаимодействия нацменьшинства, в данном случае наси, с окружающей политической, экономической, социальной и культурной средой (действительностью): 1) взаимодействие глобального уровня; 2) взаимодействие с титульной нашей страной, будучи объектом национальной политики государства²¹. Все уровни представляют собой открытые системы, оказывающие влияние друг на друга и, конечно, на состояние самого объекта — малочисленного народа. Культура народа наси, в свою очередь, также оказывает некоторое влияние на «вышестоящие уровни», например, посредством «вливания» наиболее ярких элементов своей материальной культуры в культурную среду надэтнического уровня. Так, в последние пять лет в Китае очень популярны предметы быта и гардероба, а также украшения, носящие символику культуры дунба. Кроме того, в Европе и США проводятся выставки традиционного и современного искусства наси, знакомя общество с культурой этого народа. Однако, конечно, влияние глобальных процессов и национальной политики страны несравнимо сильнее, а потому способно оказывать позитивное или негативное воздействие на жизнь и традиционную культуру народа наси.

В заключение стоит добавить, что данная тема представляет собой обширное поле для проведения исследований в различных научных областях, затрагивающих культурную, социальную, экономическую и другие сферы бытия малочисленных народов Китая.

-
1. Наси — тибето-бирманский народ, большая часть которого проживает в провинции Юньнань, а также в провинции Сычуань и в уезде Манкан Тибетского автономного района. По переписи 2010 г. население наси составляет 326 295 человек, из них 240 580 человек проживает в Лицзян-Насийском автономном уезде. Язык наси принадлежит к доло-бирманской группе тибето-бирманских языков. Основная религия — тибетский буддизм, но также широко распространены сохранившиеся традиционные верования дунба.
 2. Лицзян гучэн миньюнь: [Сульба древнего города Лицзяна] // Лицзян жибао. 22.05.2004. С. 16.

3. *Чжан Чжэнжун, Ху Етао*. Миньсу вэньхуа юй Лицзян гучэн лююю кайфа: [Туристическое развитие фольклорной культуры и древнего города Лицзяна] // Чжунго цзити цзинци. 2008 (19). С. 139–140.
4. Автором статьи в 2010 г. были опрошены несколько жителей Лицзяна, которые рассказали, что настоящих наси в этом городе практически не осталось, а аутентичная культура наси сохранилась лишь в отдаленных деревнях, обычно не посещаемых туристами. Причинами такой ситуации опрашиваемые назвали высокие цены за аренду помещений и высокую себестоимость ведения бизнеса в Лицзяне. Как показал опрос, среди этих людей практически не встречаются настоящие наси, хотя традиционный образ этого народа, а также его подгруппы мосо, активно используется коммерсантами для привлечения туристов.
5. *Юань Сююнь*. Люююкайфа дуй чуаньтун миньцзу вэньхуа дэ инсян — и наси цзу вэй ле: [Влияние развития туризма на традиционную народную культуру — на примере народа наси] // Ганао цзинци. 2014(23). С. 19–20.
6. *Xiaobo Su, Peggy Teo*. The Politics of Heritage Tourism in China: A View from Lijiang. London, 2009. P. 96.
7. 2015 нянь Лицзян ши чжэнфу гунцзо баогао цюаньвэнь: [Доклад о работе правительства города Лицзяна в 2015 г.]. URL: <http://www.gkstc.com/article/1425249947277.html>.
8. *Ху Цзиньтао*. Доклад на XVIII съезде КПК // Жэньминь жибао. 2012. 19 нояб.
9. В настоящее, по некоторым данным, лишь около 20% наси владеют родным языком.
10. Один из таких детских садов находится в деревне Байша в городском округе Лицзян. Детский сад был открыт в 2003 г. и принимает детей из 15 близлежащих деревень.
11. *Гао Хунин*. Лицзян Даянь кжэнь насицзу юйянь вэньхуа баоху сяньчжуан: [Текущее положение охраны языка и культуры народа наси в поселке Даянь в Лицзяне] // Дагуань чжоукань. 2012 (41). С. 42–43. См. также: Yunan Naxi language teaching. URL: <http://www.austrosinoartsprogram.org/blog/yunan-naxi-language-teaching>.
12. Программа принадлежит частной компании «Цзямуняо» в Чэнду пров. Сычуань, специализирующейся на создании программного обеспечения для больниц, отелей, ресторанов и т. п.
13. *Го Хай, Гао Цзиньшань, Чжао Цзинин*. Наси сяньсинвэнь ладин пиньинь шужу фанань шэци зи шисянь: [Реализация концептуального проекта по вводу пиктограмм наси на основе латинского пиньинь] // Цзисуаньцзи инюн юй жуаньцзянь. 2009. 26(5). С. 50–52.
14. Ancient Naxi Dongba Literature Manuscripts. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/flagship-project-activities/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-1/ancient-naxi-dongba-literature-manuscripts/>
15. *Emily Chao*. Lijiang Stories: Shamans, Taxi Drivers, and Runaway Brides in Reform-Era China. Seattle: University of Washington Press, 2013. P. 184.
16. URL: <http://www.yulong.gov.cn/Item/8632.aspx>.
17. URL: <http://www.yulong.gov.cn/item/5451.aspx>.
18. Расчет по курсу на 19.05.2009 г.: 1 юань = 9,24 евро.
19. Юн кэци синьсихуа цзишу чуаньчэн «шицзе цзии ичань» дунба вэньхуа: [Использование технологий научно-технической информатизации для передачи «Наследия памяти мира» культуры дунба] // Бэйцзин ваньбао. 2014. 12 окт.
20. Речь идет не только о письменных памятниках дунба, но и о записи на цифровые носители составляющих нематериального наследия: танцев, песен, обрядов, праздников народа наси.
21. Третьим уровнем можно выделить взаимоотношения между близкими, соседствующими друг с другом малыми народами, но данный уровень взаимоотношений (в случае с наси) в настоящее время отходит на второй план, т. к. не имеет существенного влияния на качественные изменения в жизни и традиционной культуре данного народа.

Национальное образование в Китае: современное состояние и меры государственного регулирования

© 2017

Т.Л. Гурулёва

Статья посвящена проблемам образования национальных меньшинств в Китае. Рассмотрены два типа учебных заведений для национальных меньшинств: национальное образовательное учреждение и образовательное учреждение национального района. Исследованы меры по совершенствованию системы государственного управления национальным образованием.

Ключевые слова: национальное образование в КНР, национальные меньшинства, национальное образовательное учреждение, образовательное учреждение национального района, меры государственного регулирования образования.

Под термином «национальное образование» (*миньцзу цзяоюй*) в Китае понимается система образования национальных меньшинств, которая является составной частью всей образовательной системы страны.

Образование национальных меньшинств осуществляется в национальных образовательных учреждениях, а также в образовательных учреждениях национальных районов.

Национальное образовательное учреждение в Китае (*миньцзу сюэсяо*) представляет собой учебное заведение, в котором учатся (или составляют достаточно большую долю обучающихся) только представители национальных меньшинств. Оно может быть расположено в любом районе Китая (как в национальном, так и в другом — многонациональном, характеризующимся смешанным проживанием национальных меньшинств), в нем также могут обучаться ханьцы. Образовательное учреждение национального района (*миньцзу дицзюй сюэсяо*) — это учреждение, находящееся на территории национального района, в котором преимущественно обучаются лица, проживающие в данном районе. Некоторые образовательные учреждения одновременно соответствуют сразу двум разновидностям учебных заведений — они находятся на территории национального района и имеют статус национального.

Названные разновидности образовательных учреждений осуществляют обучение национальных меньшинств на всех уровнях и всех видов общего образования. Общее базовое образование включает дошкольные образовательные учреждения, младшую и среднюю школу. Дошкольное образование представлено детскими садами (*юэрюаань*) и дошкольными группами (*сюэцзяньбань*). Начальное образование реализуется в начальных школах (первой и старшей ступеней) — *сяосюэ* (*чусяо, гаосяо*) и пунктах обучения (*цзяосюэдянь*). Среднее образование может быть получено в общеобразовательных средних школах (первой и старшей ступеней): *путун чжунсюэ* (*чучжун, гаочжун*) — общее базовое образование и в профессиональных средних школах (*чжундэн чжисе сюэсяо*) —

Таблица 1

Национальные образовательные учреждения и образовательные учреждения национальных районов в КНР

Виды образования		Уровни образования			
		Дошкольное	Начальное	Среднее	Высшее
Общее образование	Общее базовое образование	1. Детские сады 2. Дошкольные группы	1. Начальная школа (первой и старшей ступени) 2. Пункты образования 3. Специальные (коррекционные) школы (классы)	1. Общеобразовательная средняя школа (первой и старшей ступени) 2. Специальные (коррекционные) школы (классы)	
	Профессиональное образование			1. Национальная профессиональная средняя школа (первой и старшей ступени) 2. Национальные средние специальные учебные заведения (педагогические училища и техникумы) 3. Технические (ремесленные) училища	
	Общее высшее образование				1. Университеты и институты 2. Профессиональные и профессионально-технические колледжи 3. Филиалы университетов и группы высшего специального образования в университетах 4. Послевузовское образование

профессиональное образование. Профессиональные средние школы представляют собой вид профессионального образования и включают профессиональную среднюю школу (первой и старшей ступеней) *чэжие чжунсюэ (чучжун, гаочжун)*, средние специальные учебные заведения (*чжундэн чжуанье сюэсяо*) и технические (ремесленные) училища (*цзигун сюэсяо*). К средним специальным учебным заведениям относятся педагогические училища (*чжундэн шифань сюэсяо*), техникумы (*чжундэн цзигун сюэсяо*). Специальное (коррекционное) образование для инвалидов относится к общему базовому образованию и реализуется в начальных и средних специальных (коррекционных) школах (*тэшу цзяоюй сюэсяо*). К общему высшему образованию относятся университеты и институты (*дасюэ, сюэюань*); высшие специальные учебные заведения (профессиональные колледжи)

(чжуанькэ сюэсяо) и профессионально-технические колледжи (чжие цзишу сюэюань); филиалы университетов (дасюэ фэнсяо) и группы высшего специального образования в университетах (дачжуаньбань), а также послевузовское образование (яньцзюшэн цзяюююй).

Кроме того, в учебных заведениях материкового Китая организуются национальные группы внутренних материковых районов (*нэйди миньцзу бань*). Они представляют собой отдельно созданные в учебных учреждениях различных видов и уровней учебные группы для обучения национальных меньшинств; включают группы (классы) общеобразовательной средней школы (обеих ступеней), средней профессиональной школы, общей высшей школы, партийной и комсомольской школ. Обучающиеся проживают в национальных районах, но круглый год учатся во внутренних материковых районах Китая (не включают приграничные районы, Сянган и Аомэнь).

В образовательных учреждениях, осуществляющих обучение национальных меньшинств, реализуются различные образовательные модели в зависимости от вида и уровня образования.

Национальное общее базовое образование

Дошкольное образование

В качестве примера дошкольного образовательного учреждения можно привести детский сад Чунвэнь для детей национальности хуэй¹. Он основан в 1982 году, это первый национальный муниципальный детский сад, образованный в городском районе Пекина (район Чунвэнь). Формы пребывания детей — продленный день либо временное проживание. В детском саду 7 групп, более 200 детей национальности хуэй и детей из мусульманских стран, а также 34 работника детского сада (обучающий и административный персонал), из которых 57% — представители национальности хуэй. В детском саду осуществляется всестороннее воспитание детей: интеллектуальное, физической, нравственное и эстетическое.

В малонаселенных труднодоступных горных национальных районах организуются государственные дошкольные группы (как правило, 1–2 года дошкольной подготовки).

Начальное образование

Начальное образование в труднодоступных национальных районах реализуется в пунктах обучения. Примером такого пункта является Национальный пункт обучения уезда Туньчан провинции Хайнань². В 2011 г. Китай облетела история о том, что в этом пункте на протяжении 18 лет обучение ведется одним человеком — Ли Сюсюном. Ли — уроженец уезда Туньчан, окончил старшую ступень средней школы, планировал поступать в университет, однако из-за материальных трудностей в семье отказался от этой идеи. В 1993 г., когда ему исполнилось 32 года, он решил стать учителем в труднодоступном горном селении Маошину, поскольку местный учитель вышел на пенсию и дети не могли обучаться в школе. Дети в этом населенном пункте говорили на языке мяо, который Ли не понимал. Однако постепенно учитель и дети нашли взаимопонимание, общаясь на языке мяо и китайском. В настоящее время в этом пункте обучения дети учатся с первого по третий класс, их возраст от 6 до 10 лет, изучаемые предметы — китайский язык, математика, музыка, физкультура, изобразительное искусство. Начиная с четвертого класса, дети уже могут посещать уездную национальную начальную школу и проживать при ней. Организационная форма пункта обучения — объединенные группы: в одном классе на одном занятии одновременно учатся дети из трех классов (около 20 человек).

Начальное образование также можно получить в начальных школах. Национальная начальная школа Хэйгутай³ расположена в городе центрального подчинения Пекин (район Фаншань, село Лян, поселение Хэйгутай). Она основана в 1994 г. и является одной из 37 национальных школ Пекина. В школе 7 учебных групп и 2 группы детского са-

да. Всего обучается 132 школьника (с 1 по 6 класс) и 49 детей дошкольного возраста. Дети национальных меньшинств в основном представлены национальностями хуэй и мань из поселений Хэйгутай, Фучжуан, Лу, Сяоин, ряда других и составляют 1/5 от общего количества обучающихся. При школе осуществляется проживание в общежитии. Школа является государственной, обучение ведется в соответствии с государственными образовательными стандартами.

На уровне начального образования осуществляется и коррекционное обучение. Национальная специальная (коррекционная) начальная школа уезда Фэнхуан⁴ расположена в Сянси-Туцзя-Мяоском автономном округе провинции Хунань. Это государственная школа, основана в 1988 г. Реализует специальное (коррекционное) обучение детей-инвалидов: слепых, глухонемых и умственно отсталых. В школе работают 3 педагога, которые занимаются обучением 55 учеников из районов проживания национальных меньшинств туцзя и мяо. Обучение проводится с 1 по 6 класс, дети проживают при школе. Основная форма — группы инклюзивного образования, целью которых является включение детей-инвалидов в общение с обычными детьми, сочетание общего и специального коррекционного обучения. Дети обеспечиваются бесплатными учебниками, освобождаются от уплаты средств, предназначенных на покрытие административных расходов школы.

Среднее образование

Общее базовое среднее образование предоставляется общеобразовательной средней школой (первой и старшей ступеней). Например, Национальная средняя школа г. Тяньцзинь⁵ — государственная школа, включает 56 классов, из них 36 — первая ступень, 20 — старшая ступень. В школе обучается около 2400 учащихся, учебный процесс обеспечивается 160 преподавателями. По национальному составу школа является многонациональной. На сайте школы представлена информация о 34 национальностях Китая. На восьмиугольном гербе школы расположены 7 звезд, что символизирует единство 56 национальностей Китая. Для проживания учащихся есть общежитие. Обучение осуществляется на основе единых государственных стандартов.

Отдельно может быть организована также национальная общеобразовательная средняя школа старшей ступени. Примером такой школы служит Национальная школа старшей ступени Гуанси-Чжуанского автономного района⁶, расположенная в г. Наньнин, в которой преимущественно обучаются и проживают дети национальности чжуан.

Национальное общее базовое среднее образование также включает в себя и национальные специальные (коррекционные) средние школы. В качестве примера может быть рассмотрена Национальная школа специального обучения Сянси-Туцзя-Мяоского автономного округа⁷, расположенная в провинции Хунань. Эта государственная школа осуществляет обучение глухих и умственно отсталых детей-инвалидов, реализует обязательное девятилетнее образование, форма обучения — очная с проживанием в общежитии. Школа основана в 1992 г., в ней по количеству 11 классов, в которых обучается 176 человек: в основном дети национальностей туцзя и мяо. Кроме общеобразовательных предметов есть уроки прикладного искусства: вышивки, каллиграфии, изобразительного искусства, национальных народных художественных промыслов, парикмахерского дела.

Национальное профессиональное образование

Что касается профессиональной подготовки, то она, как правило, начинается осуществляться на уровне средней школы и реализуется в профессиональных средних школах, средних специальных учебных заведениях и технических (ремесленных) училищах. Как правило, это государственные образовательные учреждения профессионального образования, которые реализуют очную форму обучения с проживанием при школе.

Национальная профессиональная средняя школа включает первую и старшую ступени. Такова, например, Национальная профессиональная средняя школа г. Чунцин⁸, расположенная в районе Дадукоу. Это государственная средняя профессиональная школа очной формы обучения. Она основана в 2001 г. В 34 классах обучается 1351 человек (первая ступень — 17 классов, 700 человек; старшая профессиональная ступень — 15 классов, 651 человек). Обучение ведется по таким специальностям, как механическая обработка, универсальная (неспециализированная) старшая ступень средней школы, садово-парковое искусство, использование счетно-вычислительных машин и еще по 17 специальностям. В отношении национальных меньшинств действует льготный режим освобождения от уплаты школьных расходов, кроме того, их представителям ежемесячно выплачивают по 60 юаней пособия, а также предоставляют другие льготы. Школа является многонациональной. Из национальных меньшинств в основном обучаются туцзя и мяо, а также хуэй, монголы, мань, и, дун, тибетцы, буи, чжуан, бай, гэлао, дай, хани, наси и др.

Национальная профессиональная средняя школа может быть организована и только на первой ступени. В качестве примера такой школы может выступать Национальная профессиональная средняя школа первой ступени городского округа Фуян⁹, расположенная в провинции Аньхой. В ней в основном обучаются представители национальности хуэй, а также мань, чжуан и мяо.

Отдельно может быть организована и национальная профессиональная средняя школа старшей ступени. Такова, например, Национальная профессиональная средняя школа старшей ступени г. Пекин¹⁰. Школа основана в 1988 г. В ней ведется обучение по следующим специальностям: кулинария, международная торговля, деловой японский (арабский / корейский / немецкий) язык и др. В школе обучается более 1000 человек, среди них хуэй, мань, чжуан, монголы, корейцы, казахи, сибо и другие национальные меньшинства.

Национальные средние специальные учебные заведения — это учреждения среднего профессионального образования. Примером такого образовательного учреждения является Национальное среднее специальное училище провинции Юньнань¹¹. Училище основано в 1979 г., в нем обучается 2500 учащихся разных национальностей по таким специальностям, как маркетинг, управление хозяйственной деятельностью, использование ЭВМ, техническое обслуживание, управление экономикой в сельском хозяйстве и др. (всего более 30 специальностей). Училище является базой подготовки технических специалистов для районов проживания национальных меньшинств и приграничных районов, а также базой подготовки национальных кадровых работников.

Разновидностями средних специальных учебных заведений являются техникумы и средние педагогические училища. Примером первой разновидности может служить Национальный профессиональный техникум г. Тяньцзинь¹². Техникум основан в 1996 г., в нем на очной форме обучается более 1600 учащихся 12 национальностей из двадцати с лишним провинций по специальностям: международная коммерческая деятельность, электронная торговля, деловые иностранные языки, экспертиза и обработка драгоценных камней, защита и мониторинг окружающей среды, логистика и складское хозяйство, использование ЭВМ, электронные и информационные технологии, использование и ремонт цифрового электронного оборудования, управление недвижимостью (домоуправление), курсы профессионально-технического образования для закончивших старшую ступень средней школы.

В качестве примера национального педагогического училища можно рассмотреть Национальное педагогическое училище Чжэньнин¹³, расположенное в г. Аньшунь провинции Гуйчжоу. Чжэньнин — автономный уезд проживания национальностей буи и мяо. Училище основано в 1976 г., в настоящее время преобразовано в Национальный техникум г. Аньшунь. Сейчас в нем осуществляется обучение по трем группам специальностей: дошкольное образование, туризм, использование ЭВМ.

Технические (ремесленные) училища так же, как профессиональные средние школы и средние специальные учебные заведения, приравниваются к уровню старшей ступени средней школы. Примером национального учебного заведения данного типа может служить Национальное техническое училище аймака Шилин-Гол автономного района Внутренняя Монголия¹⁴, расположенное в г. Силиньхаотэ. Училище основано в 1980 г., это база подготовки национальных кадров аймака, в нем готовят квалифицированных рабочих (техников, технологов) для различных отраслей производства и видов предприятий. Обучение осуществляется на монгольском и китайском языках.

Национальное общее высшее образование

Общее высшее образование можно получить в университетах и институтах, где осуществляется подготовка бакалавров, в профессиональных и профессионально-технических колледжах, готовящих специалистов¹⁵, в филиалах университетов и группах высшего специального образования по подготовке специалистов в университетах (как национальных, так и расположенных в национальных районах). Послевузовское образование представлено подготовкой магистров и докторов в университетах. Студенты национальных меньшинств проживают в общежитиях при учебных заведениях.

Примерами национальных вузов являются университеты национальностей. Центральный университет национальностей¹⁶ расположен в г. Пекин. Включает 23 университета, осуществляет подготовку по 64 направлениям бакалавриата 10 отраслей науки, а также реализует подготовку магистров и докторантов. Имеет советы, наделенные правом присвоения магистерской степени по 25 укрупненным группам специальностей и советы по присвоению докторской степени по 5 укрупненным группам специальностей. Обучаются учащиеся из 31 административной единицы (городов, провинций, автономных районов, Тайваня, Гонконга и Аомэня). Это государственный университет, студентов очной формы обучения в нем насчитывается 16 049 человек, доля обучающихся на бакалавриате национальных меньшинств составляет 53,39% (включая 183 человека подготовительного отделения для национальных меньшинств).

В качестве примера вуза национального района рассмотрим Университет Внутренней Монголии¹⁷. Обратим внимание на то, что в названии Университета нет слова «национальный», он является «образовательным учреждением национального района». Университет расположен в г. Хух-Хото (АРВМ), образован в 1988 г., находится в ведении Народного правительства АРВМ. Это первый универсальный (неспециализированный)¹⁸ университет, образованный в национальном районе после образования КНР. Осуществляет вузовскую и послевузовскую подготовку по всем отраслям науки (философия, экономика, право, филология, история, естественные науки, технология, агрономия, управление, искусствоведение). В университете обучается 34 193 человека, среди них 1/3 — представители национальных меньшинств: монголы, дауры, эвенки, орохоны и др. Монголоведение и наука о жизни монголов, преподаваемые в университете, воплощают национальные и региональные особенности вуза.

К высшим специальным учебным заведениям — профессиональным колледжам относится, например, Национальный медицинский высший профессиональный колледж Цяньнань-Буи-Мясоского автономного округа¹⁹. Колледж основан в 1985 г., реализует очную форму обучения. Колледж включает медицинский факультет, факультет сестринского дела, фармацевтический факультет, факультет медицинских технологий.

Профессионально-технические колледжи ориентированы на подготовку специалистов технических специальностей. Национальный профессионально-технический колледж Цяньсинань-Буи-Мясоского автономного округа²⁰ расположен в городском уезде Синьи провинции Гуйчжоу. Относится к универсальным (неспециализированным) профессионально-техническим колледжам. Имеет в своем составе медицинский факультет,

факультеты гидроэлектроэнергетики, промышленной инженерии, торговли, сельскохозяйственной инженерии. Осуществляет подготовку по 20 специальностям высшего и 30 специальностям среднего профессионального образования. Форма обучения — очная.

В качестве примера национальных филиалов университетов можно рассмотреть Национальный педагогический институт Педагогического университета Цинхуа²¹. В основе подготовки — высшее специальное образование, форма обучения — очная. Учебное заведение ориентировано на подготовку специалистов тибетской национальности, осуществляет подготовку двуязычных учителей точных и естественных наук, владеющих тибетским и китайским языками. В нем есть факультеты тибетского языка, математики, физики, химии, компьютерный факультет, отделение высшего специального образования, подготовительное отделение. Кроме того, филиал осуществляет подготовку по направлениям бакалавриата тибетский язык, математика, физика, химия, компьютерное обучение, научное образование и ряд других на очной форме обучения, а также реализует послевузовское образование.

Группы высшего специального образования осуществляют подготовку специалистов при университетах. Например, группы подготовки национальных меньшинств при университете г. Кайли (столица Цяньдуннань-Мяо-Дунского автономного округа провинции Гуйчжоу). В соответствии с документами партии и правительства Цяньдуннань-Мяо-Дунского автономного округа университет Кайли должен осуществлять набор обучающихся национальных меньшинств из 15 национальных волостей Цяньдуннань-Мяо-Дунского автономного округа, а также абитуриентов национальности буи из поселков Сяньчан и Гудун уезда Мацзян и прописанных в деревнях района абитуриентов национальности мулао. Так, в 2015 г. производился набор на специальность «Филологическое образование» (педагогическая специальность, срок обучения 5 лет на базе начальной ступени средней школы). План набора предусматривал набор 50 человек, уровень — специалист, условия обучения — бесплатное обучение и проживание в общежитии. Планом был установлен набор соответствующей национальности из каждой национальной волости: из Янцяо-Туцзяской национальной волости — 3 человека национальности туцзя, из Дади-Шуйской национальной волости — 3 человека национальности шуй, из Шуньхуа-Яоской национальной волости — 3 человека национальности яо и т.д., всего 50 человек²². Университеты, расположенные не в национальных районах, также набирают группы национальных меньшинств по подготовке специалистов (группы внутренних материковых районов).

Набор национальных меньшинств на уровень послевузовского образования определяется планом. В качестве примера можно рассмотреть Уведомление канцелярии Министерства образования КНР № 5 от 2014 г. о Плате набора национальных меньшинств на ступень послевузовского образования на 2015 год²³. В Уведомлении указано, что количество зачисленных национальных меньшинств в 2015 г. должно составить 5000 человек, из них докторантов 1000 человек, магистрантов 4000 человек. Обозначены регионы набора: 12 административных единиц западной части Китая, провинция Хайнань, Синьцзянский производственно-строительный корпус, провинции Хэбэй, Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, национальные автономные районы и пограничные уезды еще 4 провинций, а также Сянси-Туцзя-Мяоский автономный округ провинции Хунань, городской округ Чжанцзяцзе провинции Хунань и Эньши-Туцзя-Мяоский автономный округ провинции Хубэй. Представители национальности хань из указанных районов должны иметь стаж работы в этих районах более 3 лет, а также работать в них на момент подачи заявления о поступлении. Согласно Уведомлению, набираются преподаватели и административные работники групп внутренних материковых районов из ТАР и СУАР, национальных вузов, опорных пунктов подготовительных курсов для национальных меньшинств вузов, опорных пунктов базовой подготовки магистров национальных меньшинств вузов. Квота 5000 человек распределена между 142 вузами с указанием количества докторантов и количества и региона проживания магистрантов. Например, Пекин-

ский университет в 2015 г., согласно Плану, должен принять 16 докторантов и 35 магистрантов, в том числе: 1 из провинции Хэбэй, 5 — из АРВМ, 2 — из провинции Цзилнь, 2 — из провинции Хубэй, 2 — из провинции Хунань, 3 — из ГЧАР, 1 — из г. Чунцин, 2 — из провинции Сычуань, 4 — из провинции Гуйчжоу, 3 — из провинции Юньнань, 4 — из ТАР, 2 — из провинции Ганьсу, 2 — из провинции Цинхай, 2 — из НХАР, 5 — из СУАР, 2 — из Синьцзянского производственно-строительного корпуса, прочих — 3 человека.

Таким образом, национальное образование осуществляется в национальных образовательных учебных заведениях и учебных заведениях национальных районов всех видов и уровней образования. Обучение национальных меньшинств в основном реализуется государственными учреждениями. Негосударственный частный сегмент в национальном образовании представлен очень незначительно.

С точки зрения языка обучения в национальных учебных заведениях и учебных заведениях национальных районов выделяется 4 модели: 1) изучение национального языка, обучение на национальном языке (как правило, в начальной школе), одновременно с этим изучение китайского языка, обучение на китайском языке (в основном в средней и высшей школе) (монголы, тибетцы, уйгуры, корейцы и др.); 2) изучение китайского языка, обучение на китайском языке, изучение национального языка как отдельного предмета в младшей школе и на этапе дошкольного образования (чжуан, и, а также другие); 3) изучение китайского языка, использование национального языка как вспомогательного языка обучения — для национальных языков, не имеющих письменности, либо языков, в которых письменность не повсеместно используется носителями языка (орочоны и др.); 4) использование только китайского языка (хуэй, мань; кроме того, национальные меньшинства, компактно проживающие среди ханьцев, обычно изучают только китайский язык)²⁴.

Что касается возрастного критерия и содержания учебных планов, то они могут варьироваться с учетом конкретных условий отдельных национальностей и национальных районов²⁵.

Несмотря на существующие достижения в сфере образования национальных меньшинств, эта составляющая общей системы образования страны все же имеет множество проблем. Так, проведенный анализ исследований в этой области²⁶ позволил заключить, что современная система национального образования Китая характеризуется следующими особенностями:

- неравномерное развитие национального образования в национальных районах;
- небольшое количество учебных заведений в национальных районах;
- отсутствие единых подходов в управлении образовательными учреждениями, осуществляющими национальное образование;
- различие в формах управления учебными заведениями, образовательных моделях, в перечне изучаемых дисциплин и языке обучения;
- недостаточное количество дошкольных образовательных учреждений в национальных районах;
- низкий коэффициент поступления в начальную школу в национальных районах;
- недостаток кадрового потенциала в учебных заведениях, осуществляющих подготовку национальных меньшинств;
- недостаток финансирования образовательных учреждений, экономическая отсталость национальных районов, большой процент неграмотного населения, влияние традиционных и религиозных факторов и др.

В свете вышесказанного очевидно, что основная проблема национального образования заключается в отставании уровня его развития от средних показателей по стране.

Если рассматривать меры государственного регулирования национального образования в Китае, то можно отметить, что нормативно-правовая база в этой области значительно отстает от потребностей развития образования национальных меньшинств.

В Законе об образовании (1995 г.) и в Законе об обязательном образовании (1986 г.) нет упоминания о национальном образовании. Закон о национальном образовании отсутствует. В Программе среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования в стране на 2010–2020 гг. национальному образованию посвящена глава 9, включающая два пункта: «уделять серьезное внимание и поддерживать национальное образование», «всесторонне повышать уровень развития национального образования и образования в национальных районах»²⁷.

Единственным документом, регулирующим развитие национального образования, является Постановление Госсовета КНР об ускорении развития национального образования²⁸ от 11 августа 2015 г. В Постановлении обозначены следующие цели развития национального образования.

К 2020 г. уровень развития образования в национальных районах и его основные показатели должны приблизиться или достичь среднего уровня по всей стране, необходимо постепенно осуществить выравнивание предоставления основных общественных образовательных услуг²⁹. Коэффициент получающих дву- и трехлетнее дошкольное образование должен составить 80% и 70% соответственно. Необходимо стандартизировать условия управления обязательным образованием. Коэффициент прочности³⁰ девятилетнего обязательного образования необходимо довести до 95%. ликвидировать такое явление, когда ученики бросают учебу, реализовать сбалансированное развитие национально-го образования на территории уездов. Необходимо всесторонне популяризировать обучение в средней школе высшей ступени. Количество обучающихся в общеобразовательной средней школе старшей ступени и в профессиональной средней школе старшей ступени должно быть примерно равным. Необходимо осуществлять бесплатное среднее профессиональное образование. Необходимо увеличить возможность поступления в высшие учебные заведения, повысить коэффициент зачисления³¹, оптимизировать структуру специальностей высшего образования, усилить возможности подготовки кадров, обладающих практическими, комплексными и техническими навыками. Этап дошкольного образования в районах со слабой базой преподавания государственного общеупотребительного языка и письменности в основном должен быть представлен двухлетним двуязычным образованием. Этап девятилетнего обязательного образования должен быть полностью двуязычным. Средние сроки получения образования прирастающей рабочей силой³², должны приблизиться к среднему уровню по стране или достичь его, средний срок получения образования основным населением трудоспособного возраста³³ должен быть значительно увеличен, ежегодный коэффициент рабочих и служащих, получающих непрерывное образование, должен достичь 50%. Необходимо повысить качество образования всех видов и уровней, повысить способность людей служить делу всестороннего построения общества среднего достатка в национальных районах.

Для достижения обозначенных целей правительством КНР определены следующие меры повышения качества управления учебными заведениями, осуществляющими обучение национальных меньшинств.

1. Ускорить распространение дошкольного образования. Необходимо научно планировать и рационально распределять структуру дошкольных образовательных учреждений в национальных районах страны, поддерживать создание в селах двух видов детских садов: государственных и инклюзивных частных. Поставлена также задача строить, расширять и реконструировать детские сады, которые будут отвечать всем требованиям безопасности, изыскивать необходимые образовательные ресурсы, улучшать условия воспитания и обучения для того, чтобы удовлетворить потребность детей соответствующего возраста в детских садах. Нужно стандартизировать методы управления детскими садами, усилить управление безопасностью, воспитанием и обучением, осуществлять рациональное распределение педагогов по детским садам. Необходимо уделить серьез-

ное внимание поддержке национальных районов по реализации планов трехлетнего дошкольного образования.

2. Сбалансировать развитие обязательного образования. Планы развития обязательного образования и распределение его ресурсов должны активно удовлетворять требованиям помощи бедным и экологическим мигрантам, а также требованиям все нарастающей урбанизации. Необходимо ускорить стандартизацию учебных заведений обязательного образования в национальных районах, комплексно улучшать условия управления отсталыми образовательными учреждениями обязательного образования в бедных районах, сокращать разрыв между учебными заведениями городов и деревень и между учебными заведениями. Сохранять начальные школы и пункты обучения в деревнях и управлять ими с учетом местных условий. Повысить качество образования, реализовать план развития по улучшению качества преподавания точных и естественных наук в младших и средних школах национальных районов, углубить реформу учебных программ и образовательную реформу. Ввести в государственные учебные программы региональные дисциплины, а также учебные дисциплины, отражающие национальные особенности. В соответствии с законом гарантировать детям переселенцев из сел, а также детям других переселенцев, прибывающих в города на работу, равные права в получении обязательного образования. Разрешить вопрос переполненных групп и школ. На основе закона исполнять обязанности по контролю за отказом от обучения и по гарантии обучения, понизить процент учащихся, бросающих учебу. Учредить механизмы заботы об оставленных детях. Гарантировать поступление в школу девочек-подростков.

3. Повысить качество преподавания в общеобразовательной средней школе старшей ступени. Продолжать поддерживать учреждение общеобразовательных средних школ старшей ступени в национальных районах с отсталой образовательной базой, увеличивать качество образовательных ресурсов общеобразовательной средней школы старшей ступени, укомплектовать ее литературой, лабораторным и обучающим оборудованием в соответствии с государственными стандартами. Всесторонне углублять реформу учебных программ, внедрять государственные учебные программы, увеличить количество факультативных предметов, развивать систему дисциплин по выбору. Усилить формирование базовых знаний и навыков, улучшить обучение точным и естественным наукам, увеличить количество лабораторных занятий, развивать исследовательское обучение, расширять привлечение к общественным работам и общественную практику, поощрять всестороннее индивидуальное развитие учащихся. Полномасштабно реализовывать в средней школе старшей ступени национальных районов школьный квалификационный экзамен и комплексную оценку его качества. Способствовать разностороннему индивидуальному развитию детей в средней школе старшей ступени. Поощрять организацию универсальной (неспециализированной) общеобразовательной средней школы старшей ступени.

4. Ускорить развитие среднего профессионального образования. В целях удовлетворения потребностей подготовки кадров для создания инновационных предприятий и подготовки кадров для профессий земледельцев и животноводов нового типа необходимо рационально распределять средние профессиональные учебные заведения в районах проживания национальных меньшинств, гарантировать и улучшать основные условия управления учебными заведениями. Укреплять сотрудничество школ и предприятий, содействовать интеграции образования и производства. Выбирать и поддерживать специальности, направленные на развитие традиционной национальной культуры, современного сельского хозяйства и животноводства, а также другие специальности, имеющие преимущество и характерные для национальных районов. Приглашать по совместительству на должности учителей мастеров национальных искусств, народных умельцев, которые передавали бы культурное наследие из поколения в поколение. Осуществить реформу набора учащихся и реформу модели их подготовки. Увеличить масштабы набора учащихся в профессиональные учебные заведения в Центральных и Восточных районах страны с акцен-

том на национальные районы. Повысить процент выпускников средних профессиональных учебных заведений национальных районов, поступающих в высшие профессиональные учебные заведения. Для выпускников средней школы первой и старшей ступеней, не трудоустроившихся после ее окончания, осуществлять полную профессионально-техническую подготовку. Поощрять высококачественные профессиональные образовательные ресурсы во внутренних материковых районах страны, а также предприятия, открывающие техникумы в национальных районах, реализовать льготную налоговую и др. политику.

5. Улучшить размещение и структуру высшего образования. Необходимо разрабатывать и осуществлять планы по созданию высших учебных заведений в национальных районах, а также планы упорядочения специальностей в национальных учебных заведениях и вузах национальных районов. Открывать высшие профессиональные учебные заведения, преимущественно отвечающие реальным требованиям развития экономики и промышленности. Активно поддерживать национальные районы, учреждающие учебные заведения прикладного бакалавриата технологического профиля. Осуществить перепрофилирование ряда общих вузов национальных районов и ряда национальных учебных заведений, осуществляющих подготовку бакалавров в вузы прикладных технологий. Основываясь на статистике занятости, регулировать структуру специальностей в национальных учебных заведениях и в высших учебных заведениях национальных районов, увеличивая пропорцию таких отраслей науки, как технология, агрономия, медицина, управление и др. Должным образом поддерживать педагогические специальности, повышать уровень специфических национальных специальностей. Учреждение магистерских и докторских степеней, план набора в магистратуру, базы гуманитарно-социальных научных исследований вузов, специальные фонды, направляемые из центрального бюджета на поддержку развития местных вузов, должны гарантированно соответствовать программам, условиям управления и качеству образования в национальных вузах и вузах национальных районов. Необходимо должным образом управлять национальными учебными заведениями.

6. Активно развивать непрерывное образование. Необходимо укреплять руководство общинным образованием (образованием в рамках общины) в городах и деревнях национальных районов. Создание структуры общинного образования городов и деревень и его интернетизация должны осуществляться с преимущественным учетом интересов национальных районов. Важно поддерживать национальные районы в строительстве спутникового интернета, компьютерных сетей, которые станут носителями для платформы удаленного открытого образования и предоставления услуг. Укреплять создание специальностей, учебных материалов и дисциплин, имеющих отношение к сельскому хозяйству, развивать непрерывное образование как с присвоением квалификации, так и без нее (подготовительные курсы, курсы усовершенствования, курсы повышения квалификации, тренинги и др.). Поддерживать модернизацию университетов радиовещания и телевидения в национальных районах. Поощрять города и провинции Центрального и Восточного Китая и вузы, находящиеся в прямом подчинении Министерства образования, в предоставлении высококачественных ресурсов открытому непрерывному образованию в национальных районах. Укреплять непрерывное образование земледельцев и животноводов. Продолжать развивать работу по ликвидации безграмотности.

7. Обратить особое внимание на поддержку специального (коррекционного) образования. В районах, городах, областях и аймаках национальных районов, а также в уездах, городах, районах и хошунах с населением, превышающим 300 тыс. человек, в которых проживает большое количество детей-инвалидов, учредить по одной специальной школе, обеспечить ее педагогами специального (коррекционного) обучения и качественным вспомогательным оборудованием. Стимулировать и поддерживать общеобразовательные школы в создании условий для обучения детей-инвалидов. Повысить качество образования в инклюзивных и специальных группах. Развивать профессиональное обучение инвалидов и их обучение государственному общепринятому языку путунхуа. При-

давать особое значение повышению жизненных способностей учащихся-инвалидов и расширению возможностей их трудоустройства.

Названные меры направлены на выравнивание уровня развития национального образования, особенно осуществляемого в образовательных учреждениях слаборазвитых приграничных национальных районов. Развитие национального образования будет способствовать большей интеграции национальных меньшинств в жизнь страны и общества, воспитанию национальной интеллигенции, с помощью которой можно проводить партийную линию и курс, распространять научно-технические знания, передавать по наследству национальную культуру и таким образом поддерживать стабильность приграничных территорий и сохранять национальное единство.

1. Чунвэньцю хуэйминь ю'эрюань: [Детский сад Чунвэнь для детей национальности хуэй]. URL: <http://ping.ci123.com/firms-index/147> (дата обращения: 21.12.2016).
2. Ли Сюсюн: Ли цунь мяо чжай дэ «хайцзы ван» цзяньшоу миньцзу цзяосюэдянь ши ба нянь: [Ли Сюсюн: учитель начальных классов в деревнях проживания ли и мяо поддерживает пункт обучения в течении 18 лет]. URL: http://news.xinhuanet.com/local/2011-09/09/c_122009424.htm (дата обращения: 21.12.2016).
3. Бэйцзин ши Фаншань цюй Лянсян чжэнь Хэйгутай миньцзу сяосюэ: [Национальная начальная школа Хэйгутай села Лян района Фаншань г. Пекин]. URL: <http://baike.baidu.com/view/8289636.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
4. Фэнхуан сянь миньцзу тэшу цзяоюй сюэсяо: [Национальная специальная (коррекционная) начальная школа уезда Фэнхуан]. URL: <http://baike.baidu.com/view/13472713.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
5. Тяньцзинь ши миньцзу чжунсюэ: [Национальная средняя школа г. Тяньцзинь]. URL: <http://www.mzms.net/list.asp?classid=1> (дата обращения: 21.12.2016).
6. Гуанси миньцзу гаочжун: [Национальная школа старшей ступени Гуанси-Чжуанского автономного района]. URL: <http://www.gxmzgz.com/> (дата обращения: 21.12.2016).
7. Сянси туэяцзу мяоцзу цзычжичжоу миньцзу тэшу цзяоюй сюэсяо: [Национальная школа специального обучения Сянси-Туэця-Мяоского автономного округа]. URL: <http://www.tj.xxedu.cn/> (дата обращения: 21.12.2016).
8. Чунцин ши миньцзу чжи'е чжунсюэ: [Национальная профессиональная средняя школа г. Чунцин]. URL: <http://baike.baidu.com/view/9829018.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
9. Фуян миньцзу чжи'е чуди чжунсюэ: [Национальная профессиональная средняя школа первой ступени городского округа Фуян]. URL: <http://www.fymzxx.com/> (дата обращения: 21.12.2016).
10. Бэйцзин ши миньцзу чжи'е гаочжун: [Национальная профессиональная средняя школа старшей ступени г. Пекин]. URL: <http://www.bjfa.gov.cn/video/dwcdgdw/3701.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
11. Юньнань шэн миньцзу чжундэн чжуань'е сюэсяо: [Национальное среднее специальное училище провинции Юньнань]. URL: <http://www.ynmzxx.com/> (дата обращения: 21.12.2016).
12. Тяньцзинь миньцзу чжундэн чжи'е цизишу сюэсяо: [Национальный профессиональный техникум г. Тяньцзинь]. URL: <http://baike.baidu.com/view/1849866.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
13. Аньшунь миньцзу шифань сюэсяо: [Национальный техникум г. Аньшунь]. URL: <http://baike.baidu.com/view/3475713.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
14. Нэймэнгу цзычжицю сылиньголэ мэн миньцзу цзигун сюэсяо: [Национальное техническое училище аймака Шилин-Гол Автономного района Внутренняя Монголия]. URL: <http://www.guyile.com/school.aspx?id=149291> (дата обращения: 21.12.2016).
15. Специалисты готовятся в высшем специальном учебном заведении, срок подготовки 2 или 3 года, по окончании вуза не присваивается ученая степень (в отличие от обучения на ученые степени бакалавра, магистра или доктора), выдается только диплом специалиста.
16. Чжунян миньцзу дасюэ: [Центральный университет национальностей]. URL: <http://www.cun.edu.cn> (дата обращения: 21.12.2016).
17. Нэймэнгу дасюэ: [Университет Внутренней Монголии]. URL: <http://baike.baidu.com/view/25317.htm> (дата обращения: 21.12.2016).

18. Аналог классического университета в России (в противопоставление техническому и профильному типам).
19. Цяньнань миньцзу исюэ гаодэн чжуанькэ сюэсяо: [Цяньнаньский национальный медицинский высший профессиональный колледж]. URL: <http://www.qnmc.cn/> (дата обращения: 21.12.2016).
20. Цзяньсинань миньцзу чжие цзишу сюэюань: [Национальный профессионально-технический колледж Цяньсинань-Буи-Мяоского автономного округа]. URL: <http://qxhzzy.net/> (дата обращения: 21.12.2016).
21. Цинхай шифань дасюэ миньцзу шифань сюэсяо: [Национальный педагогический институт Педагогического университета Цинхуа]. URL: <http://www.qhnu.edu.cn/jigoushezhi/jiaoxuejiaofujigou/> (дата обращения: 21.12.2016).
22. Кайли сюэюань 2015 нянь у нянь чжи миньцзу дачжуань бань чжаошэн цзяньчжан: [Краткие правила набора студентов в национальные группы высшего специального образования (5 лет) университета Кайли в 2015 г.]. URL: <http://enis.kluniv.edu.cn/info/1149/1455.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
23. Цзяюйбу баньгунтин гуаньюй сяда 2015 нянь шаошу миньцзу гао цэнцы гугань жэньцай янь цюшэн чжаошэн цзихуа дэ тунчжи: [Уведомление канцелярии Министерства образования о плане набора национальных меньшинств для подготовки кадров высшей квалификации в 2015 г.]. URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_763/201409/175651.html (дата обращения: 21.12.2016).
24. Чжунго шаошу миньцзу цзяюй: [Обучение национальных меньшинств в Китае]. URL: <https://goo.gl/dHEslQ> (дата обращения: 21.12.2016).
25. Миньцзу сюэсяо: [Национальные школы]. URL: <http://baike.baidu.com/view/5448740.htm> (дата обращения: 21.12.2016).
26. Цзяюйбу миньцзусы сычжан сянце ди лю цы сюаньго миньцзу цзяюй гунцзо хуэйи: [Начальник национального управления Министерства образования подробно рассказал о 6-й Всекитайской рабочей конференции по национальному образованию]. URL: http://xuan.news.cn/cloudnews/jy/20150828/2531133_c.html (дата обращения: 21.12.2016).
Чжан Шаньсинь, Лю Сюйдуи. Шаошу миньцзу цзяюй гунпин вэньти таньси: [Анализ вопроса справедливости в образовании национальных меньшинств] // Дантай цзяюй юй вэньхуа. 2010. № 1. *Дит Юэя.* Шаошу миньцзу цзяюй пиндэн вэньти цзи чжэнфу дэ цзяюй чжэнцэ сюаньцэ: [Проблема равноправия образования национальных меньшинств и выбор правительством образовательной политики] // Миньцзу цзяюй яньцэю. 2005. № 1.
27. Гоця чжунчанци цзяюй гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганяо (2010–2020 нянь): [Программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования в стране на 2010–2020 гг.]. URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_838/201008/93704.html (дата обращения: 21.12.2016).
28. Гоюань гуаньюй цзякуай фачжань миньцзу цзяюй дэ цзюэдин: [Постановление Госсовета КНР об ускорении развития национального образования]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201508/t20150817_200418.html (дата обращения: 21.12.2016).
29. Основные общественные образовательные услуги суть основные общественные услуги в области образования, которые имеют общественный, социально полезный, базовый и развивающий характер. По большей части предоставляются правительством. Это общественные образовательные услуги, тесно связанные с самыми насущными, непосредственными, реальными интересами народных масс, это основная перспектива и база реализации развития человека на протяжении всей жизни.
30. Коэффициент прочности — новый показатель, появившийся в Китае в 12-й пятилетке, используется во многих областях. Коэффициент прочности девятилетнего обязательного образования — это пропорциональное соотношение количества учащихся, поступивших в школу, и количества выпускников 9-го класса.
31. Процентное соотношение количества зачисленных студентов к количеству абитуриентов, участвующих в поступлении.
32. В Китае — население старше 16 лет, впервые поступившее на рынок рабочей силы.
33. В Китае — трудоспособное население от 20 до 59 лет.

Дискуссионная трибуна

Позиция КНР по проблеме принадлежности южных Курил

© 2017

Фань Сюэсун

Сегодня на фоне всестороннего сотрудничества между Россией и Китаем могут возникнуть сомнения в перспективе российско-китайского взаимодействия, и поводом для таких сомнений в единстве геополитических интересов Москвы и Пекина у российской общественности иногда становится историческая позиция КНР по вопросу южных Курильских островов. Предметом данной статьи является исторический анализ позиции Китайской Народной Республики о принадлежности южных Курил и определение ее влияния на российско-китайское сотрудничество в сфере региональной безопасности.

Ключевые слова: южные Курильские острова, внешняя политика КНР, китайско-российские отношения, китайско-японские отношения, региональная безопасность.

Китай, Россия и Япония представляют три силовых полюса в регионе Северо-Восточной Азии (СВА). После того, как Российская империя расширила свою территорию до Тихого океана, а Япония стала новой державой благодаря Реставрации Мэйдзи во второй половине XIX в., взаимодействие трех стран-соседей на Дальнем Востоке в течение почти полутора столетий оказывает серьезное влияние на политическую ситуацию и исторический процесс в СВА.

Победа антифашистской коалиции во Второй мировой войне более 70 лет назад привела к значительным изменениям международной политической ситуации в АТР. На завершающем этапе войны, в августе 1945 г. в результате боев с Японией Советская армия заняла принадлежавшие ей Курильские острова. С тех пор их южная часть превратилась в спорную территорию в отношениях между двумя странами. В процессе споров о принадлежности южных Курильских островов Китай как третья сила в регионе неоднократно менял свою позицию из-за воздействия внешних и внутренних факторов.

В последнее время, особенно на фоне «новой» холодной войны между Россией и Западом после украинского кризиса, отношения между РФ и КНР достигли нового исторического уровня. В сфере региональной безопасности сотрудничество между двумя державами также развивается весьма динамично: Россия и Китай активно взаимодействуют в тех регионах, где у них имеются общие границы. В Центральной и Северо-Восточ-

ной Азии обе страны имеют общие геополитические интересы и интересы в области безопасности.

Окончательное решение проблемы территориальных споров между Россией и Китаем в первом десятилетии XXI в. фактически устранило поводы для беспокойства за свои тылы в отношениях между Москвой и Пекином. Этот исторический успех гарантировал стабильное взаимодоверие между двумя странами и создал основу для их дальнейшего сотрудничества в сфере региональной безопасности.

Тем не менее на фоне всесторонней кооперации между Россией и Китаем порою возникают сомнения относительно перспектив будущего российско-китайского сотрудничества. Так, российские политики и ученые, помимо общих фраз о «китайской угрозе» российскому Дальнему Востоку, зачастую выражают скептицизм в отношении единства геополитических интересов России и Китая. И аргументом для появления такого рода мыслей иногда является позиция Пекина по вопросам принадлежности южных Курильских островов.

Оценивая угрозу территориальной целостности России со стороны Японии, академик РАН М.Л. Титаренко в своем труде «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы» упоминал о расхождении в позициях Пекина и Москвы по вопросам территориальных проблем России с третьими странами. «Реальную угрозу территориальной целостности России представляют территориальные претензии Японии к нашей стране, приобретающие все более напористый и жесткий характер. Причем Токио встречает растущую поддержку в этом вопросе со стороны США и американских союзников. Даже на некоторых китайских картах Южные Курилы закрашены в цвет японской территории как якобы «оккупированные Россией»¹.

Когда российские представители сомневаются в своих китайских партнерах из-за позиции КНР по южным Курилам, их можно понять. Если Пекин, с одной стороны, сотрудничает с Москвой в геополитической сфере и в то же время признает российские острова «территорией Японии, находящейся под оккупацией России», что соответствует позиции геополитических соперников РФ, возникает вопрос: можно ли относиться к Китаю как к верному и надежному партнеру в решении проблем региональной безопасности? Стоит ли России доверять Китаю в сфере сотрудничества по проблемам региональной безопасности в Центральной и Северо-Восточной Азии?

Южные Курильские острова не были и не являются предметом спора между Россией и Китаем, коренных интересов Пекин там не имеет. У КНР также нет намерений наращивать свое стратегическое влияние в этом регионе. Но это не означает, что споры о принадлежности этих островов, которые находятся далеко от территории Китая, никак не связаны с Поднебесной. Учитывая статус Китая как одного из центров силы в Северо-Восточной Азии, даже символическая поддержка Пекином одной из сторон будет иметь сильное влияние на ситуацию в регионе. Пусть сегодня Пекин воздерживается от выражения четкой позиции по проблеме российско-японских территориальных споров, однако с учетом очевидной прежней позиции КНР, доказательством которой являются упомянутые академиком Титаренко карты, российской стороне будет очень легко усомниться в искренности нынешней китайской позиции по южным Курилам. И такого рода мысли вкупе с иными сомнениями относительно общности геополитических интересов двух стран могут бросить тень на перспективы российско-китайского сотрудничества.

В связи с этим целесообразно более детально ознакомить российскую общественность с позицией КНР по вопросу принадлежности южных Курил, а также удостовериться, действительно ли она негативно влияет на российско-китайское сотрудничество в сфере региональной безопасности.

Изменения в позиции КНР о принадлежности южных Курил

Период «медового месяца» в китайско-советских отношениях (1949–1960)

2 октября 1949 г., на следующий день после образования Китайской Народной Республики, СССР установил дипломатические отношения с новым Китаем, взаимоотношения между двумя державами вступили в новый этап. С тех пор и до 1960 г. продолжался так называемый медовый месяц в советско-китайских отношениях. Сразу после образования КНР ее руководство приняло на вооружение внешнеполитический курс «придерживаться одной стороны», то есть войти в социалистический лагерь, возглавляемый СССР, и во всех вопросах полностью поддерживать его позиции. Поэтому в спорах между «советским старшим братом» и «антикоммунистическим приспешником американского империализма», как именовалась Япония в официальной китайской риторике того периода, позиция Пекина была само собой разумеющейся. К тому же в первые дни существования нового Китая перед его руководством встали многочисленные трудные вопросы внешней и внутренней политики, а принадлежность южных Курильских островов рассматривалась лишь как «маловажный свершившийся факт». Поэтому в период «медового месяца» в отношениях СССР и КНР китайские лидеры не выражали свою позицию по этой проблеме, но можно заметить, что на картах, изданных в 1950-х годах в КНР, южные Курильские острова значились как советская территория².

Первое обозначение позиции китайских лидеров относительно советско-японского территориального спора (1964)

По идеологическим причинам с 1960 г. КПК и КПСС встали на путь противостояния. Отношения между двумя странами становились все более и более напряженными, ситуация на границе тоже ухудшалась. На таком фоне 10 июля 1964 г. во время беседы Мао Цзэдуна с делегацией Социалистической партии Японии один из членов японской делегации пожелал узнать мнение председателя Мао по вопросу Курильских островов. Мао Цзэдун раскритиковал царскую Россию и СССР за их территориальную экспансию, особенно за огромные территориальные потери, которые понес Китай, и в конце высказался о Японии: «...У Советского Союза и без того территория уже слишком большая, более 20 миллионов квадратных километров. Население же составляет лишь 200 миллионов. У вас, японцев, население составляет более 100 миллионов, а площадь территории — лишь 370 тысяч квадратных километров. Более 100 лет назад они отрезали земли к востоку от Байкала, включая и Болн³, и Хайшэньзэй⁴, и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету. Поэтому, что касается ваших Курильских островов, то для нас нет никакой проблемы с тем, чтобы вернуть их вам»⁵.

На следующий день после беседы с Мао японские социалисты прибыли в Гонконг и донесли до СМИ слова китайского лидера, что мгновенно вызвало бурную реакцию в мировом сообществе. В японских газетах появились сообщения о том, что китайский руководитель поддержал японскую позицию по Курилам, а советская сторона резко раскритиковала китайское руководство⁶.

Российский ученый С.Н. Гончаров и китайская исследовательница Ли Даньхуэй считают, что высказывания Мао Цзэдуна были сделаны в момент крайнего обострения советско-китайской полемики, когда Мао чрезвычайно нуждался в союзниках на международной арене. Кроме того, слова Мао были высказаны на фоне тупика в первых пограничных переговорах между китайской и советской сторонами. Он не собирался требовать от СССР возврата огромной территории, а стремился оказать давление на советскую сторону, поставив ее перед суровым выбором: или результативное завершение шедших тогда переговоров о границе, или пугающая перспектива в будущем «получить к оплате» счет на полтора миллиона квадратных километров. Вспомним слова Мао Цзэдуна в бесе-

де с министром обороны Албании Б. Балуку 10 октября 1964 г.: «Это и называется произведением холостых выстрелов, приведением их в напряжение»⁷.

Отсюда следует, что ключевым пунктом и основным смыслом данных слов Мао Цзэдуна являются вопросы китайско-советских отношений, а Курилы для него лишь «приправа» к этому. Но, по иронии судьбы, «холостой выстрел» Мао Цзэдуна по советской стороне стал первым выражением позиции Пекина по вопросу принадлежности южных Курил.

Период китайско-советского конфликта и улучшения китайско-японских отношений (1970–1980)

После 1964 г. напряжение на китайско-советской границе продолжало нарастать. Военный контингент СССР на протяжении 7600 километров китайско-советской границы постоянно увеличивался, советские вооруженные силы приближались к китайско-монгольской границе, а в Монголии была создана ракетная база. Форпост военной угрозы находился всего в нескольких сотнях километров от Пекина⁸. В 1968 г. страны Варшавского договора во главе с СССР ввели свои войска в Чехословакию. Армии социалистических стран оккупировали территорию союзника, что для Китая явилось чрезвычайно опасным примером. Китайцы начали обвинять Москву в «советском социал-империализме». В следующем году произошли конфликты на острове Даманский⁹ и у озера Жаланашколь¹⁰ на китайско-советской границе.

В результате сложившейся ситуации китайцы ощутили серьезную угрозу с севера. По мнению Мао Цзэдуна, «первым врагом Китая и народов всего мира» вместо «американского империализма» стал «советский социал-империализм». А Япония, считал он, стала одним из «косвенных союзников», который имел противоречия с империалистическими сверхдержавами, тем более что с начала 1970-х годов китайско-японские отношения переживали период нормализации. Так южные Курилы стали для Пекина символом борьбы японского народа против «советского гегемонизма». Именно поэтому в 1970-е годы в официальной прессе Пекин часто демонстрировал моральную поддержку японскому народу в его требовании возвращения южных Курил и протестах против «советского гегемонизма»¹¹. С тех пор южные Курильские острова в Китае именуют «четыре северных острова», что аналогично их названию в Японии, а на китайских картах он обозначались как не принадлежащие СССР и Российской Федерации.

Период после окончания «культурной революции» по настоящее время

После окончания «культурной революции» и с началом политики реформ и открытости (конец 1970-х — начало 1980-х годов) китайское правительство отказалось от радикального левого курса в дипломатии и начало проводить независимую миролюбивую внешнюю политику. В частности, после распада СССР и по сей день внешняя политика Пекина является сдержанной и прагматичной. «Сдержанность и прагматизм» стали генеральным курсом китайской дипломатии на протяжении последней четверти века. В течение этого периода Пекин перестал четко высказывать свою официальную позицию по спорным вопросам международной жизни, которая могла бы вызвать недовольство какой-либо из сторон споров, неизменно ограничиваясь шаблонными фразами о прекращении конфликтов и решении вопросов путем мирного диалога. Что касается проблемы южных Курил, то с тех пор Пекин также перестал официально выражать по ней свою позицию, предпочитая воздерживаться от комментариев.

Хотя по инерции и исходя из традиционной политической линии Пекин долгое время стоял на позиции японцев, в последние годы на фоне формирования всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства с Россией и одновременно натянутых отношений с Японией формулировка «оспариваемые Японией и Россией четыре северных острова (называемые Россией южными Курильскими островами)» была изменена на

«оспариваемые Россией и Японией южные Курильские острова (называемые Японией четырьмя северными островами)». И формулировки в китайской прессе все более склоняются в сторону российских.

Важно отметить, что 22 марта 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В.В. Путин подписали в Москве «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». В нем содержится важный пункт: «Стороны будут решительно поддерживать друг друга по вопросам, затрагивающим их ключевые интересы, в том числе обеспечение суверенитета, территориальной целостности и безопасности»¹². Эти слова ясно показывают, что Пекин и Москва будут поддерживать друг друга в территориальных вопросах. К тому же в ходе празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне, войне Сопrotивления китайского народа японским захватчикам¹³ и мировой войне против фашизма¹⁴ китайские и российские государственные СМИ неоднократно заявляли о приверженности лидеров двух стран принципиальной линии совместной защиты Китаем и Россией итогов победы во Второй мировой войне¹⁵. В июле 2015 г. на уфимском саммите лидеры стран ШОС также опубликовали заявление о решительном противодействии попыткам дать искаженные нравственные и правовые оценки итогов Второй мировой войны¹⁶. А принадлежность южных Курильских островов России, очевидно, является одним из таких итогов. Поэтому, хотя согласно традиционному китайскому принципу «золотой середины» и в соответствии со сдержанным дипломатическим курсом, Пекин пока не хочет четко продемонстрировать свою позицию по вопросу принадлежности южных Курил, однако все вышперечисленные аргументы доказывают, что китайское правительство по умолчанию признало законность владения Россией этими островами.

17 января 2015 г. во время визита в Индию министр иностранных дел Японии Фумио Кисида в своем выступлении заявил, что Южный Тибет¹⁷ является индийской территорией¹⁸. Это был первый случай за всю историю китайско-японских отношений, когда японский дипломат выразил четкую позицию по вопросу китайско-индийских территориальных споров.

Речь Кисиды стала выражением стратегии нынешнего премьер-министра Японии Синдзо Абэ по «окружению Китая». Япония желает сковать Китай, а Индия, имеющая противоречия в отношениях с Поднебесной, по мнению Абэ, должна быть членом «ромбовидного кольца окружения» (США — Япония — Австралия — Индия) против Китая. Эксперты считают, что высказывание Кисиды является попыткой привлечь Индию к тому, чтобы две страны усиливали сотрудничество против Китая¹⁹.

Речь министра иностранных дел Японии вызвала протест Пекина. И, возможно, политическая цена, которую японцам придется заплатить, будет еще выше. Так, тайваньский исследователь Линь Цюаньчжун считает, что в качестве ответа японцам на высказывание по поводу Южного Тибета Пекин может изменить свою позицию по южным Курильским островам и даже будет готов в подходящий момент признать эти спорные острова российской территорией²⁰.

22 августа 2015 г. премьер-министр РФ Д.А. Медведев третий раз в качестве официального лица прибыл на южные Курильские острова. Стоит отметить, что в отличие от прошлой формулировки «оспариваемые Японией и Россией четыре северных острова», в этот раз китайские государственные СМИ прямо использовали в заголовке и репортаже термин «южные Курильские острова»²¹. Может быть, это в какой-то степени символизирует изменение позиции Китая. (В сообщении газеты «Жэньминь жибао» о визите президента РФ В.В. Путина в Японию в декабре 2016 г. был использован термин «южные Курилы [называемые Японией четырьмя северными островами]» — Прим. ред.)²².

Ранним утром 19 сентября 2015 г., несмотря на резкие возражения оппозиции и массовые протесты, под давлением кабинета Абэ верхняя палата японского парламента приняла пакет законов о национальной безопасности, разрешающих вооруженным силам участвовать в военных конфликтах за рубежом. По мнению оппозиционных партий и представителей академических кругов, принятие новых законов о национальной безопасности является важным шагом Абэ на пути к отмене «пацифистской» конституции Японии, это символизирует переворот в политике безопасности японского правительства после Второй мировой войны²³. Противники такого правительственного курса отмечают, что Токио постепенно отказывается от пацифизма, который является главным принципом японского государства после Второй мировой войны; новые законы о национальной безопасности — это попытка «узаконивания войны»²⁴. Согласно поправкам, в дальнейшем, даже если территория государства не подверглась нападению, силы самообороны Японии могут принимать участие в военных операциях своих союзников в любом уголке мира.

В последние годы Япония идет все дальше по пути перевооружения, и в сложившейся ситуации ее потенциальные противники не будут бездействовать.

Так, с 2012 г. ежегодно проводятся совместные китайско-российские военные учения «Морское взаимодействие», китайский и российский военно-морские флоты многократно проводили боевые маневры в Желтом, Восточно-Китайском и Японском морях. 20–28 августа 2015 г. в акватории залива Петра Великого и Японского моря состоялись учения «Морское взаимодействие—2015 (II)» — крупнейшие совместные военно-морские маневры в истории китайского и российского флотов, в ходе которых военнослужащие двух стран впервые провели совместное десантирование. Комментаторы считают, что масштаб и действия этих учений уже превысили степень тактических, достигнув оперативного уровня²⁵. Японская сторона выразила по поводу их свою особую озабоченность. А когда китайские и российские военные корабли проходили проливы Цусимский и Лаперуза, японские самолеты-разведчики вели слежение за их ходом. Вашингтон также проявил свое внимание и «беспокойство»²⁶.

Хотя китайская и российская стороны не раз отмечали, что их учения «не направлены против какой-либо третьей страны и никак не связаны с ситуацией в регионе», судя по реакции Японии и США, можно догадаться, о чем они беспокоятся — у Японии существует проблема южных Курильских островов с Россией на севере, а на юге есть конфликт по вопросу принадлежности островов Дяюйдао с Китаем. Пекин и Москва уже объединились, и теперь Япония испытывает давление с двух сторон. Поэтому при возможной эскалации российско-японского конфликта по южным Курилам позиция Китайской Народной Республики довольно очевидна.

Южные Курильские острова на китайских картах

Как отмечалось в начале статьи, М.Л. Титаренко касался в своем труде вопроса китайских карт: «Даже на некоторых китайских картах южные Курилы закрашены в цвет японской территории как якобы «оккупированные Россией». Хочется пояснить, как отмечены южные Курильские острова на картах и атласах, выпускаемых в КНР.

На всех картах, выпускаемых правительством Китайской Народной Республики, южные Курильские острова помечены следующим образом: они закрашены в цвет японской территории и отличаются от цвета российской; знак границы находится между южными Курилами и остальной частью Курил (т.е. между островами Итуруп и Уруп); большинство топонимов всех Курильских островов соответствуют японским названиям²⁷, их названия обозначены так: «о. Кунашир (оккуп. Россией), о. Итуруп (оккуп. Россией), о-ва Хабоман (оккуп. Россией), о. Шикотан (оккуп. Россией)».

Согласно материалам, которыми располагает автор, по крайней мере до сентября 2014 г. Пекин именно так отмечал южные Курильские острова на своих картах и атласах²⁸.

Данная позиция по определению принадлежности южных Курил на китайских картах представляет собой остаточные проявления «политики борьбы против советского гегемонизма» во время китайско-советского раскола. Подписи к четырем островам на картах «оккуп. СССР/Россией» тоже появились в то время. Хотя почти полвека спустя Москва и Пекин снова сблизились, но позиция по южным Курилам на картах не изменилась, поскольку административные карты имеют серьезное политическое значение, а у китайского правительства есть обстоятельные и строгие правила для картирования, и пока правительство официально не заявило о своей новой позиции по южным Курилам и не дало указания менять правила картирования, нынешние китайские картографы продолжают следовать его традиционным правилам, хотя все осознают, что Россия их «товарищ», а Япония — «заклятый враг». Тем более, что карта часто отстает от новейшего положения: например, вопрос китайско-таджикской границы был полностью решен в 2011 г.²⁹, но до сих пор, согласно действующим правилам, на китайских картах эта граница еще показана как неопределенная³⁰.

Поэтому фиксация принадлежности южных Курил на китайских картах скорее является, как говорят китайцы, «вопросом, оставшимся в наследство от истории», и российским коллегам не следует удивляться и возмущаться при виде обозначения на китайских картах «оккупированные Россией четыре японских острова». Тем более, что на российских картах часто отсутствует поддержка китайских партнеров в вопросах Тайваня, Южного Тибета и Аксайчина, Южно-Китайского моря, островов Даоюйдао и т. д., которые более заметны на картах, чем мелкие южные Курилы, и это может сильнее обидеть китайцев.

Однако автор не считает, что без публичного официального заявления китайского правительства южные Курилы всегда будут значиться на китайских картах как «оккупированные Россией». Иногда китайцы тоже «тихо» меняют свои обозначения на карте. Здесь можно привести такой пример: в 1975 г. Сикким вошел в состав Индии и стал одним из ее штатов, и это событие для тогдашнего правительства КНР было аннексией. Китай отказался признать суверенитет Индии над Сиккимом и был единственной страной в мире, которая признала Королевство Сикким в качестве независимого суверенного государства, показывая его таким на своих картах. Но после исторического визита премьер-министра Индии Ваджпай в Китай в 2003 г. Пекин поменял свою жесткую позицию. В качестве стимула к решению китайско-индийских пограничных споров и ответа Индии на ее признание суверенитета Китая над Тибетом Пекин по умолчанию признал суверенитет Индии над Сиккимом и убрал Сикким из списка азиатских государств и регионов на сайте своего МИДа. А через два года Сикким исчез из китайских карт и учебников, и с тех пор число сухопутных соседей КНР в них сократилось с 15 до 14.

Если правила отображения южных Курил на китайских картах изменятся, то в будущем, по мнению автора, будут возможны следующие варианты:

- на базе существующих правил заменить слова «оккупированные Россией» на «оспариваемые Россией и Японией»;
- по примеру Фолклендских островов³¹ закрасить южные Курилы в белый цвет и сопроводить подписью «оспариваются Россией и Японией»;
- закрасить южные Курилы в цвет территории РФ, обозначать знак границы между Кунаширом—Хабомай и японским Хоккайдо (по правилам обозначения у российской стороны) и сопроводить подписью «оспариваются Россией и Японией»;
- обозначать, полностью следуя правилам российской стороны.

В настоящее время трудно определить, как Пекин изменит обозначения южных Курил на своих картах, и о дальнейших изменениях в этом вопросе более точно можно будет судить позже.

* * *

С учетом сказанного выше следует отметить, что, с одной стороны, позиция Китая по проблеме принадлежности южных Курильских островов зависит от состояния китайско-российских и китайско-японских отношений, а с другой стороны, данная проблема сама оказывает воздействие на развитие отношений между тремя странами. Она — барометр изменения дипломатии Китая, китайско-советских/российских и китайско-японских отношений. Когда у Пекина складывались дружелюбные отношения с Москвой и одновременно конфликт с Токио, китайское правительство в большей мере поддерживало позиции своих кремлевских партнеров; если наоборот, то мнение китайских лидеров более склонялось к поддержке Японии. В те времена, когда внешняя политика зависела от идеологии, Пекин демонстрировал всем свою четкую позицию по проблемам, не связанным с собственными национальными интересами Китая; а когда генеральный курс дипломатии КНР стал сдержанным и прагматичным, китайцы начали соблюдать принцип «золотой середины» и воздерживаться от четких высказываний. Изменение позиции КНР по проблеме принадлежности южных Курильских островов является живым примером взаимовлияния стран внутри «треугольных» форматов на геополитическом уровне и может быть полезным для исследования международных отношений.

По мнению автора, позиция КНР в отношении спора о южных Курилах не является и не должна быть существенным поводом для разногласий между Россией и Китаем. А указания на китайских картах по поводу южных Курил, оставшиеся с периода более идеологизированного подхода КНР к вопросам внешней политики, не означают наличия расхождений между Россией и Китаем в регионе и не должны быть поводом для сомнений в единстве их геополитических интересов.

Сотрудничество между Россией и Китаем в сфере региональной безопасности имеет широкие перспективы. Такое взаимодействие выгодно для обеих стран. Историческая трансформация позиции Китая по вопросу принадлежности южных Курил не должна препятствовать развитию российско-китайского сотрудничества.

1. *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. 343 с.
2. Атлас мира (1950-е годы): Северо-восточная часть азиатского региона СССР. Пекин: Изд-во картографии, б.г. URL: <http://www.yupoo.com/photos/sinaweibo678821071/87314488/>; Атлас мира (1950-е годы): Япония. URL: <http://www.yupoo.com/photos/sinaweibo678821071/87314803/>
3. Историческое китайское (маньчжурское) название Хабаровска.
4. Историческое китайское (маньчжурское) название Владивостока. URL: <http://history.huanqiu.com/relation/2014-12/5294777.html>.
6. Там же.
7. *Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй.* О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Россия и АТР. 2004. № 4. С. 46–47.
8. История Китайской Народной Республики / Институт изучения современного Китая. Пекин, 2012. Т. 3. Цит. по: URL: <http://inosmi.ru/world/20121029/201543492.html>.
9. В Китае называется «Инцидент на Чжэнбаодао».
10. В Китае называется «Инцидент у Теректы».
11. См., напр.: Справедливая борьба японского народа за возвращение четырех северных островов // «Жэньминь жибао». 21.06.1974; Осознать сущность советского социал-империализма, решительно требовать возвращения северных территорий // Агентство Синьхуа. 29.12.1975; Четыре северных острова обязательно вернутся к японскому народу // Жэньминь жибао. 17.05.1976.
12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1423>.
13. Официальное название Китайско-японской войны (1937–1945) в Китае.

14. Официальное название Второй мировой войны в Китае.
15. Китай и Россия будут решительно защищать итоги победы в Второй мировой войне // Агентство Синьхуа. 01.09.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/01/c_128186124.htm;
- МИД: РФ и КНР осуждают попытки фальсифицировать итоги Второй мировой // РИА Новости. 16.09.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150916/1255505179.html>.
16. Заявление лидеров: ШОС будет бороться с попытками переписать историю Второй мировой войны. URL: <http://tass.ru/politika/2110075>.
17. Одна из китайско-индийских спорных территорий (находится под контролем Индии, штат Аруначал-Прадеш).
18. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2015-01-18/164331414251.shtml>.
19. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2015-01/5448184.html>.
20. Там же.
21. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-08/22/c_1116339363.htm.
22. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1219/c/002-28960573.html>.
23. Принятие законов о национальной безопасности: большой поворот в области национальной обороны и политики обеспечения безопасности Японии. URL: <http://www.nippon.com/ru/nipponblog/100128/>
24. Там же.
25. URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0825/c1011-27513515.html>.
26. Там же.
27. Японские названия Курильских островов, как и русские, являются транскрипцией слов айнского языка, поэтому их произношение в русском и японском языках почти одинаковые. Но китайцы всегда переводят японские топонимы по составляющим их иероглифам. Таким образом, топонимы Курильских островов в Японии и России пишутся по-разному, а читают одинаково; в Японии и Китае одинаково пишутся, но по-разному читаются. Например, название острова Кунашир в русском и японском (*Kunashiri-tō*) языках произошло от айнского «Kunasiŋ» («Черный остров» или «Травяной остров»), а по-китайски это название читается как «Гохуодао».
28. Атлас мира. Пекин: Изд-во картографии Китая, 2014 (сент.). 2-е изд., испр.; Атлас России. 2-е изд., испр. 2014 (май); Карта России. 2013 (янв.), испр. 2013 (апр).
29. URL: http://www.china.com.cn/international/txt/2012-01/06/content_24341159.htm.
30. Атлас Китая. Пекин: Изд-во картографии Китая, 2014 (янв.), испр. 2015 (янв.); Карта Китайской Народной Республики. 2013 (янв.), испр. 2013 (март).
31. В КНР Фолклендские острова на картах отмечаются белым цветом и обозначаются «Мальвинские острова (называемые Великобританией Фолклендскими островами) (оспариваются Аргентиной и Великобританией)» (англ. Is. Malvinas (Falkland Is. by U.K.) (Claimed by Arg.&U.K.).

История

Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. в японской историографии

© 2017

В.В. Кузьминков

В статье рассматривается проблема толкования в японской историографии Совместной декларации 1956 г., которая положила конец состоянию войны между СССР и Японией. На основе комплексного анализа документов, автор излагает свою точку зрения в отношении исторического значения Совместной декларации и дает оценку аргументации представителей академического сообщества Японии.

Ключевые слова: Совместная декларация, территориальный вопрос, переговоры, мирный договор, СССР, Япония, США, Курильские острова, Южный Сахалин.

19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация СССР и Японии, основным содержанием которой стало прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между двумя странами.

Согласно ст. 9 Совместной декларации стороны согласились на продолжение переговоров о заключении мирного договора. Было также зафиксировано, что Советский Союз, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора»¹.

В отношении этого положения японские историки консервативного направления утверждают, что поскольку советская сторона «в четко выраженной форме согласилась передать Японии два острова — Хабомаи и Шикотан <...> переговоры по территориальному вопросу между Японией и СССР после подписания Совместной декларации стали сосредотачиваться на вопросе о принадлежности островов Кунашир и Итуруп»².

Такое утверждение основывается на субъективной трактовке итогов советско-японских переговоров 1955–1956 гг. по нормализации отношений. Более взвешенной и обоснованной представляется позиция ученых либерального направления, которые считают, ратифицировав Совместную декларацию, Япония фактически признала за Советским Союзом право на владение южной частью острова Сахалин и Курильскими островами. Так, профессор Вада Харуки в своей монографии «Как решать территориальные проблемы: от конфронтации к диалогу» отмечал, что фраза в Совместной декларации

Кузьминков Виктор Вячеславович, Ph.D. по политологии, старший научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: kuzminkov@yahoo.com.

1956 г. о согласии СССР передать Японии два острова означает, что «Япония признала реальностью владение Советским Союзом Курильскими островами и южной частью острова Сахалин, которые СССР оккупировал и заявил о включении в свою территорию»³.

По-своему трактуя обменные письма между А.А. Громыко и Мацумото Сюньити⁴, консерваторы утверждают, что между СССР и Японией была достигнута договоренность о дальнейших переговорах по территориальному вопросу, то есть по вопросу принадлежности островов Кунашир и Итуруп⁵. Профессор Кимура Хироси приводит воспоминания участника советско-японских переговоров, впоследствии заместителя министра иностранных дел Хогэн Синсаку, который утверждал, что «в основу Совместной декларации были положены договоренности о продолжении переговоров по территориальному вопросу, закрепленные в обменных письмах между Громыко и Мацумото»⁶.

Историк Хори Тэцуо приводит воспоминания еще одного участника переговоров, в то время советника посольства, а впоследствии посла Японии в СССР, Ниидзэки Кинъя, который утверждал, что, несмотря на то, что из текста Совместной декларации было исключено выражение «включая территориальный вопрос», осталась фраза о продолжении переговоров о заключении мирного договора, из чего ясно, что обсуждение территориального вопроса должно было возобновиться после установления дипломатических отношений⁷. Следовательно, делает вывод Хори, согласие Советского Союза «продолжить переговоры по мирному договору», а также наличие и обнародование обменных писем Громыко и Мацумото, являются очевидным основанием для продолжения переговоров по территориальному вопросу.

Однако воспоминания японских дипломатов не могут служить подтверждением, что сам факт обменных писем Громыко и Мацумото рассматривался тогдашним руководством МИД Японии как основание для продолжения переговоров, а лишь свидетельствуют о намерениях японской стороны любым способом сохранить возможность для обсуждения принадлежности южных Курил в будущем. Более того, если учесть, что и Хогэн, и Ниидзэки после ухода с дипломатической службы в своих публикациях высказывали откровенно антисоветскую позицию, то вряд ли можно рассматривать их свидетельства как объективный источник информации.

В этой связи привлекает внимание статья профессора Ёкота Кидзабуро под названием «Первым делом восстановление дипломатических отношений», опубликованная в августе 1956 г., за два месяца до подписания Совместной декларации. В ней автор, отмечая «разницу в силе» между СССР и Японией, рекомендовал японскому правительству вначале восстановить дипломатические отношения, а решение территориального вопроса отложить на будущее. В частности, Ёкота писал: «Сейчас для Японии было бы приемлемо получить острова Хамобан и Шикотан, признав суверенитет Советского Союза над островом Сахалин, а проблему принадлежности Курильских островов отложить до будущих переговоров. Однако вряд ли Советский Союз согласится отложить решение проблемы Курильских островов. Поэтому надо добиться того, чтобы (в Совместной декларации — *В.К.*) упоминалось только возвращение островов Хабомаи и Шикотан, а Курильские острова оставить без упоминания»⁸. Иными словами, Ёкота предложил оставить возможность для обсуждения вопроса о принадлежности Курильских островов в будущем. В заключение автор замечал, что «если даже дипломатические отношения будут восстановлены, как будто мы отказались от территорий. Мы знаем, что у нас есть достаточные юридические основания требовать возвращения южной Тисима (Итуруп и Кунашир — *В.К.*) <...> и мы будем прилагать к этому усилия в будущем»⁹.

В августе—сентябре 1956 г. советско-японские переговоры зашли в тупик, и японская сторона предложила подписать не полномасштабный мирный договор, а документ, решающий лишь такие первоочередные задачи как прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений¹⁰.

11 сентября 1956 г. премьер-министр Итиро Хатояма направил Председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину послание, в котором изложил условия нормализации советско-японских отношений: (1) прекращение состояния войны, (2) обмен посольствами, (3) немедленная репатриация оставшихся в СССР японских военнопленных, (4) вступление в силу рыболовной конвенции, (5) поддержка Советским Союзом приема Японии в ООН¹¹. Кроме указанных пяти пунктов, послание содержало условие продолжить переговоры по территориальному вопросу после нормализации двусторонних отношений.

Для подтверждения намерений обсуждать территориальный вопрос после восстановления советско-японских отношений Хатояма послал в Москву своего специального представителя Мацумото Сюнъити. 29 сентября 1956 г. Мацумото и первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко обменялись письмами относительно продолжения переговоров о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией¹². Другими словами, обе стороны подтвердили, что обсуждение территориального вопроса будет продолжено после восстановления дипломатических отношений.

Однако предложение Хатояма восстановить советско-японские отношения, отложив решение территориального вопроса, разделяли далеко не все его однопартийцы и члены правительства. Больше всего противников предложения Хатояма беспокоило, что после восстановления советско-японских отношений СССР уже не станет обсуждать территориальный вопрос¹³.

С целью не допустить такого сценария развития событий 20 сентября 1956 г. на внеочередном общем собрании правящей партии был принят новый курс, определяющий действия по восстановлению отношений с Советским Союзом. Согласно ему, японское правительство должно было добиваться «немедленного возвращения» всех японских военнопленных, островов Хабомаи и Шикотан, а также «продолжения переговоров о возвращении островов Кунашир и Итуруп после заключения мирного договора». В будущем советско-японском мирном договоре должны быть отражены «все договоренности, достигнутые в ходе переговоров в Лондоне и Москве»¹⁴.

Прибывшая в октябре 1956 г. на переговоры в Москву японская делегация во главе с премьер-министром Хатояма, ссылаясь на новый курс партии, в первый же день переговоров поставила вопрос о «скорейшем возвращении островов Хабомаи и Шикотан»¹⁵. Иначе говоря, вместо раннее предложенного проекта из пяти пунктов, исключавшего обсуждение территориального вопроса до нормализации советско-японских отношений, был составлен новый текст итогового соглашения, в котором говорилось о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан.

Поскольку обменные письма Громыко и Мацумото о продолжении переговоров по территориальному вопросу относились не к окончательному тексту Совместной декларации, а к промежуточному японскому проекту из пяти пунктов, предусматривающему нормализацию отношений без упоминания территориального вопроса, они потеряли свою силу в момент внесения японской стороной новых предложений о возвращении островов Хабомаи и Шикотан. Более того, с точки зрения международного права эти обменные письма являются значительно менее обязывающим документом, чем соглашение, ратифицированное высшими законодательными органами СССР и Японии. Поэтому их толкование японской стороной как основы для продолжения переговоров по территориальному вопросу является несостоятельным.

В тексте Совместной декларации было заявлено о готовности СССР после заключения мирного договора передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, ни о каких других территориальных уступках или переговорах речи не шло. Перед подписанием Декларации, по настоянию советской стороны, Япония согласилась исключить из окончательного текста документа упоминание, что в повестку дальнейших переговоров о заключении

мирного договора будет также включено обсуждение территориального вопроса. Это даст веские основания считать территориальный вопрос окончательно решенным.

Примечательно, что некоторые японские историки считают ошибочными и политически мотивированными попытки ряда своих коллег рассматривать обменные письма Громыко и Мацумото как основу для продолжения переговоров о принадлежности островов Итуруп и Кунашир¹⁶. Так, профессор Хасэгава Цуёси характеризует такую тенденциозную трактовку «обменного факта» как «необоснованное толкование (череды событий)»¹⁷.

Похожей позиции придерживается и профессор Университета Ватерлоо (Канада) Хара Кимиэ. Она, в частности, отмечает: «По тексту Декларации было достигнуто согласие, однако требовалась трактовка ее содержания, которая позволила бы уполномоченной японской делегации вернуться в страну, сохранив свое лицо. Для этого были преданы гласности обменные письма Мацумото и Громыко, которые наряду с Совместной декларацией стали объектом дополнительной трактовки»¹⁸. Хара фактически подтверждает, что японская сторона в одностороннем порядке стала трактовать обменные письма Громыко и Мацумото как основу для обсуждения принадлежности островов Итуруп и Кунашир.

Касаясь итогов переговоров о нормализации советско-японских отношений, историки консервативного направления утверждают, что «мирный договор между Японией и Россией не был заключен потому, что не был решен вопрос о принадлежности северных территорий»¹⁹.

На самом деле, подписать мирный договор с Советским Союзом Японии помешали США. Свидетельством тому служит стенограмма записи разговора министра рыбной промышленности СССР А.А. Ишкова с министром земледелия и лесоводства Японии И. Коно на переговорах о восстановлении двусторонних отношений в Москве. На встрече 15 октября 1956 г. Коно прямо заявил, что японская сторона стремится «восстановить дипломатические отношения с СССР без мирного договора», поскольку заключение мирного договора вызовет критику со стороны США и Великобритании²⁰.

Свидетельством открытого и грубого вмешательства со стороны США с целью помешать заключению мирного договора между СССР и Японией на условиях передачи двух островов является так называемая угроза Даллеса. Перед возвращением в Токио, после переговоров в Москве министр иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору принял участие в Лондонской конференции по Суэцкому каналу. 19 августа 1956 г. в посольстве США в Лондоне Сигэмицу встретился с госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом и информировал его о ходе московских переговоров. Чтобы не допустить советско-японского сближения Даллес заявил, что в случае подписания мирного договора с СССР, в котором Япония признает советский суверенитет над островами Кунашир и Итуруп, США получат право полного суверенитета над островами Рюкю и навсегда останутся на Окинаве²¹. 24 августа Даллес вновь беседовал с Сигэмицу и, сославшись на 26-ю статью Сан-Францисского мирного договора, категорически потребовал от японского правительства отказа от урегулирования территориального вопроса с СССР на условиях передачи двух островов, заявив, что условия вышеупомянутой статьи запрещают Японии предоставлять странам, не подписавшим Сан-Францисский мирный договор, «более выгодные условия», чем странам — участницам этого договора²².

Некоторые японские историки считают, что под давлением США Япония отказалась от заключения мирного договора с Советским Союзом и заняла бесперспективную и заведомо проигрышную позицию по проблеме территориального размежевания. Так, Сугимори Кодзи отмечал, что Япония была вынуждена занять «нелогичную позицию о возвращении четырех островов» под давлением США. «В 1955 году, — подчеркивал Сугимори, — стремясь вовлечь Японию в участие в антисоветской блокаде, США вмешались в переговорный процесс между СССР и Японией с целью сохранить фактор напряженно-

сти в советско-японских отношениях и вынудили Японию настаивать на возвращении четырех островов»²³.

Американский фактор сыграл решающую роль в срыве подписания мирного договора между СССР и Японией. Этот факт уже мало кто оспаривает на Западе, хотя целый ряд японских историков пытается игнорировать эту реальность, настаивая на исключительно территориальной причине неспособности сторон заключить договор на переговорах в октябре 1956 г. Тем не менее стороны достигли согласия по вопросу территориального размежевания, что было отражено в окончательном тексте Совместной декларации 1956 г. В частности, Советский Союз согласился передать Японии острова Хабомаи и Шикотан с условием, что фактическая их передача состоится после подписания мирного договора.

Некоторые историки консервативного толка сознательно пытаются навязать читателям мысль о том, что Россия и Япония до сих пор находятся в состоянии войны. В своей книге «Правда о территориальных проблемах, которую должны знать японцы» Мидзума Масанори утверждает, что «поскольку между Японией и Россией еще не заключен мирный договор, согласно международному праву, они по-прежнему находятся в состоянии войны»²⁴.

С подобными утверждениями иногда можно столкнуться на страницах как российской, так и японской прессы. Это в корне неверно, поскольку основным содержанием Совместной декларации стало прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией. С юридической точки зрения, прекращение состояния войны между СССР и Японией означало, что Советский Союз более не оккупирует южную часть Сахалина и все острова Курильской гряды и что Япония признала переход их де-факто под юрисдикцию СССР.

8 декабря 1956 г. Совместная декларация была ратифицирована одновременно Президиумом Верховного Совета СССР и парламентом Японии и вступила в силу 12 декабря 1956 г. после состоявшегося в Токио обмена ратификационными грамотами. Процедура ратификации Совместной декларации, характерная для международных договоров, придавала ей особый правовой статус. В отличие от одностороннего акта о прекращении состояния войны Совместная декларация выразила согласованную волю сторон, и в этом отношении она схожа как с прелиминарным, так и окончательным мирным договором. Декларация содержала соответствующее прелиминарному мирному договору, конкретное положение — предварительное согласие передать Японии острова Шикотан и Хабомаи при условии восстановления добрососедства и дружбы, а также выполнения согласованного обязательства об открытии переговоров между СССР и Японией с целью заключения полномасштабного мирного договора.

Важно отметить, что согласие Советского Союза передать Японии острова Шикотан и Хабомаи отвечало изначальной позиции правительства Японии по восстановлению отношений с Советским Союзом. В ходе переговоров в Москве японская делегация согласилась с тем, что территориальный вопрос между СССР и Японией решен.

В японской историографии не существует единого консолидированного мнения о результатах восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией, зафиксированных в Совместной декларации 1956 г. Ученых можно условно разделить на две группы — консервативную и либеральную. Характерной особенностью работ представителей консервативной историографии являются попытки обоснования позиции официального Токио о необходимости решения «территориального вопроса». В свою очередь историки либерального направления ставят под сомнение официальную позицию Японии о «нерешенности» проблемы территориального размежевания с Россией. Сторонники такой точки зрения исходят из того, что, ратифицировав Совместную декларацию, Япония фактически признала за Советским Союзом право на владение южной частью острова Сахалин и Курильскими островами.

1. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVIII. М., 1960. С. 259.
2. *Кимура Хироси*. Нитиро коккё косёси: рёдо мондай-ни икани торикуму ка: [История японо-российских переговоров по пограничным вопросам — как подходить к территориальной проблеме?]. Токио, 1993. С. 136–137.
3. *Вада Харуки*. Рёдо мондай-о до кайкэцу сурү ка — тайрицу-кара тайва-э: [Как решать территориальные проблемы: от конфронтации к диалогу]. Токио, 2012. С. 149.
4. Подробнее см.: *Кузьминков В.В., Павлятенко В.Н.* Истинный смысл Совместной советско-японской декларации // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 63–78.
5. *Ириэ Кэйси*ро. Сэнрё канрика-но хоппо рёдо: [Северные территории в период оккупации] // Кокусайхо гайко дзасси. 1962. Т. 60 (4–6). С. 149; *Наканамё Масааки*. Сэнкаку, тисима, хоппо ёнто — гэкидо-суру нихон сюэн-но уми: [Сэнкаку, Тисима и четыре северных острова: сильно волнующееся море вокруг Японии]. Токио, 2011. С. 90; *Оокума Рёити*. «Хоппо рёдо мондай»-но сайкосацу: [Еще раз о «проблеме северных территорий»] // Сэйсаку гэппо. 1966. Ноябрь. С. 140; *Сигэмицу Акира*. «Хоппо рёдо» то сорэн гайко: [«Северные территории» и советская дипломатия]. Токио, 1983. С. 113; *Симотамаи Нобүо*. Хоппо рёдо Q&A 80: [Северные территории: 80 вопросов и ответов]. Токио, 2000. С. 58; *Такубо Тадаэ*. Сёгайкоку то нани-о момэтэиру но ка? Хаявакари нихон но рёдо мондай: [О чем мы спорим с другими странами? Простое объяснение территориальных проблем Японии]. Токио, 2007. С. 121; *Тамба Минору*. Хоппо ёнто хэнкан ва доноёни косё субэки ка: [Как надо вести переговоры по возвращению четырех северных островов] // Тюо корон. 2004. Окт. С. 121–122; *Тамарү Хироюсу*. Сирарэдзарү хоппо рёдо хиси — сорэн ва сайсё хоппо ёнто ва акирамэтэнта — ёнто хэнкан-но каги ва амэрика-ни ари: [Тайная история неизвестных северных территорий: изначально СССР отказался от четырех северных островов — ключ к четырем островам находится у Америки]. Токио, 1991. С. 76–77; *Ямагата Тайдзо*. Надзэ хоппо рёдо ка: [Почему северные территории?]. Токио, 1993. С. 158–159.
6. *Кимура Хироси*. Указ. соч. С. 134.
7. *Хори Тэцүо*. Саёнара миансан. Хатояма ниссо косё 50 нэнмэ-но синсо: [Прощайте, господа! Правда о японо-советских переговорах с участием Хатояма через пятьдесят лет]. Токио, 2007. С. 178; *Ниидзэки Кинъя*. Ниссо косё бутайүра — ару гайкокан-но кироку: [Закулисье японо-советских переговоров: записки одного дипломата]. Токио, 1989. С. 98.
8. *Ёкота Кидзабүро*. Кокко кайфуку-о сэнкэцу-ни: [Первым делом восстановление дипломатических отношений] // Кэйдзай дздай. 1956. Авг. С. 28.
9. Там же.
10. *Исимарү Кадзүто*. Сэнго нихонгайкоси II угокидасита нихон гайко: [Послевоенная японская дипломатия. Ч. 2: Японская дипломатия в действии]. Токио, 1983. С. 126.
11. *Мацүмото Сюньити*. Мосукува-ни какэру нидзи — ниссо кокко кайфуку хироку: [Радуга над Москвой: тайная история переговоров о восстановлении японо-советских отношений]. Токио, 1966. С. 122.
12. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией / МИД РФ и МИД Японии. М., 1992. С. 41–43.
13. *Асида Хитоси*. Асида Хитоси никки: [Записки Асида Хитоси]. Токио, 1986. Т. 6. С. 208.
14. Асахи симбун. 1956. 20 сент.
15. Хатояма дзэнкэндан «ниссо сюно кайдан кироку (ногути мэмо)»: [«Протокол японо-советских переговоров на высшем уровне (записки Ногути)» японской делегации во главе с Хатояма] // Дзюю минсю (гэккан). 2005. № 628. С. 51.
16. *Такао Юити*. Кокусайхо-кара мита хоппо рёдо: [Северные территории с точки зрения международного права]. Токио, 1986. С. 37.
17. *Хасэгава Цүёси*. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй: [Проблема северных территорий и японо-российские отношения]. Токио, 2000. С. 71.
18. Цит. по: Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ. М., 2015. С. 894.
19. *Сава Хидэтакэ*. Ко сурэба хоппо рёдо ва торимодосэру: [Если так поступить, то можно вернуть северные территории] // Какусин. 1987. Май. С. 60; *Суэцүгү Итиро*. «Нитиро хэйва дзёяку»-но соки тэйкэцу-о: [К скорейшему заключению «японо-российского мирного договора»] // Дзюю. 1998. Сент. С. 49; *Ниидзэки Кинъя*. Указ. соч. С. 95; Андзэн хосё мондай кэнкюкай хэн. Каварү нитиро канкэй. Росиадзин кара но 88 но сицумон: [Меняющиеся японо-российские отношения.

- 88 вопросов от граждан России / Научно-исследовательский Совет по вопросам национальной безопасности Японии]. Токио, 1999. С. 85.
20. Мосукува ниссо кокко косё — нугути мэмо: [Записки переводчика Ё. Нугути. Переговоры в Москве об установлении дипломатических отношений между Японией и Россией] // Сэйдзи кися обикай хо. 2005. № 90. С. 8.
21. *Танака Такахико*. Ниссо кокко кайфуку но ситэки кэнкю — сэngo ниссо канкэй но китэн: 1945–1956: [Историческое исследование восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией: исходные точки послевоенных японо-российских отношений в 1945–1956 гг.]. Токио, 1993. С. 255.
22. *Грэм Алисон, Хироси Кимура, Константин Саркисов*. От «холодной войны» к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сценарии развития новых отношений между Японией, Россией и Соединенными Штатами. М., 1993. С. 158.
23. *Сугимори Кодзи*. Горубатёфу-но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй: [Глобальная политика Горбачева и японо-советские отношения]. Токио, 1989. С. 235.
24. *Мидзума Масанори*. Има косо нихондзин-га ситтэ оку бэки рёдо мондай-но синдзицу. Кокуэки-о мамору кокка-но татэ: [Правда о территориальных проблемах, которую должны знать японцы. Щит государства, защищающий национальные интересы]. Токио, 2010. С. 55.

Новые книги об основоположнике российского научного китаеведения Иакинфе Бичурине

© 2017

В.С. Григорьев

В статье представлен анализ книги китайского историка Ли Вэйли «Светило российской китаистики — Н.Я. Бичурин», отмечена ее важность и актуальность в рамках современного тренда развития российско-китайских отношений и проекта Нового шелкового пути. Автор также на основе новых документов дает уточненные биографические данные Н.Я. Бичурина (1777–1853): место рождения, сведения об отце и др.

Ключевые слова: Н.Я. Бичурин, российское востоковедение, Новый шелковый путь, российско-китайские отношения, Ли Вэйли.

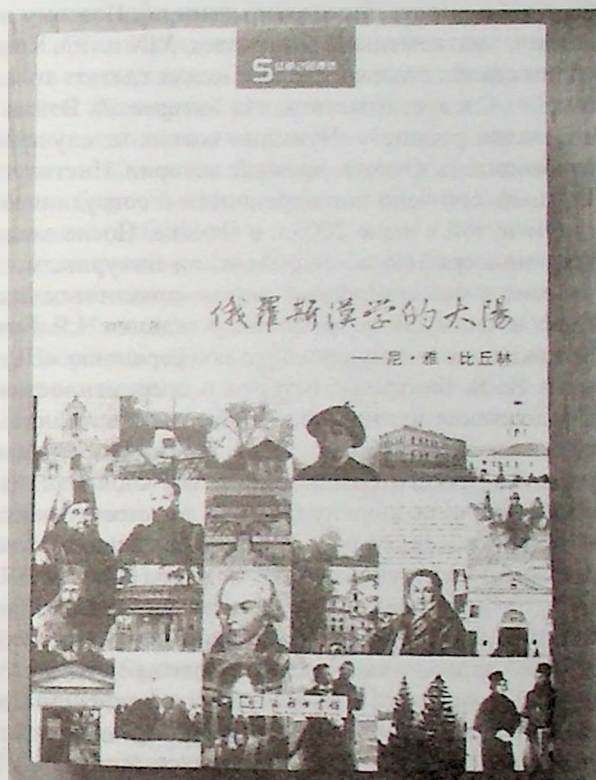
Мировая китаистика пополнилась новым изданием — книгой научного сотрудника Академии общественных наук Китая Ли Вэйли «Светило российской китаистики — Н.Я. Бичурин»¹. Книга является очередным томом популярной в Китае книжной серии «Сокровища мысли Великого чайного пути», которая инициирована и курируется известными китайскими профессорами Юй Тайшанем и Ли Цзиньюсю. Издание книги в такой серии подчеркивает ее исключительную актуальность в рамках современного тренда развития российско-китайских отношений и формирования глобального международного проекта — Новый шелковый путь. Вполне естественно, участники проекта стремятся глубже познать историю и культуру своих зарубежных партнеров и найти традиционные основы модернизации взаимодействия и сотрудничества. Не случайно книга увидела свет в одном из старейших издательских домов Китая — «Издательстве коммерческой прессы», которое начало свой путь еще в 1897 г. в Шанхае, а в 1954 г. переехало в Пекин.

Характеризуя содержание книги Ли Вэйли, китайские ученые подчеркивают важную научно-историческую значимость трудов члена-корреспондента Российской академии наук Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа). Так, профессор Пекинского университета Сюй Ваньминь в отзыве, опубликованном в журнале «Болян цюньшу» (издается при популярной китайской газете «Гуанмин жибао»), пишет: «Бичурин жил в сердце Китая и описал много общественных событий и явлений, которые китайцы сами не заметили или не хотели признавать; без его познаний вряд ли обойдется любое пособие

Григорьев Валерий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета, директор филиала им. Н.Я. Бичурина ИДВ РАН (г. Чебоксары). E-mail: v-gr1771@mail.ru.

по истории Китая»². Заявление рецензента о нежелании официальных институтов Китая не замечать или не признавать информацию об общественных явлениях того времени связано, видимо, с тем, что в период пребывания Бичурин в Поднебесной правила маньчжурская династия, против которой последовательно боролись китайские национал-патриоты (эта тема тоже нашла отражение в публикациях Н.Я. Бичурин³).

В книге Ли Вэйли представлена всесторонняя характеристика жизни и деятельности классика русского востоковедения, основателя российской научной синологии, одного из участников сотворения «золотого века» русской культуры Никиты Яковлевича Бичурин. Высочайшая оценка его научного наследия выражена уже в названии книги: «Светило российской китаистики — Н.Я. Бичурин». Российский ученый сравнивается с галактическим явлением, которое дает всем людям свет, тепло, бесконечные блага жизни. В оценке высокой просветительской миссии и уникального вклада Никиты Яковлевича в мировую науку Ли Вэйли обращается к мифологическому символу доброго начала Ян (дракону, змею): «...творения Бичурин как змей встречают весенний ветер и синее небо, высоко витают под солнцем в русском небосводе». Подчеркивая научную новизну и особенности наследия Бичурин, Ли Вэйли пишет: «Благодаря Иакинфу Бичурину русская синология перешла от

Обложка книги Ли Вэйли «Светило российской китаистики — Н.Я. Бичурин»

этапа простого перевода к этапу полноценного комплексного научного изучения Китая. Бичурин показал историю и современное ему китайское общество во всем его многообразии [...] Хотя Н.Я. Бичурин не оправдал ожиданий русского императора, но заложил основу российской научной синологии, озарил весь путь развития отечественного китаеведения в XIX веке»⁴. Исследования Бичурин, пишут китайские коллеги, опередили работы и выводы европейской синологии, поставили русское китаеведение на путь самостоятельного развития; «в Европе его провозгласили корифеем китаеведения».

В книге Ли Вэйли освещены также многие страницы истории межгосударственных отношений России и Китая.

Она интересна также иллюстрациями об эпизодах жизни Н.Я. Бичурин и местах, связанных с его именем. Ряд фотоиллюстраций предоставлен автору книги филиалом Института Дальнего Востока РАН (Чебоксары) и музеем «Бичурин и современность», действующим на малой родине ученого, в Чебоксарском районе Чувашской Республики. Примечательно, что на обложке книги в числе других размещены фотографии фасада музея «Бичурин и современность» и памятного камня с именем Никиты Яковлевича Бичурин, расположенного в д. Типнеры, где родился первый из чувашей член Российской академии наук.

В целом, книга полностью подтверждает восторженные отзывы о творчестве Н.Я. Бичурина, высказанные выдающимися востоковедами и исторнографами. Оправдываются также и слова Н.И. Веселовского — известного российского археолога и исторнографа, автора статьи о Бичурине в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, о том, что неутомимая деятельность Никиты Яковлевича изумляла «не только русский, но даже и иностранный ученый мир»⁵. Поэтому неудивительно, что даже такой яркий полемист, как немецкий востоковед XIX в. Ю. Клапрот, признавал, что Иакинф Бичурин «один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество»⁶.

Следует отметить, что интерес Ли Вэйли к научному наследию Н.Я. Бичурина и его малой родине — Чувашии возник не случайно. Разработать эту тему предложил ей руководитель Отдела древней истории Института истории АОН Китая профессор Юй Тайшань согласно договоренности о сотрудничестве с учеными Чувашской Республики, достигнутой в июле 2005 г. в Пекине. После защиты диссертации Ли Вэйли в 2007 г. издала монографию об исследовании Бичуриным китайской истории и культуры, приняла участие в международной научно-практической конференции, организованной в Чебоксарах в честь 230-летия со дня рождения Н.Я. Бичурина⁷. Еще через пять лет представила доклад на международную конференцию «Научное и педагогическое наследие академика Н. Я. Бичурина: история и современность» (Чебоксары, 28–30 сентября 2012 г.)⁸. Продолжение научных исследований в избранном направлении показало, что Ли Вэйли стала компетентным исследователем многогранной деятельности академика Н.Я. Бичурина. Упомянутый выше профессор Сюй Ваньминь в своем отзыве на ее книгу вполне обоснованно подчеркнул, что по количеству документов о Н.Я. Бичурине и глубине изучения его наследия работы Ли Вэйли занимают ведущее место среди публикаций китайских специалистов, изучающих труды Никиты Яковлевича.

Бичуринская тематика не обойдена вниманием и в отечественных изданиях последних лет. Так, в книге Натальи Яковлевны Серебряковой «Мурино: хроника трех столетий»⁹ приводятся сведения о благотворительных деяниях, научных занятиях и общественной активности Н.Я. Бичурина в период его пребывания на даче Карсунских-Мищниковых в селе Мурино на речке Охта, в 15 верстах северо-восточнее Санкт-Петербурга (ныне Всеволожский район Ленинградской области). Здесь в летние периоды 1844–1847 гг. и в 1851 г. Бичурин работал над книгами, завершающими его творческую карьеру. Провел доработку и добился издания в 1848 г. собрания китайских документов со своими добротными комментариями «Китай в гражданском и нравственном состоянии». Этот свод законов маньчжурской династии Цин (1644–1911) был удостоен почетного отзыва комиссии Императорской академии наук по присуждению Демидовской премии. Следующее крупное произведение, доработкой которого занимался Бичурин в период пребывания в Мурино — научный труд в трех частях «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Издание книги завершилось в 1851 г., ей была присуждена Демидовская премия Императорской академии наук (уже четвертая по общему счету таких премий Н.Я. Бичурина). Без этого бичуринского сочинения невозможно представить ни полную историю Китая, ни древнюю историю России и ее народов, в том числе чувашского этноса.

Книга Н.Ю. Серебряковой ценна еще и тем, что обращает внимание на ряд эпизодов из жизни и деятельности Н.Я. Бичурина, которые не освещены в других изданиях, и открывает пути к новым источникам, в том числе тем публикациям, которые не использованы в капитальном, наиболее полном его жизнеописании — книге П.В. Деннисова «Слово о монахе Иакинфе Бичурине»¹⁰. К примеру, в книге Н.Ю. Серебряковой подчеркивается очень уважительное отношение Бичурина к людям независимо от их возраста и сословной принадлежности. Примерно в 1851 г. Никита Яковлевич познакомился с двадцатидвухлетним Константином Флавицким, бывшим воспитанником дома бедных детей, прошедшим обучение в художественной школе в Петербурге. Когда Бичурин узнал о

«спартанских» условиях пребывания молодого человека в крохотной дачной комнатухе и бедственном его положении, сердобольный ученый стал ежедневно приглашать Константина на завтрак и обед. Более того, Никита Яковлевич втайне от Флавицкого внес вместо него плату за комнату и договорился с хозяином дачи об отпуске ему молока и хлеба также за свой счет. «А жаль пустоголового, — рассуждал Бичурин, — заедает его нужда. Пожалуй, из него рисовальщик выйдет изрядный; уж зимой поговорю о нем со своими приятелями!»¹¹. Вместе с тем академик строго требовал от молодого художника не транжирить время в безделье, а трудиться, рисовать и развивать талант. Действительно, старания привели к успеху: Константин Флавицкий поступил учиться в Академию художеств, окончил ее в 1855 г. с большой золотой медалью и удостоился направления в Италию для совершенствования мастерства. Кисти талантливого художника принадлежат картины «Дети Иакова продают своего брата Иосифа» (1855), «Христианские мученики в Коллизее» (1862), «Княжна Тараканова» (1864) и др.

В связи с тем, что во многих отечественных и зарубежных публикациях не всегда учитываются новые факты и выводы, изложенные в трудах чувашских историков, отметим некоторые погрешности, имеющиеся в книге Н.Ю. Серебряковой и некоторых других авторов. Например, пишут безоговорочно, что Никита Бичурин — сын дьячка¹². Необоснованность такого мнения показал в свое время профессор В.Д. Димитриев в статье «Бичурин и Чувашия»¹³ и брошюре «Востоковед Н.Я. Бичурин и Чувашия»¹⁴. Как выявил В.Д. Димитриев, отец Бичурина никогда не был дьячком, не имеющим священнического сана¹⁵. Родившийся в 1750 г. в семье дьячка Яков Данилов (отец Н.Я. Бичурина) в шестнадцатилетнем возрасте поступил учиться в Казанскую духовную семинарию, в 1770 г. был направлен в Успенскую церковь с. Акулево-Типнеры тож (ныне дер. Типнеры Чебоксарского района Чувашской Республики) на должность дьякона, т.е. служителя церкви со священническим саном (в первой, низшей степени священства). В 1779 г. Яков Данилов был переведен в Воскресенскую церковь с. Бичурино (по-чувашски Шёнерпусь, ныне в составе Марининско-Посадского района Чувашской Республики). Здесь отец Никиты Яковлевича начал служить в должности второго священника, т.е. иереем, официально рукоположенным священником второй степени православного священства. По его статусу к нему официально должны были обращаться словами «Ваше Преподобие», а в обыденных ситуациях — «Батюшка» или по имени с указанием священнического сана «отец» — «Отец Иаков».

Досадная ошибка вкралась в биографические сведения о Бичурине также и во вступительной статье к великолепному изданию «“Первый альбом” о Иакинфе (Н.Я. Бичурине)», составленному в Российской национальной библиотеке при поддержке Института восточных рукописей РАН и Российского гуманитарного научного фонда¹⁶. В ней утверждается, будто «Никита Яковлевич Бичурин родился [...] в селе Бичурине (по-чувашски Шинях)». В Чувашском крае не было и нет села «Шинях» или «Шини». Вероятно, авторы повторяют ошибку писателя Н.С. Щукина — биографа Никиты Яковлевича, который неточно воспринял сказанное Бичуриным и неправильно записал «Шинях», как место рождения ученого. Бичурин на восьмом десятке лет мог назвать Н.С. Щукину место своего рождения Шёнерпусь — в русифицированном варианте «Шинер», хотя в это село он был привезен уже в двухлетнем возрасте в связи с переводом отца на новое место службы. Причина доминирования в воспоминаниях и переживаниях монаха-старца названия «Шинер» кроется, видимо, в том, что сложившаяся в этом селе обстановка сыграла определяющую роль в выборе Никитой Бичуриным монашеской стези своей жизни. Его отец был направлен в церковь в с. Пичуринно (с конца XVIII в. — Бичурино) в связи с убийством священника здешней Воскресенской церкви П. Степанова и отстранением двух других священников, совершивших это злодеяние. За год до прибытия Якова Данилова в с. Бичурино первым священником был назначен двадцатитрехлетний священник из с. Тюрлема Свияжского уезда Петр Прокопьев, не обучавшийся ни в каких духовных

учебных заведениях, со скверным свирепым характером. Напиваясь до остервенения, он ругался с прихожанами, покушался на жизнь и здоровье Якова Данилова, приставал к матери Никиты Яковлевича с угрозами убить и избивал ее (Акилина Степановна скончалась в возрасте 45 лет, за полтора года до окончания Бичуриным Казанской духовной семинарии). Вдовствующий отец Никиты, Яков Данилов, был пострижен в монахи и помещен в Чебоксарский Троицкий монастырь в мае 1799 г., непосредственно в период завершения Бичуриным учебы в семинарии. Хотя Никита Яковлевич уже был определен на службу в Воскресенскую церковь в с. Бичурино (Шёнерпусь), он считал оптимальным выбор монашеского пути. В случае продолжения служения отца и самого Н.Я. Бичурина в с. Акулево-Типнеры тоже, в обстановке более стабильной, интеллектуально насыщенной жизни в этом же селе судьба Никиты Яковлевича могла бы сложиться по-другому. Среди родственников Н.Я. Бичурина, получивших духовный сан и служивших священниками, появилось немало знаменитых просветителей. В их числе: видный этнограф, протоиерей, священник казанского Петропавловского собора, преподаватель Казанской духовной академии, настоятель кафедрального Благовещенского собора Казанского кремля, член Русского географического общества Вишневский Виктор Петрович; сызранский священник И.Я. Дивногорский; протоиерей Адоратский Степан Иванович — автор книги «Собрание слов, поучений и речей, с присовокуплением размышлений, изъяснений и замечаний...» (отец Петра Адоратского — участника и историографа Российской духовной миссии в Пекине, который в разные годы работал смотрителем Херсонского духовного училища, ректором Ставропольской духовной семинарии, епископом Новомиргородским, Балтским, Оренбургским и Уральским) и др.¹⁷ Таким образом, перипетии с выявлением места рождения и места формирования Бичурина как личности и гражданина носят не праздный характер, имеют важное смыслообразующее значение в его судьбе и биографии.

Интерес к бичуринской тематике не угасает не только в России, но и за рубежом. Важную роль в более глубоком исследовании личности и выдающегося научного наследия Иакинфа Бичурина призвано играть сотрудничество академических институтов с учеными, имеющими возможность оперировать конкретными историческими источниками и материалами, включая исследователей Китая и малой родины Н.Я. Бичурина — Чувашской Республики. Подтверждением востребованности мнения последних является то, что именно по инициативе научного сообщества Чувашии китайские ученые Юй Тайшань, Ли Цзинсю, Ли Вэйли и другие стали авторами приоритетных работ по исследованию истории и культуры народов, обитавших в древности и проживающих ныне вдоль Шелкового пути. Оказывается, китайские коллеги называют «чайным и шелковым путем» также и дорогу, по которой следовал Иакинф Бичурин в Поднебесную в 1807–1808 гг. Организация гуманитарных наук в поволжской республике в самом начале XXI в. вполне соответствовала актуальному сегодня тренду и объективным потребностям развития российско-китайских отношений, социокультурной и экономической модернизации наших стран. Поэтому следует признать и заслуги сотрудников Института Дальнего Востока РАН, приложивших немало трудов по созданию своего учебно-научного филиала в г. Чебоксары¹⁸.

1. *Ли Вэйли. Элосы ханьсюэдэ тайян — Бицюолинь: [Светило российской китаистики — Н.Я. Бичурин].* Пекин: Изд-во коммерческой прессы, 2015. 200 с.
2. *Сюй Ваньминь. На гэ дай 6500 гунцзинь синли ликай Чжунгодэ жэнь — пин «Элосы ханьсюэдэ тайян — Бицюолинь»:* [Человек, покинувший Китай с багажом весом 6500 кг — о книге «Светило российской китаистики — Н.Я. Бичурин»] // *Болань цюньшу*. 2016. № 2. (Пер. с кит. Л. Стеженской).

3. Григорьев В. С. Публицистика академика Н. Я. Бичурина в научно-культурном пространстве Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11. Ч. 3. С. 47–51.
4. Ли Вэйли. Указ. соч.
5. Цит. по: Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. URL: http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0210.shtml (дата обращения: 09.09.2016 г.).
6. Там же.
7. Ли Вэйли. Научно-исторический обзор исследований Н. Я. Бичурина о пограничном районе Китая // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н. Я. Бичурина: история и современное значение. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Н. Я. Бичурина (Чебоксары, 18–20 октября 2007 г.) / ред. и сост. В. С. Григорьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 40–83.
8. Ли Вэйли. Исследования Н. Я. Бичурина о современном ему Китае // Преемственность просветительских традиций. Материалы научно-практических конференций в честь 235-летия Н. Я. Бичурина и 165-летия И. Я. Яковлева / сост. и науч. ред. В. С. Григорьев. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. С. 23–59.
9. Серебрякова Н. Я. Мурино: хроника трех столетий. Изд. 3-е, доп. СПб: Береста, 2012. С. 141–144, 163–166.
10. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 335 с., ил.
11. Моллер Н. С. Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки // Русская старина. 1888. Т. 59. № 8. С. 272–300. URL: http://memoirs.ru/texts/i_b1.htm (дата обращения: 09.09.2016).
12. Серебрякова Н. Я. Указ. соч. С. 163.
13. Димитриев В. Д. Бичурин и Чувашия. URL: <http://lib5.podelise.ru/docs/59500/index-24854.html?page> (дата обращения: 09.09.2016).
14. Димитриев В. Д. Востоковед Н. Я. Бичурин и Чувашия. Чебоксары: Институт туризма и сервиса, 2002. С. 14.
15. Там же. С. 16.
16. Мясников В. С., Попова И. Ф. Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) — основатель отечественной научной синологии // «Первый альбом» о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина). Исследования и комментарии / сост. О. В. Васильева, науч. ред. В. С. Мясников, ред. С. А. Давыдова. СПб: Российская национальная библиотека, 2010. С. 6–15.
17. Димитриев В. Д. Востоковед Н. Я. Бичурин и Чувашия. С. 33–46.
18. Григорьев В. С. Инновационные проекты ИДВ РАН в гуманитарных науках // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 167–169.

Японская геральдика на современном этапе

© 2017

Е.Э. Войтишек, А.А. Речкалова

Статья посвящена исследованию современного этапа развития геральдики в Японии. Рассматриваются различные сферы применения геральдических символов, значение геральдики для современной и традиционной культуры, затрагивается проблема восприятия японцами гербов как части культуры и истории страны. Поднимается проблема сохранения культурного наследия при наличии негативного внешнего влияния.

Ключевые слова: японская геральдика, герб, традиционная культура, дизайн.

Японцы известны своей приверженностью к различным символам, логотипам и брендам. Каждое крупное предприятие или объединение имеет свои символы: органы местного самоуправления, промышленные предприятия, компании, школы и пр. Можно сказать, что японцы живут в окружении геральдических символов с самого детства и до глубокой старости: начиная с государственного флага и герба и заканчивая гербами префектур, городов, фирм, спортивных секций, кружков по интересам, детских дошкольных организаций, всех школ — от младшей до старшей, университетов. Некоторые гербы имеют по-настоящему древнюю историю, уходящую корнями к знаменательным событиям в жизни отдельных личностей, локальных поселений или всей страны в целом. Другие символы совсем новые, в них удивительным образом сочетаются традиционная и современная культуры: они созданы для увековечивания важных событий в истории современного японского общества.

История развития японской геральдики насчитывает почти девять веков. За это время прототипы семейных гербов, которыми аристократы конца эпохи Хэйан (XII в.) отмечали свою собственность, трансформировались в неотъемлемую часть традиционной культуры Японии. На протяжении всего существования японская геральдика и ее использование никогда законодательно не регулировались, что привело к массовому распространению семейных гербов, в том числе в среде непривилегированных сословий. Прочно войдя в жизнь населения Японии, геральдика обусловила существование многих традиций в бытовой и обрядовой жизни: нанесение семейных гербов на домашнюю утварь как способ подтверждения права собственности, обязательная вышивка на похоронных и свадебных кимоно, украшение могильных камней и др.

Важным рубежом, разделившим историю геральдики на «до» и «после», стал период окончания Второй мировой войны. Если в довоенное время геральдика развивалась как органичная часть японской истории и традиционной культуры, то после войны она

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. E-mail: elenavoyt@academ.org;

Речкалова Анастасия Александровна, преподаватель кафедры востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. E-mail: orient@lab.nsu.ru.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (проект № 14–28–00045).

начала восприниматься как некий рудимент, наследие феодального и империалистического прошлого. Под влиянием внешних факторов отношение к ней зачастую стало носить негативную окраску. Многие ученые отмечают, что война и последовавшая за ней оккупация страны нанесли непоправимый ущерб авторитету геральдической традиции и безвозвратно нарушили естественный ход ее эволюции¹.

Меткая характеристика послевоенным переменам принадлежит японскому исследователю Тикано Сигэру: «Из-за распространения моды на все западное во второй половине XIX в. геральдика постепенно начала приходить в упадок. Однако сокрушительный удар по геральдической традиции нанесла именно Вторая мировая война с ее последствиями. Процесс демократизации страны, запущенный после подписания акта о капитуляции², и введение новой Конституции³ по американскому образцу пагубно отразились на традиционной японской семье. Навязанные японцам западные ценности изменили отношение общества к геральдике: она превратилась в пережиток феодального прошлого, интерес к семейным гербам и к истории собственной семьи стремительно угас. Новейшее время решительно вычеркнуло из жизни простых людей традиционные одежду, мебель, утварь — все то, что когда-то было материальными носителями семейных гербов. Единственным источником, который по сей день является транслятором этой традиции в будущее, по иронии судьбы стали надгробные камни. Это выглядит особенно символичным в свете того, что геральдика, по всей видимости, тоже движется к своему концу»⁴.

Тикано Сигэру изложил весьма пессимистичное видение будущего геральдической системы, однако не все современные ученые полностью разделяют его позицию. Трудно отрицать, что геральдика безвозвратно потеряла свое место в повседневной жизни японского общества, однако это вовсе не означает полного отмирания геральдической традиции. Возможно, это всего лишь начало нового этапа в развитии, где геральдические символы больше не будут существовать в том виде, в котором они существовали до этого. Функциональная гибкость геральдики, проявившаяся на предыдущих этапах развития, дает основания предполагать, что геральдическая традиция, вновь подстроившись под новые общественные потребности, сможет найти свою нишу в реалиях современной Японии. Некоторые специалисты по геральдике, занимающиеся смежными темами, — историей традиционной японской одежды и японского дизайна — уверены, что, на самом деле, это уже произошло⁵.

На основании изученных материалов зарубежной историографии (как западной, так и японской) и целого корпуса источников можно выделить следующие сферы функционирования японской геральдики на современном этапе (с середины XX в. по настоящее время), обусловившие наступление нового этапа ее развития.

Геральдика в традиционном дизайне

Традиционные свадьбы и похороны, паломничество в храмы, официальные приемы в традиционном стиле подразумевают совершенно определенную форму одежды: для мужчин — *камисимо*⁶ с тремя или пятью гербами (количество разнилось в зависимости от степени официальности мероприятий), для женщин — *фурисодэ*⁷ (букв. «развевающие рукава») с тремя гербами или *куротамэсодэ*⁸ (букв. «черные рукава») с пятью гербами⁹. Во время свадебных и похоронных обрядов женщинам разрешается носить кимоно с женскими гербами *оннамон*, в остальных случаях замужним женщинам желательно использовать герб супруга¹⁰.

Традиция нанесения семейных гербов на официальную одежду насчитывает несколько веков и давно превратилась в неотъемлемый элемент ритуально-обрядовой сферы жизни японского общества. Однако в последние десятилетия она все больше приобретает специфику нового времени. Молодые японцы все чаще предпочитают использо-

вать вместо герба своей семьи любой приглянувшийся геральдический символ. Эта тенденция трактуется по-разному. Одни исследователи утверждают, что данное явление связано с равнодушием современного поколения к истории и семейным традициям, с негативным восприятием геральдики как пережитка милитаристского прошлого. Другие ученые обращают внимание на то, что немалую роль здесь играет культивирование индивидуальных эстетических представлений, в жертву которым приносится наследие предков. Например, женщины предпочитают использовать гербы из тематической группы «цветы и травы», а мужчины — из тематической группы «рукотворные предметы», в которую входят, например, изображения различных видов традиционного оружия¹¹.

Рис. 1. Женское кимоно с пятью гербами «мару-ни умэбати»
(букв. «цветущая слива в круге»)

Источник: URL: <http://www.kabuki-bito.jp/special/naganuma/68/no1.html> (дата обращения: 08.09.16).

Еще одной важной сферой для реализации гербов как элемента традиционного дизайна является украшение надгробных камней. Эта традиция появилась в середине эпохи Эдо (сер. XVIII в.) и была связана с переходом от деревянных надгробий к каменным стелам. Важность надгробных камней как источника знаний о геральдике возрастает пропорционально сокращению количества реально используемых геральдических изображений. В связи с этим ученые выделили в видовой классификации гербов специальную группу — *бомон* (букв. «гербы на надгробиях»)¹².

Сильными остаются позиции геральдики в сфере традиционной архитектуры и интерьера: гербами украшают ворота и крыши деревянных домов *минка*, крышки канализационных люков, занавеси на входе *норэн*, масляные фонари *тё.тин*, дверные ручки и др.

Рис. 2. Гербы на надгробиях из разных районов Японии (фото А. Речкаловой).

Геральдика религиозных институтов

В отличие от самой представительной группы гербов — семейных гербов *камон* — развитие других видов геральдических символов представляет несколько иную картину. Например, не вписываются в общий вектор развития *синмон* и *дзимон* — гербы синтоистских святилищ и буддийских храмов. Традиция этой группы гербовых изображений не прерывается уже около восьми веков. В будущем, вероятно, именно религиозные институты станут «последним заповедником» геральдической традиции в Японии, поскольку они в наименьшей степени подвержены воздействию социально-экономических и политических перемен.

Гербы данной группы, как правило, выступают в качестве благожелательных символов на различных празднествах, их наносят на ритуальный инвентарий и культовые предметы, они являются неотъемлемой частью архитектурного облика храмов и храмовых комплексов. Среди изображений *синмон* и *дзимон* есть как гербы бывших покровителей храмов (т.е. гербовые изображения *камон* древних аристократических и самурайских родов), при поддержке которых проходило строительство, так и гербы, связанные с особыми ритуалами, проводимыми только в этом храме или святилище.

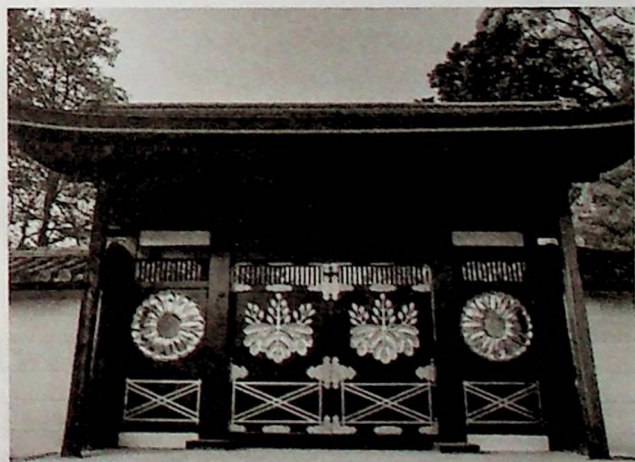

Рис. 3. Ворота храма Дайго-дзи в Киото (фото А. Речкаловой).

Кроме того, традиция картографического обозначения синтоистских святилищ знаком *тории* (букв. «ворота синтоистского храма») и буддийских храмов — *мандзи* имеет непосредственное отношение к гербам группы *синдзи-мон*: эти символы являются наиболее распространенными гербами буддийских и синтоистских ритуальных объектов¹³.

Гербы как логотипы компаний

Особый вектор развития имеют также гербы, относящиеся к группе *сё:мон* — логотипы торговых компаний, корпораций и малого семейного бизнеса. Среди всех других видов гербовых изображений они используются наиболее активно и выполняют сразу несколько функций: с одной стороны, это бренд компании, узнаваемый знак, часть рекламного имиджа, с другой стороны, гербы *сё:мон* воспринимаются как символ единства рабочего коллектива компании. Япония — это, прежде всего, государство больших и маленьких коллективов, поэтому такая функция геральдических символов, как выражение принадлежности к определенной группе или лояльности коллективу, никогда не теряет своей актуальности. Значки с эмблемами носят практически все японцы — от членов парламента до игроков бейсбольной команды. В крупных корпорациях, таких как Мицуй и Мицубиси, принято, чтобы все сотрудники — от генеральных директоров до стажеров — носили униформу с логотипом предприятия. Гербы *сё:мон* — важная часть стратегии по укреплению рабочего коллектива. Помимо этого, геральдические символы по-прежнему выполняют эстетическую функцию: значки-эмблемы воспринимаются как скромное и изящное украшение рабочей формы¹⁴.

mitsui & co., ltd.

Mitsubishi Corporation

JAPAN AIRLINES

Рис. 4. Логотипы крупных японских компаний «Mitsui & Co LTD» и «Mitsubishi Corporation» и авиакомпании «Japan airlines»

Источник: URL: <https://www.mitsui.com/jp/en/index.html>; <http://www.mitsubishicorp.com/jp/en/index.html>; <https://www.jal.com/> (дата обращения: 08.09.16).

Группа гербов *сё:мон* не только активно применяется, но и столь же интенсивно пополняется. Владельцы крупных и малых предприятий, желая воплотить в логотипе компании связь традиций и инноваций, прибегают к услугам дизайнеров гербов. Пионером в этой моде стала авиакомпания JAL, основанная в 1953 г. Гербом японских авиалиний является *цурумару* (букв. «журавль в круге»).

Геральдика в игровых практиках

Следы японской геральдики обнаруживаются также в национальных игровых традициях. Появившиеся в эпоху Эдо (1603–1868) разнообразные игры типа *сугороку* (букв. «двойная шестерка») и карточные игры на основе гербовых изображений до сих пор пользуются популярностью в специальных клубах и салонах, посвященных традиционным развлечениям. Так, в игровых клубах и центрах по изучению традиционных видов искусства по всей стране постоянно обращаются к разнообразным развлечениям прошлого, стремясь через их популяризацию возродить в обществе интерес к историческому культурному наследию.

Рис. 5. Карты с изображениями Масакагэ Русу (1649–1607) из клана Датэ (герб госан кири) и основателя династии сёгунов — Токугава Иэясу (1543–1616) (герб мицуаой). (Из коллекции Е. Войтшиек).

В этой связи можно упомянуть чрезвычайно разнообразные по тематике настольные игры *эсугороку* (букв. «игра в “двойную шестерку” с картинками»), представляющие собой игровое поле из бумаги с нанесенными изображениями, по которым игроки передвигали свои фишки в соответствии с выпавшим числовым значением кубика. Выполненные в манере знаменитых гравюр *ukiё-э*, такие полотна часто создавались по мотивам произведений мастеров этого жанра, но могли воплощать и конкретные образовательные задачи — в частности, знакомить с гербами крупнейших феодальных кланов Японии, с особенностями быта знатных родов через геральдическую орнаментику различных предметов и аксессуаров¹⁵. Отдельные игры построены целиком на знании мест проживания известных феодальных кланов в столице и соответствующих гербов, поскольку в задачи игроков входило умение провести по игровому полю (своеобразной карте местности) свои фишки (символизировавшие отряды и боевые дружины) максимально благополучно, минуя «опасные места» и избегая напряженных ситуаций при взаимодействии между кланами.

Что касается карточных игр, то на картах эпохи Эдо, предназначенных, в основном, для изучения и запоминания, изображались не только сами гербы, но и штандарты, копья, церемониальное оружие, зонты и прочие предметы быта представителей феодальных родов Японии. Помимо этого, в них были зафиксированы такие важные сведения, как родовые имена, должности, доходы, места проживания, наличие или отсутствие замков¹⁶.

Отчасти как развитие этой традиции в настоящее время в Японии также продолжают создаваться игральные карты (по типу европейских карт *trump card*) данной тематики. Например, набор карт на основе классических сюжетов самурайского эпоса *гунки-моногатари* или набор карт с видами знаменитых японских замков с подробной информацией о феодальных кланах.

Геральдика в современном дизайне

Перспективной сферой использования гербов является дизайн. В этой области применения гербы возвращаются к своим истокам и вновь становятся специфическим орнаментом в современном декоративном решении. Геральдика рассматривается в качестве обширной базы для декора и дизайна, поскольку гербы — это утонченные произведения искусства, достигшие совершенной формы за сотни лет использования, воплотившие в себе представления японцев о красоте.

Рис. 7. Гербы производителей на упаковке и на традиционном японском печенье (фото А. Речкаловой).

На данный момент в Японии существует множество фирм, предлагающих сервис нанесения семейных гербов на личные вещи заказчиков: визитки и футляры для них, обложки для паспортов, футляры для очков и ручек, папки, личные печати и др. Вещи, украшенные семейными гербами, часто используются в качестве памятных подарков по случаю окончания старшей школы или университета, при поступлении на работу или как свадебный подарок.

Несмотря на то, что подобные услуги являются весьма дорогостоящими, их популярность в последнее время растет. Отчасти это можно объяснить любовью японцев

к дизайну *hand made*. Как и многие столетия до этого, специалисты наносят семейные гербы вручную, используя специальную технологию, секрет которой строго охраняется профессиональным объединением мастеров красильной промышленности.

Кроме того, геральдические символы активно используются для дизайна упаковок. Особенно это касается семейных предприятий, которые гарантируют высокое качество продукта, размещая на нем свой родовой герб. Производители признаются, что порой умышленно размещают геральдические символы на упаковке своей продукции, чтобы вызвать больше доверия у потенциальных покупателей¹⁷.

Компании, работающие в пищевой промышленности, нашли оригинальное применение для геральдических символов: они декорируют им не только упаковку, но и сам продукт. Иногда за японским дизайном прячутся отнюдь не японские продукты. Однако потребительский рынок благосклонно относится к подобным нововведениям и быстро признает их как «исконно японские».

Основные проблемы и перспективы дальнейшего развития геральдики

Важнейшим фактором, существенно повлиявшим на формирование и развитие в Японии геральдической системы и предопределившим ее современное состояние, стала многофункциональность геральдических символов. Не являясь в строгом смысле лишь военной областью, японская геральдика вобрала в себя то лучшее в традиционной культуре, что было выкристаллизовано временем. Именно поэтому японская геральдическая система в целом может рассматриваться как важнейший источник изучения не только военной истории, но и истории искусства, этнологии, культурной антропологии и семиотики Японии.

Важной проблемой развития геральдики на современном этапе является сохранение и изучение гербов как элемента традиционной культуры Японии. Этим сейчас озабочены не только профессиональные историки и искусствоведы — при городских и сельских архивах существуют специализированные отделения по сбору информации о наиболее распространенных в данной местности гербах. Кроме того, благодаря появившемуся в японском обществе интересу к истории недавно было организовано множество частных компаний, занимающихся поиском, изучением истории и восстановлением первоначального облика семейных гербов *камон*¹⁸.

Таким образом, несмотря на многовековую историю существования и развития японской геральдики, в настоящее время основной функцией геральдических символов в обществе является декоративная, бытовая. Геральдика, отойдя от военно-исторической тематики, но сохраняя приверженность традиционной эстетике, находит применение в различных областях современного дизайна. Вероятно, именно этот аспект функционирования японской геральдики можно считать наиболее перспективным для ее дальнейшего развития.

1. *Тикано Сигэру*. Нихон камон со:канн: [Сборник японских семейных гербов]. Токио: Кадокава сётэн, 1993. С. 7–8.
2. Акт о полной и безоговорочной капитуляции был подписан 2 сентября 1945 г. В Японии стал действовать Штаб оккупационных войск, в который вошли представители 11 государств.
3. Действующая конституция Японии была подготовлена в феврале 1946 г. и вступила в силу 3 мая 1947 г. В преамбуле конституции указано, что власть принадлежит народу, который реализует ее через избираемый парламент.
4. *Тикано Сигэру*. Указ. соч. С. 8.
5. Подробнее см.: *Кусудо Ёсиаки*. Тисики дзэро кара-но «Нихон-но камон» иримон: [Введение в японскую геральдику: знания с нуля]. Токио: Гэнтося, 2006. 230 с.

6. Комплект мужской одежды, состоящий из кимоно *косодэ*, штанов *хакама*, накидки *катагину*.
7. Праздничное кимоно незамужних девушек и невест. Отличается от остальных видов длиной рукавов: она может составлять от 70 до 120 см.
8. Кимоно черного цвета для официальных церемоний, которое носят замужние женщины. Как правило, украшено пятью семейными гербами. Рисунок украшает только подол кимоно до талии.
9. *Нумата Райсукэ*. Нихон монсё:гаку: [Японская геральдика]. Токио: Дзинбуцу о:райся, 1968. С. 40.
10. *Моримото Кэйити*. Оннамон: [Японские женские гербы].
URL: <http://www.omiyakamon.co.jp/onpa-mon/01.html> (дата обращения: 08.09.16).
11. *Нихон монсё*: дайdzукан: [Иллюстрированное руководство по японской геральдике]. Токио: Синдзинбуцу о:райся, 1978. С. 106–107.
12. *Тикано Сигэру*: Указ. соч. С. 8.
13. *Судзукэ Тоору*. Камон-дэ ёмикаку нихон-но рэкиси: [Понять историю Японии с помощью семейных гербов]. Токио: Гакусю: кэнкю:ся, 2003. С. 280.
14. *Нихон монсё*: дайdzукан... С. 21.; *Кусудо Ёсиаки*. Указ. соч. С. 220–222.
15. Подробнее см. *Войтишек Е.Э., Речкалова А.А.* Трансформация функционального назначения гербов военного сословия в эпоху Эдо // Япония: мир — традиция — перемены: К 110-летию со дня рождения А.А. Холодовича (1906–1977) / Отв. ред. А. В. Филиппов, Н. А. Самойлов, Е. И. Османов. СПб.: Восточный фак. СПбГУ, 2016. С. 251–261.
16. *Нихон монсё*: дайdzукан... С. 10, 19; *Тикано Сигэру*. Указ. соч. С. 6.
17. *Нихон монсё*: дайdzукан... С. 109.
18. URL: <http://www.kakeisi.com/kamon.html> (дата обращения: 08.09.16).

Религия

Христианские общины в современном Китае: типология китайских религиоведов

© 2017

О.В. Пелевина

В статье на основе анализа социологических религиоведческих исследований раскрывается специфика современного китайского христианства в его взаимосвязи с социальной принадлежностью верующих. Дается характеристика религиозного поведения исповедующих христианство представителей четырех китайских социальных групп — жителей сельской местности и городов, интеллигентов и бизнесменов.

Ключевые слова: религия, христианство, Китай, социология.

Христианство, как известно, не является автохтонной религией Китая. Тем не менее в последние несколько десятилетий эта мировая религия стала занимать значительное место в конфессиональном пространстве КНР. История и основные этапы проникновения христианства в Китай описаны российскими востоковедами. Существуют фундаментальные монографии, авторы которых раскрывают тему адаптации христианства к китайской культуре¹, анализируют историю и современное состояние основных христианских направлений в КНР². В публикациях конфессиональных авторов описаны различные этапы истории христианства в Китае в целом и православия в частности³. Помимо монографий, существуют и научные статьи, раскрывающие различные аспекты данной темы.

В данной статье мы будем опираться на результаты, полученные китайскими специалистами в течение последних 15 лет. Мы предлагаем обратить внимание на результаты их исследований и раскрыть специфические особенности современного христианства в Китае в зависимости от социальной принадлежности адептов.

Христианство в КНР отличается сложной организацией, что обусловлено историческими, политическими и социальными процессами в КНР в XX в. Католицизм и протестантизм входят в число пяти официальных религий КНР. Православие официально признано в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и во Внутренней Монголии⁴. По-

Пелевина Ольга Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения и истории ФГБОУ ВО Амурский государственный университет (г. Благовещенск).
E-mail: olpelevina@gmail.com.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

мимо этого, на территории страны действуют многочисленные «домашние церкви», преимущественно протестантского происхождения.

Обобщив результаты различных исследований за последние 15 лет, можно заметить, что сведения о количестве христиан в Китае существенно расходятся. Разрыв между показателями серьезный: от 23 миллионов⁵ до 60–80 миллионов христиан в КНР. Официальная статистика КНР тяготеет к более скромным показателям, зарубежные исследователи и журналисты склонны обнародовать высокие показатели⁶. Не вступая в дискуссию о численности христиан в КНР, обратимся к рассмотрению специфики современного китайского христианства.

С первых веков своего существования христианство претендовало на универсальность, не делая различий по национальным, социальным, экономическим и прочим признакам. Однако в каждый конкретный исторический период, в конкретной этнической и социальной группе одна и та же религия, без изменения догматических оснований, может быть наделена специфическими символами, ритуалами и другими характерными чертами. И христианство не является исключением. Современные китайские религиоведы обращаются к выявлению специфических черт китайского христианства в зависимости от социальной принадлежности адептов. По результатам их исследований, христианство сельских жителей отличается от веры студентов, бизнесменов и других горожан.

Научный сотрудник Академии общественных наук Китая (АОН) Тан Сяофэн выделяет несколько социальных групп китайских христиан: сельские жители, горожане, студенты, бизнесмены⁷. Далее мы рассмотрим основные положения данной классификации, дополнив их результатами исследований других китайских специалистов⁸, занимающихся изучением христианства. При интерпретации эмпирического материала, представленного в исследованиях китайских коллег, мы будем пользоваться теоретическими положениями классика социологии религии М. Вебера.

Христианская вера китайских крестьян и фермеров

На протяжении последних тридцати лет китайские социологи религии фиксируют распространение христианства в сельской местности КНР. В деревнях почти не развит культурный досуг, духовные и интеллектуальные потребности людей слабо удовлетворяются. Сельские христианские общины стали своеобразными центрами культурной жизни. Они выполняют коммуникативную, релаксационную, образовательную, эстетическую, интеграционную функции.

Согласно классическим религиоведческим подходам⁹, религиозные предпочтения крестьян обусловлены их тесной связью с природой и носят магический характер, преобладает иррациональное начало веры. Христианство в Китае не насаждалось насильно. Его воспринимали как одну из сил, способную эффективно оказать помощь в трудных ситуациях. За счет смешения с народными верованиями и элементами даосизма и буддизма христианство стихийно адаптировалось к реалиям деревенской жизни. Например, еще в начале XX в. на основе сближения христианских пятидесятнических идей с народными религиями в китайских деревнях возникли многочисленные протестантские группы, последователи которых придавали особое значение идее обретения «даров Святого Духа», включая глоссолалию и дар пророчества. Некоторые фразы из Писания, например, «Аллилуйя», использовались как магические заклинания, помогающие отгонять злые силы¹⁰.

На современном этапе китайские социологи религии продолжают фиксировать случаи, когда деревенские жители обращаются к христианству, преследуя утилитарные цели, и в их религиозном поведении можно обнаружить элементы магизма. Сельские религиозные общины преимущественно состоят из пожилых людей и женщин. Уровень образования верующих невысок.

Приняв христианство, люди ожидают исцеления от болезней; желают повысить урожайность и поддержать витальные силы скота; верят, что обретут счастье и достаток; надеются после смерти попасть в рай. Для них христианство — это не система с устоявшейся догматикой, а живая вера, которая должна трогать сердце. Они нуждаются в чудесах веры. Жажда осязаемой пользы детерминирует неустойчивые религиозные убеждения сельских верующих, их изменчивость. Бывают ситуации, когда люди перестают ходить в церковь, не обрета желаемое. Тан Сяофэн зафиксировал и описал показательный пример в селе Внутренней Монголии. Человек ходил на молитвенные собрания, чтобы излечить своего осла. Не получив желаемого, крестьянин вышел из общины¹¹.

Искажению христианского учения в современном Китае способствует отсутствие достаточного количества квалифицированных пастырей, наличие лжеучителей и малограмотность селян. Китайские исследователи замечают распространение в деревнях КНР еретических идей, например, таких: «экономическое развитие и просмотр телевизора мешают христианской вере»; «по лицу ребенка или подростка можно определить, является ли его душа глашатаем Бога» и др. Лжеучителя заявляют о своих способностях изгонять злых духов¹². Вместе с тем нельзя сказать, что христианская вера всех современных китайских сельских жителей окрашена элементами магии и суеверий или носит искаженный характер.

Многие люди обращаются к христианству в сложные периоды жизни. Например, по результатам полевых исследований китайских специалистов в провинции Шаньси, 52,8% опрошенных христиан приняли веру из-за собственной болезни или серьезных заболеваний членов семьи; 46,3% респондентов хотели справиться с несчастьями или жизненными неудачами. Как правило, пережив тяжелую жизненную ситуацию и справившись с ней, исповедуя веру в Христа, люди становятся преданными адептами, пренебрегающими народными китайскими обычаями. В частности, христианин-неофит может официально поменять имя, особенно в том случае, если в нем встречается знак, указывающий на тотемного предка: дракона или тигра. Новообращенные христиане могут уничтожить имеющиеся в семье изображения этих животных. Во время празднования китайского Нового года верующие не пользуются хлопушками и фейерверками, считая, что могут «разбудить» демонические силы¹³.

В плане моральных качеств, деревенские верующие современного Китая придерживаются синтеза христианских и конфуцианских принципов. В соответствии с библейскими заповедями христиане осуждают кражи, ложь, зависть, драки и ругань. Одновременно прослеживается значимость для них конфуцианских морально-этических норм: уважения к родителям, внимательного и заботливого отношения к детям, младшим братьям и сестрам. Боясь наказаний за грехи, люди порицают такие вредные привычки, как пьянство и азартные игры, и стараются избегать их. Показательный пример описан в статье китайского исследователя. В 2008 г. в провинции Юньнань респондент по фамилии Дань рассказал, что страдал от неизвестной болезни. Его беспокоили повышенная температура и кашель, причем медикаменты от этих симптомов не помогали. Позднее Дань понял, что болезнь вызвана его неправильным поведением: участвуя в азартной игре с друзьями, он жульничал. После искреннего раскаяния и молитв болезнь отступила¹⁴.

В последние годы исследователи отмечают количественные и качественные изменения в христианских общинах в сельской местности Китая. За счет внутренних трудовых миграций количество деревенских верующих сокращается. Урбанизация китайской деревни приводит к появлению маргинальных христианских общин, членами которых становятся бывшие крестьяне, переехавшие в города. Развитие городов связано с усилением рационального начала в религии. Улучшение сельского здравоохранения и рост уровня образования населения ведут к изменению качества христианской веры. Появляются люди, заинтересованные в духовном и интеллектуальном поиске, стремящиеся понять суть христианского вероучения, свободного от суеверий, магии и народной религиозности.

Христианские сообщества в городах КНР

Жители современных китайских городов принадлежат к разным социальным группам. Христианская вера горожан отличается разнообразием. Можно выделить несколько групп христиан: бывшие крестьяне, переехавшие в город; коренные городские жители; студенты и преподаватели учебных заведений; бизнесмены.

Городские христианские общины в последние годы увеличиваются за счет внутренних трудовых миграций. Многие сельские молодые люди, особенно мужчины, стремятся работать за пределами дома в поисках лучших материальных возможностей. В городах бывшие сельские последователи Христа либо примыкают к уже существующим городским общинам христиан, либо создают собственные сообщества верующих. Чаще всего для них оказывается предпочтительным второй путь, поскольку вновь созданные общины состоят из земляков, у них общие культурные и социальные корни; в таких объединениях быстрее происходит адаптация верующих к новым условиям жизни.

В городах Китая существуют собственные христианские сообщества. В 2000–2003 гг. американский социолог религии китайского происхождения Ян Фаньган инициировал проект по изучению протестантизма в КНР. Было проведено крупное социологическое исследование в восьми городах Китая. В выборку попали территории, различающиеся климатическими условиями, политическими настроениями, культурой. Семь ученых и аспирантов из нескольких университетов брали интервью и осуществляли наблюдения в христианских церквях КНР.

В крупных городах КНР верующие назначали исследователям встречи в «Макдональдсах», в ресторанах «KFC», а также в небольших местных китайских кафе и чайных домах. Несмотря на то, что это противоречит законодательству КНР, кафе и ресторанчики стали привычными местами для христианских собраний. Там изучают основы вероучения небольшие группы, состоящие примерно из десяти человек, как правило, при участии иностранных миссионеров. Программы курсов не связаны с какой-то одной деноминацией и ориентированы на всех желающих изучить азы христианства. Преподают «учебный курс Тимоти» (Timothy Training Course) и Альфа курс. Изучение предполагает чтение Библии и обсуждение общехристианских тем. Основной целью курсов является подготовка проповедников и людей, ориентированных на социальное служение в соответствии с христианскими принципами в детских учреждениях, благотворительных организациях¹⁵. Молодых китайцев привлекает атмосфера подобных заведений. В них сочетаются шум и многолюдность общественного места и личное пространство за столом каждого посетителя. Подобные условия сближают азиатскую среду с европейской. «Макдональдсы» и христианство, по мнению исследователя, это символы западной культуры, свободы, современности.

Переживая идеологический вакуум и осознавая необходимость духовной жизни, китайцы стали интересоваться и автохтонными, и западными философско-религиозными системами¹⁶. Молодое поколение зачастую считает традиционные китайские религии несовременными, ограниченными. Обращение китайцев к христианству напоминает механизм обращения к нетрадиционным религиям¹⁷. Христианство воспринимается жителями китайских городов как современная универсальная религиозно-философская система, способная удовлетворить духовные запросы современного китайца. Христианство востребовано в китайской вузовской среде как мировоззренческая система, отвечающая на интеллектуальные запросы.

Специфика христианской веры современных китайских интеллектуалов

Молодые образованные христиане представляют собой интеллигенцию китайских общин. В отношении их со времен реформ в КНР принято использовать термин «культурное христианство»¹⁸. В рамках подхода М. Вебера этих людей можно отнести к типу интеллектуалов. Данный тип, по мнению немецкого мыслителя, всегда отличался рационализмом. М. Вебер отмечал, что особое положение среди интеллектуалов занимают представители религиозного сословия: жрецы и духовенство, которые хранили и разрабатывали учение. В силу секулярности современного мира и в результате того, что в Китае затруднена деятельность зарубежных проповедников и представителей духовенства с высоким уровнем теологической подготовки, роль хранителей веры возложена на представителей китайской христианской интеллигенции. Не так давно появилось понятие, которое на русский язык можно перевести как «собрание христиан, вернувшихся из-за границы»¹⁹. Членами таких собраний являются преподаватели высшей школы, аспиранты, магистранты, которые какое-то время обучались в Европе и Америке и имели возможность лучше понять суть христианства. Подобные общины функционируют по образцу больших церквей. Некоторые из них насчитывают более 1000 последователей. Китайские специалисты отмечают, что эти церкви занимаются реформированием христианства в области богослужбной практики, обрядности и социального служения²⁰.

Современные китайские исследователи приходят к выводу, что доля верующих в студенческой среде выше, чем доля верующих среди других категорий китайского населения. Например, в 2008 г. в Шанхайской высшей школе проводилось исследование, согласно которому доля студентов христиан в университетах Шанхая составляла 4,7%. Доля шанхайцев-христиан в целом ниже — 1,07%. В университетах Пекина наблюдалась такая же ситуация²¹.

В некоторых университетах доля верующих преподавателей выше, чем студентов. Их отношение к вероисповеданию отличается большей осознанностью. По сравнению с верой других социальных групп вера студентов и преподавателей менее утилитарна. Согласно концепции М. Вебера, интеллектуалы ищут смысл жизни, уходящий в бесконечность, стремятся к единству с собой, людьми, Космосом. Верующие студенты демонстрируют большую набожность и благочестие. Шанхайские исследователи зафиксировали, что 88,2% студентов посещают еженедельные групповые христианские занятия; 82,3% респондентов каждый день или часто читают Библию; 100% опрошенных каждый день или часто молятся²². Для молодых образованных верующих китайцев подлинная ценность христианства связана с такими понятиями, как «прославление Бога»; «любовь к Богу, любовь к ближнему своему, как к самому себе»; «спасение души»; «искупление, самосовершенствование»²³.

По данным ряда исследований, студенты в большинстве случаев принимают христианство только после поступления в колледжи и университеты. Например, в 2004 г. в журнале «Молодежные исследования», который издает Институт социологии АОН, были опубликованы результаты анкетирования христиан, учащихся в колледжах Пекина. В исследовании принимали участие верующие студенты 1–4 курсов, всего 82 человека. Выяснилось, что на первом курсе христианами стали 47,4%. После второго курса верующими стали 63,4%. Количество христиан на 3 и 4 курсах стало еще больше — 66,7% и 70,6% соответственно²⁴. Схожие результаты получили шанхайские специалисты. Таким образом, часто христианство принимают именно в годы учебы в высшей школе. Китайские специалисты стараются объяснить этот феномен. Психологи выделяют такие причины: кризис самоидентификации китайской молодежи; неспособность традиционных китайских религий заполнить духовный вакуум; ослабление образовательной функции университетов²⁵.

Религиоведы не согласны с тем, что популярность христианства у студентов порождает стрессы во время учебы или ощущение фрустрации, возникающее из-за страха не найти достойное место работы. Успех христианства в университетских кампусах они объясняют стремлением молодых людей к мультикультурализму²⁶. В 1990-е годы американская исследовательница китайского происхождения Джулия Чин, изучавшая вопросы распространения аллохтонных религий на территории Китая, видела причины популярности христианства в увлечении китайцев западной культурой²⁷.

Ян Фаньган с коллегами пришли к выводу, что протестантизм для современных китайцев — это не просто увлечение западной культурой и стремление подражать европейцам. Это желание идти в ногу со временем, найти ответы на экзистенциальные вопросы в современном мире²⁸.

На современном этапе данные социологических исследований опровергают мнение, согласно которому верующие китайские студенты принадлежат к социально незащищенной, уязвимой группе. В опросе принимали участие около трехсот студентов-христиан из нескольких городов Китая. Вопросы касались семейных отношений, экономического положения семьи и здоровья: 70,6% опрошенных студентов сказали, что в их «семьях царят мир, дружба и согласие»; 29,4% ответили, что в семье «обычные, ровные отношения»; никто не пожаловался на «семейные конфликты или неурядицы». Говоря об экономическом положении семьи, 5,9% назвали себя «очень богатыми»; 23,5% респондентов считают себя «богатыми»; «средний уровень доходов» выбрали 17,6% опрошенных; «обычное умеренное материальное состояние» выбрали 52,9%; вариант «нищета и бедность» не выбрал никто. Отвечая на вопрос о состоянии здоровья, 70,6% респондентов выбрали вариант «здоровы»; «обычное умеренное состояние здоровья» у 23,5% респондентов; «ослаблены тяжелой болезнью» 5,9% респондентов²⁹.

Бывает и так, что студенты не стремятся к христианству как к религии, но все равно равнодушны к его не китайской культурной составляющей. В 2008 г. в Китайском народном университете проводилось исследование, направленное на выявление идеологических убеждений студенчества. В результате вариант «не верю в христианство, но в христианской культуре заинтересован» выбрали 46,4% респондентов. Этот показатель свидетельствует о скрытом потенциале христианства в китайской высшей школе. Но не все студенты имеют склонность исключительно к христианству, существуют и убежденные атеисты, и заинтересованные в других религиях. Например, среди неверующих студентов 42,5% испытывали интерес к буддизму, 36% к протестантизму, 13,6% к католицизму, 16,6% к даосизму, 8,3% к исламу, а 20,9% вообще не заинтересованы ни в какой религии. «Не верят в христианство и не испытывают интереса к христианской культуре» 38,5% респондентов. По сравнению с 2002 г. этот показатель вырос, стало больше студентов, которые равнодушны к христианству как к религии и культурной системе³⁰.

Таким образом, христианство воспринимается в среде современных китайских интеллектуалов не просто как западная религия, но как универсальная и жизнеспособная система знаний и ценностей. Сообщества китайских верующих с высоким уровнем образования заинтересованы в реализации умственно-психологических запросов. Для многих из них изначальным мотивом приобщения к христианству является поиск и обретение истины, мудрости, симпатия к аллохтонным культурным моделям. Интеллектуалы задают и поддерживают философско-мировоззренческие основы китайского христианства.

Экономическая же основа китайских христианских общин зависит от представителей бизнеса, которые составляют новый тип христианского сообщества.

Христиане-бизнесмены

Сообщества христиан-бизнесменов сформировались в прибрежных экономически развитых районах Китая. Членами таких сообществ являются индивидуальные пред-

приниматели, руководители, администраторы, менеджеры, управляющие и служащие крупных фирм. По мнению китайских специалистов, экономические условия юга Китая стали причиной возникновения христианских общин состоятельных людей. Наиболее типичные общины такого рода находятся в Вэньчжоу. Уже в XIX в. Вэньчжоу был процветающим портом. Свое важное экономическое и транспортное значение город сохраняет и сегодня. Вэньчжоусцы — талантливые предприниматели. Много выходцев из Вэньчжоу проживает в Европе и США. При этом они исповедуют протестантизм, который, как известно из теории М. Вебера, породил особый тип капитализма³¹. Принадлежность к определенной религиозной традиции способна детерминировать экономическое поведение индивидов. На наш взгляд, не случайно то, что китайские бизнесмены обратились именно к протестантизму, а не к другим христианским конфессиям. Протестантизм близок их умонастроениям, духовным потребностям, образу жизни. Можно в соответствии с концепцией М. Вебера отметить, что этим людям близок этос капиталистов, предполагающий честный, ненасильственный путь накопления капитала. Китайские бизнесмены знают цену деньгам, но не скупятся на церковные пожертвования. Они не считают, что недостаток мешает вере. Напротив, бизнес для них — это возможность честного, рационального служения Богу и своей общине вне стен церкви.

Бизнесмены охотно жертвуют деньги на строительство храмов, некоторые выполняют обязанности пресвитеров, активно участвуют в христианских собраниях. Они развивают местные церкви, поскольку располагают обширными связями и солидными экономическими ресурсами. В Вэньчжоу много величественных храмов. Расходы на содержание христианских культовых зданий доходят до нескольких миллионов юаней. Есть церкви, которые построены на взносы нескольких верующих. Внутри церкви оборудованы передовыми аудио- и видеосистемами, а также кондиционерами. По информации китайских специалистов, полученной во время бесед с верующими в неформальной обстановке, пастырь или пресвитер в любое время может обратиться с просьбой к нескольким предпринимателям и получить материальную помощь на нужды церкви³².

Тан Сяофэн выделяет две группы христиан-бизнесменов. Первые обрели материальный достаток в результате собственного труда, и христианство благотворно сказалось на их бизнесе. Вторые — выходцы из семей предпринимателей; им вера необходима для удовлетворения духовных потребностей.

Вера христиан-бизнесменов связана с принципами концепции корпоративной культуры. Как утверждал М. Вебер, торговцев и предпринимателей отличает стремление к общинной религиозности и корпоративному духу. Такой тип верующих бизнесменов, возникший на юге Китая, теперь можно встретить и в других районах страны. Бизнесмены, заинтересованные в развитии своего дела, для поддержания корпоративного духа компании стремятся собрать вокруг себя людей с христианскими убеждениями. Верующие работодатели предпочитают нанимать на работу своих единоверцев, поскольку те имеют в этой среде хорошую репутацию. Бизнесмены лучше узнают своих работников во время коллективных богослужений.

Фирмы, которыми владеют христиане, функционируют по принципам общины. На предприятиях для служащих разработаны нормы поведения в соответствии с христианскими идеалами. В разных отделах можно встретить каллиграфические надписи христианского содержания в традиционном китайском стиле. В помещении финансового отдела можно прочесть «Бог — истинный путь», «Трудолюбие будет вознаграждено Богом». В служебном помещении главы компании висят надписи: «В соответствии с небесным законом, избегай жадности», «Эммануил». Некоторые владельцы дают своим компаниям названия, используя традиционные христианские термины: «Воля Бога», «Божественный мир», «Вера в Бога», «Ханаан»³³.

Китайские исследователи описывают встречу коллег — христиан в понедельник утром после выходных дней. Судя по описанию, встреча мало отличается от протестант-

ских собраний. Сначала они поют религиозные песни «Дар» или «Священный Агнец, восседающий на престоле». Затем с воодушевлением смотрят вероучительный короткометражный фильм «Ты слышал голос Бога?» Хозяин компании выступает с речью, говорит о бизнес-целях компании и подчеркивает важность веры и доверительного взаимодействия между сотрудниками. В конце своего выступления хозяин фирмы предлагает хором вслух прочесть отрывок из Библии. Заканчивает собрание исповедание веры, которое произносит один из сотрудников³⁴.

В Китае появляются своеобразные братства христиан-бизнесменов. Участники описывают их деятельность в своих интернет-блогах. На наш взгляд, собрания этих братств носят эзотерический характер. Встречи назначаются вечером и продолжаются ночью; в них участвуют только предприниматели-христиане; звучат пророчества о том, что христианство будет развиваться на Востоке; люди переживают религиозное обращение³⁵.

Помимо китайских христианских фирм, в Пекине, Шанхае и других крупных городах действуют корейские предприятия, владельцы которых исповедуют христианство. При этом они имеют сильное желание проповедовать. Порой именно для реализации миссионерской цели в Китае создаются заводы и компании. Корейские фирмы и предприятия дают возможность китайским рабочим сформировать прочные христианские группы в рабочее время.

Безусловно, верующие китайские бизнесмены составляют экономическую основу христианской церкви. Они способны решать финансовые проблемы своих церквей. Но вместе с тем феномен «христианин-бизнесмен» ставит перед китайской христианской общиной ряд вероучительных и социально-политических вопросов и проблем, которые требуют своевременного решения. В их числе находится вопрос о церковной собственности и богатстве. Существует проблема создания внутригосударственного церковного механизма взаимопомощи христиан и уменьшения вмешательства скрытой финансовой помощи извне.

Не претендуя на всесторонний анализ современного китайского христианства, в данной статье мы обозначили ряд специфических черт христианства, сформировавшихся под влиянием политических, социальных, экономических и культурных факторов современного общества КНР. Резюмируя вышесказанное, заметим, что христианство в Китае исповедуют представители разных социальных групп. Для сельских жителей вера имеет преимущественно иррациональные основания и преследует утилитарные цели. Христианские городские сообщества неоднородны в силу экономических, социальных и культурно-образовательных причин. Функционируют религиозные группы, состоящие из бывших крестьян и сочетающие признаки сельской и городской общин. Есть и христианские сообщества коренных горожан. Для них христианство значимо как универсальная система, удовлетворяющая духовные запросы. Представители китайской интеллигенции — студенты, аспиранты, преподаватели вузов заинтересованы в удовлетворении интеллектуальных и психологических запросов. Для них христианство связано с мультикультурализмом, с поиском ответов на мировоззренческие вопросы за пределами собственных философско-религиозных систем. Экономическую основу современных китайских христианских церквей составляют представители бизнеса, заинтересованные в корпоративном духе и христианских морально-нравственных принципах для своих предприятий. Их умонастроениям, духовным потребностям, образу жизни наиболее близко христианство протестантского толка.

-
1. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002.
 2. Дацзышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. С. 64.

3. *Иванов П.* (священник). Из истории христианства в Китае. М.: ИВ РАН, 2005; *Поздняев Д.* (священник). Православие в Китае (1900–1997 гг.). М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998.
4. *Дацзышен В.Г.* Христианство в Китае... С. 6.
5. По данным Синей книги 2010 г., опубликованной АОН Китая. В обобщенном виде информация представлена на разных русскоязычных интернет-порталах:
URL: http://www.religare.ru/2_79157.html; URL: <http://old.cnlnews.tv/2010/09/14/china>;
URL: <http://www.sedmitza.ru/news/1470531.html> (дата обращения: 19.10.2016).
6. *Aikman D.* Jesus in Beijing: How Christianity Is Transforming China and Changing the Global Balance of Power. Washington: Regnery Publishing, 2003. P. 7–8.
7. *Тан Сяофэн.* Чжунго цзидуцзяо тянье каоча : [Полевые исследования христианства в Китае]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2014.
8. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
9. Там же.
10. *Ломанов А.В.* Указ. соч.
11. *Тан Сяофэн.* Указ. соч. С. 17–18.
12. Там же. С. 18–19.
13. Там же. С. 18.
14. Там же. С. 16.
15. *Yang F.* Lost in the Market, Saved at McDonald's: Conversion to Christianity in Urban China // Journal for the Scientific Study of Religion. 2005. № 44 (4). P. 423–441.
16. *Поздняев Д.* Православное сознание и китайский мир: от конфликта к диалогу. URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41296.htm> (дата обращения: 14.01.2015).
17. *Yang F.* Why Christianity is Thriving in China Today. URL: <http://www.purdue.edu/crcs/itemMeetings/globalChinaForum/2010/YangFenggang/YangFenggang.html> (дата обращения: 20.08.2012).
18. *Дацзышен В.Г.* Христианство в Китае... С. 209.
19. *Тан Сяофэн.* Указ. соч. С. 9.
20. Там же. С. 9.
21. *Хуа Х.* Дасюэшен синьян цзидуцзяо чжуанкуан дяоча : [Исследование христианской веры студентов вузов]. URL: <http://www.pacilution.com/ShowArticle.asp?ArticleID=1598> (дата обращения: 20.12.2014).
22. Там же.
23. *Тан Сяофэн.* Указ. соч. С. 7–9.
24. Там же. С. 7–9.
25. *Хуа Х.* Указ. соч.
26. *Тан Сяофэн.* Указ. соч. С. 7–9.
27. *Ching J.* Chinese Religions. London, 1993.
28. *Yang F.* Op. cit. P. 425.
29. *Тан Сяофэн.* Указ. соч. С. 7–9.
30. Там же. С. 7–9.
31. *Вебер М.* Указ. соч.
32. *Тан Сяофэн.* Указ. соч. С. 9–13.
33. Там же. С. 9–13.
34. Там же. С. 9–13.
35. *Ван С.* Чжунго хуэй ши жэньшу цзуйдо дэ цзиду ту гоцзя ма? : [Китай будет страной с самым большим количеством христиан?]. URL: <http://www.wangshi.tv/index.php/blogdetail?pid=1544> (дата обращения: 14.01.2015).

Научная жизнь

XXII международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы»

12–13 октября 2016 г. в Москве состоялась XXII международная научно-практическая конференция «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы».

В конференции приняли участие более 100 отечественных экспертов-китаеведов, специалистов по различным аспектам российско-китайских отношений, внутренней и внешней политике КНР, ученые, занимающиеся вопросами китайской экономики, социальной политики, культуры и искусства. География участников была достаточно обширной и представительной — от Москвы, Санкт-Петербурга, Курска, Казани до Новосибирска, Улан-Удэ, Читы, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока. В ней также приняли участие более 40 иностранных ученых, включая специалистов Китая и Тайваня. В работе конференции участвовали работники министерств и ведомств РФ, российские и китайские дипломаты, а также журналисты двух стран.

Эта 22-я общероссийская и международная дискуссия по широкому кругу проблем, связанных с Китаем, одновременно явилась юбилейным форумом, поскольку с момента создания ее организатору — Институту Дальнего Востока РАН, головному научному учреждению страны по проблемам Восточной Азии и АТР исполнилось 50 лет.

Именно об этом важном для российского востоковедения событии напомнил в своем вступительном слове директор ИДВ РАН д.и.н., профессор С.Г. Лузянин, который подчеркнул, что за прошедшие десятилетия ИДВ превратился в головное научно-исследовательское учреждение Российской академии наук, координирующее изучение современных Китая, Японии, Кореи, стран АСЕАН. Кроме этого ИДВ занимается анализом работы ШОС, БРИКС и изучением проблем безопасности в Северо-Восточной Азии. Он особо отметил, что именно ИДВ РАН выступает инициатором и организатором проведения ежегодных международных конференций «Китай, китайская цивилизация и мир». По его словам, за 50 лет ИДВ РАН стал одним из крупнейших научных центров комплексного изучения Китая, Японии, проблем Корейского полуострова, Юго-Восточной Азии, отношений России со странами этих регионов, а также таких организаций и структур, как ШОС, БРИКС, РИК.

Поэтому неслучайно выступивший на пленарном заседании вице-спикер Совета Федерации Федерального Собрания РФ Ильяс Умаханов особо подчеркнул роль ученых-китаеведов Института в подготовке аналитических и справочных материалов для руководящих органов страны, в углубленном исследовании серьезных проблем и перспектив наших отношений с Китаем. И. Умаханов вручил директору ИДВ С. Лузянину Почетную грамоту Совета Федерации, подчеркнув, что с вручением этой высшей награды Совета Федерации Федерального Собрания РФ связана высокая оценка работы российских ученых-востоковедов. Ученые ИДВ РАН получили поздравления от МИД Рос-

сии, других министерств и ведомств, российских исследовательских центров, а также от китайских партнерских организаций и аналитических учреждений.

Приветствуя российских и зарубежных участников конференции, заместитель главы дипломатической миссии КНР в России **Чжан Сяо** напомнил, что проведение ИДВ РАН регулярных форумов «Китайская цивилизация и мир» служит интересам России и Китая, их отношениям всеобъемлющего стратегического партнерства.

Для участия в дискуссиях конференции из Китая прилетели около 40 ученых, занимающихся анализом различных аспектов внутренней и внешней политики КНР.

Во время общего пленарного заседания ведущие ученые выступили с важными научными сообщениями. Бывший президент Киргизии академик РАН **Аскар Акаев** посвятил свой доклад роли Шанхайской организации сотрудничества в реализации евразийской стратегии центрально-азиатских стран, России и Китая. Особое внимание он уделил влиянию проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) на рост потенциала ШОС. Доклад заместителя директора ИДВ РАН **В.Я. Портякова** был посвящен росту экономической мощи КНР и ее сравнительному анализу с современной совокупной мощностью США.

Инициативе ЭПШП и сотрудничеству Китая с Евразийским экономическим союзом было посвящено выступление китайского эксперта **Юань Чунцяна** из Китайской академии современных международных отношений (КАСМО). Президент Международного института Питирима Сорокина, профессор **Ю.В. Яковец** сконцентрировал внимание на вопросе об авангардной роли Китая и России в цивилизационной революции XXI века. Аналогичные проблемы подняли китайские ученые **Да Чжиган** и **Лю Шуан** из Хэйлунцзянской Академии общественных наук, рассматривая эту тему в контексте проекта «Один пояс, один путь». Профессор **Н.А. Самойлов** из Санкт-Петербургского университета отразил в своем докладе визиты китайских посольств в Россию во второй половине XIX в. как важный фактор социокультурного взаимодействия между двумя странами. На пленарном заседании выступил также профессор **Чжан Юн** (КНР) с докладом «Особая роль Шанхая в проекте «Один пояс, один путь».

В первый день форума под председательством заместителя директора ИДВ РАН **А.В. Островского** состоялся круглый стол на тему «Экономический пояс Шелкового пути: проблемы и перспективы». В обсуждении этого вопроса, актуального для внешнеэкономической стратегии КНР и дальнейшего развития ее отношений с ЕАЭС и Россией, приняли участие 15 российских и китайских ученых. Особое внимание привлекли выступления двух участников конференции из КНР — профессоров **Цзэн Шаодун** и **Сюй Гуанмяо** — о сопряжении российско-китайского сотрудничества в рамках реализуемой руководством КНР инициативы «Морской Шелковый путь XXI века». В рамках обсуждавшейся темы были затронуты вопросы о перспективах российско-китайского сотрудничества в Арктике в рамках развития Северного морского пути и морской культуры на южных морях, омывающих провинции Гуандун и Фуцзянь.

Основные дискуссии развернулись во второй день работы конференции в рамках секционных заседаний «Экономика Китая» (руководитель секции — проф. **А.В. Островский**), «Внешняя политика КНР» (руководитель — заместитель директора ИДВ РАН, к.и.н. **С.В. Уянаев**), «Внутренняя политика» (руководитель — д.полит.н. **А.В. Виноградов**), «Китай: история и современность» (руководители — д.и.н. **Н.Л. Мамаева**, к.и.н. **Д.А. Смирнов**), «Китайский язык, образование, литература и искусство» (руководители секции — д.филол.н. **О.И. Завьялова**, к.филол.н. **А.Н. Коробова**).

На секции «Экономика Китая» были представлены 20 докладов, непосредственно на ее заседании выступили 17 докладчиков.

Несколько докладов были посвящены проблемам народонаселения и урбанизации. Доклад **Е.С. Баженовой** (ИДВ РАН) затронул изменения в демографической политике, связанные с переходом от однодетной к двухдетной семье в свете решения 5-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.), обусловленного старением населения и сокращением в нем доли рабочих возрастов. В совместном докладе **Н.Е. Русановой** (Ин-

ститут социально-экономических проблем народонаселения РАН) и Ван Е (КНР) были проанализированы вспомогательные репродуктивные технологии в Китае в рамках демографической политики, направленной на ограничение рождаемости. Два доклада — И.Г. Чубарова (ИДВ РАН) и И.В. Ставрова (Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН) были посвящены проблемам урбанизации в КНР. В докладе И.Г. Чубарова рассматривался новый этап китайской урбанизации, в ходе которого резко выросла доля городского населения в результате упрощения системы регистрации в городах. И.В. Ставров посвятил свой доклад анализу развития городов ресурсного типа на примере провинции Хэйлуцзян как территории возрождения старой промышленной базы Китая.

В докладе В.В. Чуванковой (ИДВ РАН) акцент был сделан на массовое развитие частного предпринимательства в Китае, где главной тенденцией в последнее время стало инновационное предпринимательство. В свою очередь М.П. Глотова (ИМЭМО РАН) уделила основное внимание развитию технопарков в КНР, показав, каким образом достижения китайских технопарков способствуют переходу к инновационной модели развития экономики. Важную тему инновационного развития китайской экономики продолжила З.А. Муромцева (ИДВ РАН). В своем докладе она сделала вывод, что инновации производства стали одной из главных задач совершенствования системы предприятий в КНР на современном этапе. Л.В. Новоселова (ИДВ РАН) подробно проанализировала современные подходы в политике КНР по привлечению иностранного капитала и сделала вывод, что в настоящее время Китай сохраняет привлекательность для иностранных инвесторов.

Два доклада секции были посвящены быстрому развитию туристического рынка в Китае. Если раньше туризм в КНР был привилегией отдельных социальных слоев и групп с высокими доходами, то в последние годы он приобрел массовый характер. В докладе Е.О. Заклязьминской (ИДВ РАН) была показана растущая роль туризма в китайской экономике в период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) и спрогнозировано дальнейшее повышение роли туристической индустрии в КНР в 13-й пятилетке (2016–2020 гг.). Л.А. Понкратова (Амурский государственный университет) на примере зоны Благовещенск — Хэйхэ дала подробную характеристику трансграничному туризму России и Китая. В докладе было показано, что в настоящее время в условиях падения курса рубля по отношению к юаню происходят значительные изменения в сфере трансграничного туризма, связанные с увеличением потока китайских туристов в Россию и уменьшением количества российских туристов в Китае.

Три доклада секции были посвящены проблемам сельского хозяйства КНР. Л.А. Волкова (ИДВ РАН) дала подробный анализ экономической стратегии выхода за пределы страны (*изоучуцзой*) для решения аграрных проблем Китая, связанных с необходимостью обеспечения его растущего населения продовольствием при нехватке пахотных площадей. М.Р. Фомина (Азовский университет) в своем докладе об аграрном развитии Китая в условиях ГМ-революции сделала вызвавший спор дискуссионный вывод о том, что КНР для выполнения своих обязательств перед ВТО будет преодолевать существующее противоречие между «аграрным коммунизмом» и ГМ-индустрией, но не за счет уничтожения собственной системы земледелия, а путем экспансии на чужие территории, прежде всего в Россию. В то же время доклад Е.Ю. Садовской (Казахстан) подтвердил, что именно сельское хозяйство оказалось наиболее чувствительной сферой китайского присутствия в Казахстане, так как китайские инвестиции в его сельское хозяйство и использование для выращивания сельхозкультур казахских земель вызвали наибольшее количество социальных протестов в стране.

В.В. Величко (Украина) в докладе о развитии региональной экономики в КНР показал, что в настоящее время в ней налицо переходный период, который связан с наблюдающимся большим разрывом в уровнях экономического развития различных регионов страны. Два доклада были посвящены проблемам финансовой и банковской системы КНР в условиях «новой нормальности». В частности, И.В. Вахрушин (ИДВ РАН), говоря об особенностях функционирования фондового рынка в Китае, отметил, что с учетом

нынешних тенденций он будет продолжать развиваться. Цзя Сун (КНР) проанализировал процесс формирования банковской маржи в ходе экономической реформы в КНР. В его докладе было показано, что китайская экономика достигла предельного уровня макроэкономического роста, и невозможно однозначно ответить на вопрос о правильности проводимой Народным банком и правительством КНР финансовой политики, направленной на снижение процентных ставок на фоне сокращения инфляции и номинального роста ВВП.

В докладе В.Н. Коваленко (Центр азиатских исследований МГУ) было отмечено, что продвигаемый Китаем «пекинский консенсус» — новая модель экономического развития — становится одной из реальных альтернатив политике «вашингтонского консенсуса». Был сделан вывод, что Африка становится «полигоном», где на практике реализуется попытка тиражирования китайской социально-экономической модели в иных цивилизационных условиях, что чрезвычайно важно для КНР, претендующей на роль великой державы. А.В. Пиковер (ИДВ РАН) обозначил в своем докладе основные тенденции информатизации Китая и сделал важный вывод о дальнейшем ускорении развития связанных с ней отраслей экономики и особенно сферы услуг.

В работе секции «Внешняя политика КНР» приняли участие около 20 ученых, включая представителей экспертных центров ряда российских регионов, а также гостей из КНР — сотрудников Китайской академии современных международных отношений (КАСМО).

Было зачитано 12 научных докладов, тематику которых можно условно разбить на три основных блока: ситуация в мире, определяющие черты и глобальное измерение внешней политики КНР; региональный «срез» — положение в АТР, других районах и проявляющиеся там особенности китайской политики; двусторонние отношения Китая с различными государствами.

Доклады в рамках первой из обозначенных тем были открыты выступлением заместителя директора ИДВ РАН В.Я. Портякова о системных вызовах и рисках, с которыми сталкивается нынешняя внешняя политика КНР. Главным глобальным вызовом были названы «противодействие США дальнейшему возвышению Китая» и «противоречивый характер» его отношений с США, где стремление КНР выстроить с ними «новый тип отношений» соседствует с широко распространенным в китайском обществе убеждением, что именно США, усиливающие сдерживание КНР, являются ее основным противником и конкурентом.

К числу региональных опасностей докладчик отнес напряженность на Корейском полуострове, обострение споров о территориальной принадлежности островов Южно-Китайского моря, напряженный характер и остающиеся нерешенными вопросы китайско-индийских отношений.

Ряд общих вопросов, связанных с эволюцией внешней политики КНР, в том числе в прошлом столетии, был затронут в выступлениях главного научного сотрудника ИДВ Ю.М. Галеновича и ведущего научного сотрудника института А.О. Виноградова. В частности, была дана оценка места советско-китайских отношений во внешней политике КНР 1950–1980 гг., отражены имеющиеся и ныне особенности в интерпретациях этих отношений китайскими и российскими исследователями.

В сюжеты, связанные с глобальным контекстом, вошло обсуждение развития ситуации в треугольнике «РФ — КНР — США», прежде всего в контексте обострения в последние годы российско-американских отношений. Заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» А.С. Давыдов назвал такое обострение тревожным и не отвечающим интересам РФ, высказался за позитивные перемены, которые сделали бы более стабильными в том числе и отношения в российско-китайско-американском треугольнике. В ходе дискуссии участники обсудили позицию Китая, затронув, в частности, вопрос о потенциальной «посреднической роли» Пекина в улучшении отношений между Москвой и Вашингтоном. Китайские участники (ведущие эксперты КАСМО Ду Яньцзюнь, Юань Чунцян) такую вероятность («в случае появления воз-

возможности») не исключили. Аналогичные процессы поиска стратегического баланса в отношениях РФ, КНР, других стран Азии и АТР были также рассмотрены в сообщении китайского представителя **Бо Юнгуана**.

Региональная повестка китайской внешней политики, в том числе в контексте евразийской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), а так же курса Китая в АТР, была отражена в докладах представителей ИДВ **А.Г. Ларина**, **С.В. Уянаева**, **К.А. Санина**, а также в сообщениях **В.Л. Нежданова** (ТюмГУ), **А.В. Бояркиной** (Дальневосточный федеральный университет).

При этом были выделены такие тезисы, как системный характер нынешней китайской инициативы, нацеленность ЭПШП на решение целого спектра стоящих перед КНР крупных экономических и других, в том числе политических и культурно-гуманитарных задач, наличие в китайском мегапроекте как вызовов, так и шансов для развития российско-китайского сотрудничества, стремление КНР занять «достойное место» в рамках дальневосточной подсистемы международных отношений, антикитайский характер американской стратегии «перебалансировки в АТР». В ряде докладов (**Е.И. Сафронова**, **С.В. Уянаев**) была подчеркнута сохраняющаяся тенденция активного участия Китая в ряде региональных (и глобальных) структур многостороннего взаимодействия (ШОС, БРИКС, РИК). При этом рассматривались интересы, цели, используемый в отношении данных структур инструментарий китайской политики, включая ее правовые аспекты, в частности, связанные с объединением БРИКС (доклад ведущего эксперта Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **Н.М. Бевеликовой**).

Заметное место было уделено вопросам двусторонних отношений. В частности, в докладе ведущего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН **Л.А. Забровской** были прослежены перемены в китайской политике в отношении КНДР. Пекин, по мнению докладчика, стал проявлять повышенную озабоченность в связи с опасными для него региональными рисками, которыми чревата активизация ракетно-ядерной программы КНДР. Этим объясняется более жесткая «северокорейская» позиция, избранная в последнее время Китаем (что нашло отражение в присоединении к международным санкциям против КНДР). С другой стороны, в КНР сохраняется твердое понимание, что режиму в Пхеньяне в качестве «платы» за отказ от своих военных программ должны быть даны твердые гарантии, что КНДР «нельзя загонять в угол».

Некоторым специфическим вопросам отношений КНР с Японией (сотрудничество в научно-технической сфере) были посвящены основные тезисы выступления **Г.Н. Романовой** (ИИАЭ ДВО РАН). По мнению докладчика, с точки зрения КНР такое сотрудничество отвечает интересам роста экономического и инновационного потенциала страны, хотя и содержит риски «усиления иностранного влияния».

С обстоятельным докладом по вопросам китайско-монгольских отношений выступил доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Восточного института Бурятского государственного университета **А.В. Родионов**. В сообщении было подчеркнуто, что в 1990-х годах в результате резкого ослабления связей между новой Россией и Монголией заметно укрепились отношения последней с КНР. Торговые связи между странами возросли с 2% в 1990 г. до 56% в 2014 г. от общего объема внешней торговли Монголии. Китай в 1990–2013 гг. инвестировал в монгольскую экономику порядка 4 млрд долл., занимая по этому показателю лидирующие позиции.

В то же время, отмечал докладчик, Китай не может рассматриваться в качестве самого желанного партнера для Монголии. Одним из рисков и угроз в Улан-Баторе видят фактор экономической зависимости от южного соседа, которая способна в перспективе перерасти в политическую. Аналогичный характер носит также угроза демографического и криминального давления со стороны Китая. Особое место при анализе монголо-китайских отношений занимает проблема исторической памяти, связанная с борьбой монголов за независимость. С одной стороны, заключил докладчик, без сотрудничества с южным соседом будущее Монголии немыслимо. С другой, существуют названные риски.

Данные обстоятельства стимулируют сохранение интереса Монголии к отношениям с другими странами, прежде всего с Россией, способной обеспечить баланс сил.

Временной формат секции не позволил охватить весь комплекс вопросов, связанных с объемным феноменом внешней политики КНР. Однако обсуждение всех затронутых вопросов, по солидарному мнению участников, стало важным вкладом в лучшее понимание целей, интересов и методов реализации курса КНР на международной арене.

В работе секции «Внутренняя политика» было представлено 19 докладов, в том числе пять из КНР. В ней приняли участие в общей сложности 27 человек, с докладами выступили 13 человек, среди них четыре участника из Китая.

Первым слово было предоставлено проф. Чэнь Хайхуну (КНР) с докладом «Сохранение вековых традиций китайской конфуцианской школы», который был посвящен вопросам развития конфуцианства и политике современного китайского руководства по интеграции конфуцианского учения в проводимые широкомасштабные реформы. По мнению ученого, на фоне усиливающегося влияния западной культуры, привнесения чуждых китайской цивилизации западных ценностей конфуцианство способно возродить любовь и уважение китайских граждан к своей национальной культуре, традициям и образу жизни.

В докладе проф. Дун Гэньхуна (КНР) «Цивилизационная поднебесная концепция конфуцианства» было особо подчеркнута значение учения Конфуция и его последователей в деле поддержания безопасности и стабильности в мире. Конфуцианство, по мнению ученого, способствовало формированию у Китая особой ответственности за происходящие на международной арене события, и КНР способна исполнить завет Конфуция о поддержании порядка в мире.

Э.П. Пивоварова (ИДВ РАН) в своем докладе «Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР» проанализировала эволюцию взглядов всех поколений руководителей КПК с момента основания партии. Показав сложный и противоречивый характер формирования взглядов китайских руководителей на основные проблемы социально-экономического развития, докладчик подчеркнула способность китайского руководства к инновациям, исправлению ошибок и, как следствие, поступательный характер экономического развития КНР.

Проф. Ян Лун (КНР) выступил с докладом «Механизм двойного продвижения в китайских реформах». В КНР существует механизм «высшего планирования», который означает, что ЦК КПК определяет идеологию и методы достижения основных целей развития. На 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва была поставлена задача сочетать механизм «высшего планирования» с механизмом «высшей инициативы», суть которого состоит в контроле за деятельностью власти на местах для продвижения стратегических целей и курса центра.

В докладе А.В. Виноградова (ИДВ РАН) «Новый этап китайских реформ» были проанализированы проблемы развития Китая, которые являются следствием не конкретных политических и экономических процессов в стране, а вызовов, связанных с новым этапом общественного развития. По мнению докладчика, распространение электронных средств массовой коммуникации ведет к формированию новых моделей социальных отношений и сравнимо по своим последствиям с утверждением в Европе городской культуры Нового времени. По своим политическим последствиям в плане вовлеченности населения этот процесс может превзойти политические процессы начала XX в.

В.Ф. Бородич (ИДВ РАН) в своем докладе «Стратегический маневр Си Цзиньпина» проанализировал его курс после XVIII съезда КПК, который не выглядит логичным продолжением курса его предшественников. Публикации Си Цзиньпина и созданные по его инициативе новые госструктуры, считает В. Бородич, увеличили его политический ресурс и влияние в партии и государстве и позволили, не дожидаясь очередного XIX съезда КПК, скорректировать политическую стратегию государства. В этом и заключается суть стратегического маневра Си Цзиньпина, предпринятого по ряду причин, в том числе из-за угрозы перерождения партийно-государственной номенклатуры в силу,

руководствующую не интересами страны, а своекорыстными личными и корпоративными интересами.

Доклад проф. Сюй Сина (КНР) «Исследование китайской системы многопартийного сотрудничества и межпартийного контроля» был посвящен проблеме взаимодействия правящей КПК и восьми других демократических партий. Отмечено, что, несмотря на общее руководство деятельностью демократических партий со стороны КПК, их влияние на происходящие в государстве процессы с каждым годом растет. В докладе подчеркивалась важность усиления межпартийного сотрудничества между КПК и демократическими партиями для укрепления стабильности в государстве и обществе.

А.А. Семенов (ИДВ РАН) представил доклад «Перспективы развития принципов меритократии в политической системе КНР», в котором отмечается, что в последние годы китайское правительство предприняло попытку создать систему, основанную на принципе меритократии, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди. Меритократия рассматривается в Китае как альтернатива западной либеральной демократии с точки зрения эффективности государственного управления и предполагает наличие многочисленных формальных квалификационных критериев. По мнению докладчика, возникающая в Китае система, сочетающая элементы демократии на низовом уровне и меритократии на высшем, может стать элементом будущей политической реформы в стране.

Выступление Ю.Ю. Перепелкина (ИДВ РАН) было посвящено четырем годам пребывания у власти пятого поколения китайских руководителей. XVIII съезд КПК, на котором оно пришло к власти, сформулировал перечень проблем развития Китая, для решения которых пятое поколение руководителей КНР на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва в ноябре 2013 г. выдвинуло собственную целостную программу действий. Был взят курс на дальнейшую либерализацию рынков капиталов и труда, расширение социальной поддержки населения при одновременном укреплении политических позиций КПК.

Докладчик обратил внимание на создание новых структур в рамках ЦК КПК — руководящие группы по всестороннему углублению реформ, информатизации и безопасности в Интернете, а также Совет государственной безопасности. Все три новых руководящих органа ЦК КПК возглавил Си Цзиньпин, который сосредоточил в своих руках практически все основные рычаги власти.

П.В. Трошинский (ИДВ РАН) в докладе «Особенности юридической политики современного Китая» отметил, что происходящие в КНР перемены усиливают взаимосвязь политики и права, трансформируют содержание и направленность правового регулирования. Китайской государственности свойственно переплетение политических событий с процессом формирования и использования права. Законодательство становится важной составляющей модернизационной стратегии страны. По мнению докладчика, при решении вопросов государственно-правового строительства для КНР не характерно бездумное привнесение зарубежных правовых институтов и норм в национальное законодательство без учета собственных особенностей, а в политико-правовой сфере сохраняется приоритет государственных интересов над интересами общества и личности.

Выступление О.Ю. Адамс (МГУ) «Законодательный контроль как составная часть новой антикоррупционной стратегии КНР на период 2013–2017 гг.» было посвящено последним изменениям в законодательстве, суть которых состоит в том, что впервые китайскому обществу отводится роль равноправного партнера в антикоррупционной работе.

С.А. Горбунова (ИДВ РАН) посвятила свое выступление «Современная миссия китайского буддизма» тем текущим вызовам, с которыми в различных социумах сталкиваются последователи мировых религий. В связи с этим на примере китайского буддизма рассматривалась серьезная проблема соблюдения баланса между служением на благо веры и деятельностью в соответствии с развитием общества.

Т.В. Лазарева (ИДВ РАН) выступила с докладом на тему «Шелковый путь как фактор развития Синьцзян-Уйгурского автономного района», в котором рассмотрела влияние стратегии «Один пояс, один путь» на развитие Синьцзяна, которому в ней отво-

дится ведущая роль. Однако, по мнению докладчика, состояние транспортной инфраструктуры и уровень социально-экономического развития этого региона пока не отвечает необходимым условиям реализации упомянутой стратегии.

На секции истории было представлено 18 докладов, которые продемонстрировали стремление к изучению истории Китая во всем ее многообразии и развитии. Их можно сгруппировать в несколько тематических блоков: внешняя политика Китая и международные отношения в различных временных и содержательных аспектах с древнейших времен до наших дней; военная политика; внешние влияния идейно-культурной направленности на Китай (новая тема в отечественной историографии); внутренняя история КНР.

В выступлении А.С. Ипатовой (ИДВ РАН) было подчеркнуто, что современное российское Китаеведение обладает фундаментальной документальной базой для изучения российско-китайских отношений в XVII—XX вв. Проследивая историю развития этого направления в историографии, докладчик отметила значительную роль ИДВ РАН. В рамках многотомной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.» (ответственный редактор серии — академик С.Л. Тихвинский) издано 10 томов. Четыре тома находятся в стадии подготовки.

К внешнеполитическому блоку вплотную примыкает тема «Приморье в период правления династии Юань (1271—1368 гг.), которая, как следует из доклада О.В. Дьяковой (ИИАЭ ДВО РАН), проводила политику утверждения своей власти в Приморье и включения его в рамки системы своего административного управления. И хотя, как утверждает докладчик, до сих пор не найдены достоверные источники, характеризующие степень подчиненности Приморья империи Юань, совершенно очевидно наличие неопровержимых археологических свидетельств присутствия монголов в постцизиньский период на юге, севере и в континентальной части Приморья.

Новые сведения об основании династии Юань, ее завоеваниях, о правителях Великого Юрта и империи Юань в Китае даются в докладе Ж.М. Тулибаевой (Институт истории и этнологии, Казахстан) на основе изучения исторического источника «Улус-и арба йи Чингизи» («Четыре улуса Чингизидов»), написанного на персидском языке в 1495 г.

Дискуссионная тема обстоятельств, причин и последствий советско-китайского договора о ненападении (август 1937 г.) была затронута в выступлении К.В. Черепанова (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского). Тщательно исследуя международную обстановку накануне и в начале японо-китайской войны, докладчик подчеркивал вынужденный характер подписания этого договора. Однако, к сожалению, он не уделил достаточного внимания одной из главных его целей — пресечению попытки реализации Японией идеи молниеносной войны и прекращению гражданской войны между Гоминьданом и КПК в качестве предварительного условия его подписания.

По-прежнему актуальна тема экономического сотрудничества КНР и СССР в 1950-е годы. Используя в значительной степени архивные документы, в своем выступлении к.и.н. И.Н. Сотникова (ИДВ РАН) убедительно говорила об огромном вкладе СССР в строительство индустриальной базы КНР как основы дальнейших успехов страны в экономической сфере.

На фоне исторического развития Тайваня и стран АСЕАН Е.Н. Степанова (ИДВ РАН) подробно рассмотрела изменения во взаимодействии между ними. Исторический экскурс в сферу политики Тайваня в отношении АСЕАН выявил постоянное стремление острова, усилившееся с 2000 г., расширять пространство для международных маневров, а нынешнее сближение со странами АСЕАН использовать для выхода из политической изоляции.

Военная тематика прослеживалась в двух докладах — И.Е. Пожилова (ИДВ РАН) и д.и.н. Б.Н. Горбачева (Академия военных наук). И.Е. Пожилов касался интересной страницы жизни известного военного деятеля КНР Чжу Дэ, его пребывания в Германии в начале 1920-х годов, связанного со стремлением молодого коммуниста «поднабраться знаний», как военных, так и идеологических. На родине марксизма он стремился понять основы марксистского учения. В докладе Б.Н. Горбачева была представлена ха-

рактеристика отечественной историографии по вопросу о роли вооруженных сил Китая со времен «культурной революции». По мнению докладчика, после нормализации отношений между СССР и КНР основное внимание историков уделялось модернизации НОАК и военно-техническому сотрудничеству между Россией и Китаем. В настоящее время в НОАК осуществляется радикальная реформа систем управления. Армия в Китае традиционно играет важную роль во внутренней и внешней политике страны.

Б.М. Кондорский (НПФ «Синбиас») в своем докладе предпринял попытку выделить понятие «революционный период» как целостную пространственно-временную систему, имеющую свои закономерности. По мнению докладчика, Китай делает упор на геоэкономическую составляющую геополитического пространства, выдвигая концепцию формирования Экономического пояса Шелкового пути.

Внешнее идейно-культурное влияние на Китай ассоциируется в историографии в первую очередь с влиянием европейских учений. Как отмечалось в докладе **А.А. Лобовой** (МГУ), знакомство Китая с достижениями западной мысли началось в конце XIX в. Российская наука обращалась к этой теме недостаточно активно, а в китайской историографии анализ влияния западных идей на социально-политическую мысль Китая вообще отсутствует. Таким образом, речь идет о начале процесса изучения этой актуальной темы.

Патриотическое «Движение 4 мая» 1919 г., оценка которого, как представлено в докладе д.и.н. **А.В. Ломанова** (ИДВ РАН), вызывала у китайской интеллигенции 1930-х годов, прежде всего у Ху Ши, определенное затруднение, тем не менее исходила из признания и распространения идей свободы мысли и свободы личности, что отличало «Движение 4 мая» от направленности национальной революции 1920-х годов и от содержания Октябрьской революции в России, а также отождествляла его с продолжением «Движения за новую культуру» с его раскрепощением сознания и отрицанием конфуцианских догм.

Как подчеркивалось в докладе к.э.н. **О.Н. Борох** (ИДВ РАН), одной из специфических черт передовой китайской интеллигенции являлось стремление к изучению западных трудов различной направленности с целью определения китайского пути развития. Показательным примером подобной деятельности стала творческая жизнь Ван Яняна, которому принадлежал первый полный перевод «Капитала» К. Маркса на китайский язык, изданный в 1938 г. в оккупированном Шанхае.

Теме идейно-культурного влияния России на «Движение за новую культуру» в Китае были посвящены два доклада — **Н.Л. Мамасвой** (ИДВ РАН) и **А.Л. Верченко** (ИДВ РАН). **Н.Л. Мамаева** сосредоточила внимание на начальном, дооктябрьском периоде влияния России на «Движение за новую культуру». Как следует из доклада, китайские революционеры внимательно изучали опыт русской революции 1905 г., Февральской революции 1917 г., идеи народников и анархистов. В докладе **А.Л. Верченко** представлен интересный материал, связанный с содержанием статей, написанных как до, так и после Октябрьской революции. Она отметила, что после Октябрьской революции Чэнь Дусю как главный редактор журнала «Синь циннянь» посвятил целый номер журнала русской революции и марксизму, пробуждая интерес к идейным и культурным сторонам жизни России.

Ряд докладов был посвящен изучению внутренних проблем КНР. Важная по своему значению тема эволюции органов государственного управления КНР (1949 г. — нач. XXI в.) была представлена в докладе **А.В. Ершова** (ИДВ РАН), который отметил, что контуры управленческой системы в новом Китае были созданы в 1954 г. с принятием первой Конституции. С 1982 г. начался процесс регулярного реформирования управленческого аппарата, почти полностью разрушенного в годы «культурной революции». Реформирование идет медленными темпами, однако осуществлен ряд эффективных мер, формирующих систему управления, основанную на верховенстве права.

Теме общественно-политических движений в КНР был посвящен доклад **Т.Г. Герасимовой** (ИДВ РАН). Прошло 40 лет с тех пор, как 5 апреля 1976 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь состоялись народные антимаоистские волнения, совпавшие с поминовением незадолго перед тем скончавшегося премьера Чжоу Эньлая, отношение властей к ко-

тому было сдержанным. Тяньаньмэньский инцидент стал одним из проявлений внутриполитической борьбы накануне смерти Мао Цзэдуна и предтечей начала реформ.

Н.В. Анисимцев (ИДВ РАН) в своем докладе показал процесс выработки правовых актов и положений о защите прав интеллектуальной собственности в современном Китае, что отвечает целям и правилам международного культурного и научно-технического сотрудничества, способствует развитию предпринимательства и творчества в стране. Как отметил докладчик, в Китае сложились различные системы, направленные на претворение в жизнь законодательства об охране прав интеллектуальной собственности. Поступательное прогрессивное развитие в КНР данной области права неоспоримо.

Тема культуры как объединительного фактора в межгосударственных отношениях, включающего вопросы охраны памятников старины, разумного отношения к природе и т.п., послужила основой организации Пакта Н.К. Рериха в Харбине и содержанием доклада **Ю.В. Бельнич** (ИИЕТ РАН). 5 сентября 1934 г. был учрежден «Комитет Пакта Рериха по охране религиозных, художественных и научных ценностей». Кратковременный, но плодотворный период сотрудничества двух крупных ученых Н.К. Рериха и Э.Э. Анерта (естествознание и геология) в создании международной системы охраны культурного наследия завершился 23 ноября 1934 г. Своей работой сложившееся вокруг двух выдающихся личностей научное сообщество внесло весомый вклад в изучение истории «остатков древних культур и верований» в Маньчжурском крае.

Д.А. Смирнов (ИДВ РАН) в докладе об основных направлениях эволюции двух политических режимов в Китае представил достаточно объективную картину существующих реалий, отразив «новую струю» в политике континентального Китая, направленную на установление единого государства «китайской мечты», которая включает сплочение с Тайванем под лозунгом возрождения Китая как великой державы.

На секции «Китайский язык, образование, литература, искусство» были представлены 15 докладов, а непосредственно на заседании секции выступили 14 докладчиков.

Различным аспектам языковой политики в современном Китае были посвящены доклады **И.Г. Актамова** (Восточный институт Бурятского государственного университета) и **О.И. Завьяловой** (ИДВ РАН). Россия и Китай, подчеркнул И.Г. Актамов, осуществляют весьма схожую языковую политику. Обе страны — многонациональные государства, для стабильности и процветания которых важны добрые отношения между населяющими их этносами. Языки национальных меньшинств в России и Китае находятся под юридической защитой государства, что отражено в ряде законодательных документов. Языковая политика стала одним из направлений внешней политики РФ и КНР, созданы специальные структуры, занимающиеся продвижением русского и китайского языков в разных странах (фонд «Русский мир» и Канцелярия по распространению китайского языка за рубежом «Ханьбань»).

Без участия лингвистов, отметила в своем докладе **О.И. Завьялова**, не мыслится ни модернизация китайского общества, ни сохранение его тысячелетнего лингвокультурного наследия, высоко ценимого в современном Китае. При всем языковом разнообразии страны число носителей даже крупных китайских диалектов, прежде всего в больших городах, при переходе их носителей на *путунхуа* постепенно сокращается. В отдаленных районах малочисленные диалекты и языки народов Китая поглощаются другими диалектами или языками. С учетом этих процессов китайские лингвисты решают сейчас несколько задач, включенных в программу лингвистических исследований в 2012–2020 гг. После провозглашения в 2013 г. стратегии «Один пояс, один путь» объектом особого внимания лингвистического сообщества стали языки сопредельных стран и трансграничные языки народов КНР, которые распространены также на территории граничащих с Китаем государств.

Проблемы изучения и сохранения лингвокультурного наследия в Китае затрагивались также в других докладах, сделанных на секции. **В.Б. Виноградская** (ИДВ РАН) рассказала о переводе письменных памятников разных периодов в цифровой формат и создании индексированных корпусов (собраний) текстов с разнообразными возможно-

стями расширенного поиска. Самый крупный и наиболее выдающийся подобный проект в настоящее время — «База китайских основных древних книг» (*Чжунго цзибэнь гуци ку*), состоящая из 10 тыс. сочинений на основе 12 тыс. лучших изданий с расставленными знаками препинания, которые отсутствовали в исходных классических текстах, и с оригинальными иллюстрациями. Общий объем корпуса составил 1 млрд 700 млн иероглифов и 10 млн изображений, что в три раза больше, чем знаменитое «Собрание книг по четырем разделам» (*Си ку цюань шу*) XVIII в., и составляет приблизительно 2/3 всего сохранившегося массива текстов традиционной китайской культуры. Многие произведения из оставшейся 1/3 еще не получили должного научного описания, и поэтому именно они становятся сейчас приоритетными направлениями исследований китайских филологов.

Об изучении списка имен знаменитых людей на сайте, посвященном разделу китайской традиционной науки «учение о родине» (*госюэ*), шла речь в докладе **Н.Н. Воропаева** (ИДВ РАН). *Госюэ* включает, во-первых, саму совокупность традиционно признанных в Китае фундаментальных основ духовной культуры, образованности и учености и, во-вторых, комплексную междисциплинарную науку о Китае и его культуре, прежде всего о языке, литературе, истории, религии и философии. Некоторые грамматические особенности китайских письменных памятников разных периодов были проанализированы в докладе **К.В. Антонян** (ИЯ РАН).

Особое внимание в представленных на секции докладах было уделено современной китайской литературе и театру. Настоящий бум, как отметила **А.Н. Коробова** (ИДВ РАН), переживает в Китае литература для детей и юношества. Детская литература КНР в 1990-х и 2000-х годах во многом отошла от свойственной ей ранее дидактичности и нередко преследует развлекательные цели. Публикацией детских книг занимаются более 500 издательств: стабильно высокий спрос на детские книги на книжном рынке не в последнюю очередь обусловлен игровыми приложениями к ним в интернете. Наряду с классиками детской литературы (Лу Синем, Лао Шэ, Е Шэнтао, Бин Синь) среди детей младшего и среднего школьного возраста популярны книги в стиле фэнтези. В 2016 г. на международной ярмарке детской книги в Болонье самой престижной международной премии для детских авторов — премии Г.-Х. Андерсена — был удостоен китайский писатель Цао Вэньсюань, профессор Пекинского университета и заведующий кафедрой современной литературы. Он известен романом «Бронза и Подсолнух» (2005) о дружбе немого деревенского мальчика и городской девочки в тяжелый период «культурной революции».

О творчестве Чжан Лин (р. 1957), одной из ярких представительниц современной китайской иммигрантской прозы, рассказала в своем сообщении **А.М. Букатая** (Белорусский государственный университет). Профессионально заниматься литературой Чжан Лин начала в 1990-х годах после переезда в Канаду. Большинство ее произведений представлено жанрами «малой» и «средней» форм, однако последний роман «Схватки» (2014) представляет панорамное описание жизни трех поколений женщин одной семьи. «Малая сцена» в театральном искусстве современного Китая стала темой доклада **Е.К. Шулуновой** (ИДВ РАН). Перемены, которые произошли в отношениях государства и театра в период реформ и открытости, рыночная экономика, пересмотр значения театрального искусства в жизни общества вывели из застойного состояния китайский театр, освободили его от тотального идеологического вмешательства, отметила докладчик. Появились небольшие коллективы — малые сцены в больших государственных театрах, малые негосударственные театры. Параллельно возникла ситуация постоянной борьбы за выживание, поскольку финансирование государством театров было сокращено, их жизнь осложнилась конкуренцией с телевидением и Интернетом.

О традициях и истории отечественного китаеведения шла речь в докладе трех авторов — скончавшегося в этом году известного китаеведа **О.М. Готлиба** и его коллег **Е.В. Кремнёва** и **Т.Е. Шишмаревой** (МГЛУ ЕАЛИ). Доклад был посвящен диссертации **И.М. Ошанина** «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», которая была защищена в Военном институте иностранных языков Красной Армии в 1943 г.

Особо следует отметить выступление Н.В. Захаровой (ИМЛИ РАН), в котором были изложены результаты оригинального исследования перевода православных гимнов с русского на китайский язык. Известно, что первые российские востоковеды заложили основы перевода с китайского, а также маньчжурского и монгольского языков на русский, и их деятельность в этой сфере изучена достаточно хорошо. Гораздо меньше внимания, отметила Н.В. Захарова, уделялось трудам православных миссионеров по переводу литургических текстов с русского языка на китайский. В российской синологии существует мнение, что пионером по переводу православных текстов был иеромонах Исайя (Поликин), который находился в Китае в 1858–1871 гг. Тем не менее переводы богослужебных текстов на китайский язык выполнялись, по-видимому, уже начиная с третьей Русской духовной миссии в Пекине (1736–1743), иначе говоря, тогда, когда потомки албазинцев (русских казаков поселенцев острога Албазин) перестали говорить на своем родном языке. В качестве образца при переводе христианских гимнов брали конфуцианские источники. Важной причиной обращения именно к конфуцианской традиции было то, что имея длительную практику участия в церемониях в конфуцианских храмах, китайские христиане-неофиты были подготовлены к службам в православном храме. Далее вставал вопрос выбора языка — классического *вэньяня*, на котором были написаны тексты конфуцианских гимнов, упрощенного *вэньяня* с несложными грамматическими формами и вкраплением разговорной лексики (этот язык постепенно получал распространение среди образованных китайцев), или разговорного *байхуа*. Выбор был сделан в пользу упрощенного *вэньяня*.

Всего в ходе секционных заседаний было сделано свыше 200 докладов и научных сообщений. Итоги конференции и особый акцент на практических вопросах приобрели особое звучание в контексте предстоявшего в первой декаде ноября визита в Санкт-Петербург премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна и проведения в Северной столице очередной встречи глав правительств России и Китая.

Особенностью XXII конференции «Китай, китайская цивилизация и мир» стало то, что под эгидой этого международного форума в МГУ прошли круглые столы — «Перспективы и проекты Евразийского инновационного туризма» и «О создании и основных направлениях Евразийского центра высоких технологий».

Регулярные встречи и обмены мнениями российских и китайских ученых, в которых наряду с москвичами принимают участие петербургские, бурятские, читинские, иркутские специалисты, ученые из других регионов, безусловно, укрепляют понимание экономической, внутренней и внешней политики соседнего государства, менталитета, культуры и истории великого народа, служат интересам дальнейшего укрепления российско-китайских отношений. Такие встречи расширяют научный потенциал российско-китаеведения, создают условия для углубленного общения между учеными различных стран, содействуют укреплению международного и, в первую очередь, российско-китайского экспертного сообщества.

© 2017

Материал подготовили: А.В. Виноградов, О.И. Завьялова, А.С. Исаев, А.Н. Коробова Н.Л. Мамаева, А.В. Островский, Д.А. Смирнов, С.В. Уянаев.

In memoriam

Памяти Якова Михайловича Бергера

В последний день 2016 года ушел из жизни авторитетный исследователь Китая, доктор исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» и главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Яков Михайлович Бергер.

Я.М. Бергер внес заметный вклад не только в изучение современного Китая, но и в распространение в нашей стране знаний о достижениях мировой общественно-научной мысли. И все же в первую очередь он был настоящим знатоком Китая. В кругу коллег Яков Михайлович нередко говорил, что «Китаем нужно заниматься долго», подразумевая необходимость накопления большого объема знаний и личного опыта для глубокой и адекватной оценки китайских проблем. Его жизнь служит примером длительной, успешной и плодотворной работы в этой сфере.

К изучению Китая Я.М. Бергер обратился в конце 1940-х годов еще до образования КНР. В 1952 г. он с отличием окончил китайское отделение Московского института востоковедения. В те годы советская система давала молодым людям возможность получить хорошее образование, но в некоторых случаях создавала неоправданные преграды для трудоустройства и карьерного роста. Не сумев поступить на исследовательскую работу, Я.М. Бергер начал сотрудничать с ВИНТИ, занявшись реферированием трудов китайских ученых по математике, биологии и другим естественным наукам. Познания молодого исследователя обогатились знаниями китайской научной терминологии. Летом 1953 г. его лексический запас стал еще богаче благодаря опыту работы переводчиком на китайской выставке сельского хозяйства и промышленности в Москве.

Осенью 1953 г. в Институте географии АН СССР Я.М. Бергер начал с переводов китайских материалов по физической географии КНР. Вскоре он приступил к собственным научным изысканиям. В 1957 г. ему довелось принять участие в совместной китайско-советской комплексной экспедиции в Синьцзяне, а в 1958 г. — побывать на стажировке в Институте географии АН Китая. Поездка по стране в период «большого скачка» побудила начинающего ученого задуматься о сути идеологических и политических процессов, происходивших в КНР.

В 1962 г., когда советско-китайские отношения начали охлаждаться, Я.М. Бергер защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему «Экономико-географическая характеристика Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР». Осложнение отношений с огромной соседней страной стимулировало советское руководство уделить больше внимания изучению Китая. В 1965 г. специальное научное подразделение было создано при Институте экономики мировой со-

циалистической системы АН СССР, где Я.М. Бергер занялся исследованиями индустриализации в Китае.

В 1966 г. постановлением ЦК КПСС закрытый отдел ИЭМСС был преобразован в Институт по проблемам современного Китая, который в открытой печати и переписке надлежало именовать Институтом Дальнего Востока АН СССР. Я.М. Бергер возглавил сектор информации ИДВ. На этой должности ему нужно было ознакомиться с большим объемом зарубежной литературы, чтобы отбирать наиболее ценное для перевода на русский язык. Он наладил выпуск двух институтских информационных бюллетеней — один был посвящен текущим событиям в Китае, другой публиковал аналитические материалы.

Впоследствии Я.М. Бергер стал руководителем сектора общих проблем ИДВ АН СССР, занимавшегося подготовкой аналитических записок по Китаю для высших инстанций. Ученый обратился к изучению «культурной революции», в 1967 г. под псевдонимом Я.Михайлов он опубликовал брошюру «К событиям в Китае», написанную в соавторстве с Б.Н. Занегиным и А.М. Григорьевым. Однако планы написать докторскую диссертацию по «культурной революции» остались неосуществленными.

В 1970 г. по приглашению Л.П. Делюсина ученый перешел на работу в ИНИОН АН СССР, где получил должность заведующего отделом научного коммунизма. Я.М. Бергер включился в активную работу по ознакомлению советской интеллектуальной элиты, имевшей доступ к выходившим под грифом «для служебного пользования» реферативным сборникам, с некоммунистическими концепциями общественного развития. Он занимался подготовкой переводов трудов Макса Вебера, Карла Ясперса, Карла Мангейма, Раймона Арона, Дэниела Белла и других ведущих западных мыслителей XX века. Незадолго до начала «перестройки» в 1984 г. под редакцией Я.М. Бергера вышла в свет коллективная монография «Современные буржуазные теории общественного развития».

Эти сюжеты были далеки от изучения Китая. Тем не менее Яков Михайлович не раз подчеркивал, что не сожалеет об этом периоде своей научной карьеры, благодаря которому ему удалось ознакомиться с западной литературой по общественным наукам, овладеть новыми методологическими инструментами, расширить понимание проблем современного мира.

В Китае начались реформы, которые вновь сделали изучение китайской экономики содержательным и увлекательным занятием. В 1980-е годы Я.М. Бергер обратился к исследованию перемен в жизни китайских крестьян. В 1987 г. он защитил в Институте востоковедения АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Социальные процессы в современной китайской деревне». В 1989 г. была опубликована книга под тем же названием.

Рост всеобщего интереса к китайским реформам происходил на фоне расширения доступности для отечественного читателя иностранных книг. Реферативные сборники ИНИОН утратили прежнее значение «окна в мир». После распада СССР широкий кругозор ученого в области общественных наук был востребован, в 1995 г. его пригласили в Институт «Открытое общество» директором программы по высшему образованию для организации работы по написанию новых вузовских учебников по гуманитарным и общественным наукам. И все же давний интерес к Китаю вышел на первое место. По приглашению главного редактора А.М. Григорьева в 1993 г. Я.М. Бергер стал заместителем главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».

В 2000 г. — через три десятилетия после перехода на работу в ИНИОН — Яков Михайлович вернулся к исследовательской работе в Институте Дальнего Востока. Он был очень рад тому, что смог полностью сосредоточиться на изучении современного Китая, ездить в страну и своими глазами наблюдать за ее развитием, публиковать на эти темы статьи и книги. Ученый занимался анализом экономических проблем Китая, в по-

следние годы жизни он уделял существенное внимание стратегическим концепциям китайского развития. В 2009 г. вышла в свет его монография «Экономическая стратегия Китая». За полтора десятилетия он опубликовал о Китае десятки научных статей и ряд глав в коллективных монографиях.

Я.М. Бергер продолжал творческую работу до последних дней жизни. В конце прошлого года вышла его статья «Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая» (Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 4–23). Яков Михайлович успел прочитать верстку, но ему так и не довелось подержать в руках журнал с этой публикацией. В редакционном портфеле осталась его статья «Становление Китая как глобальной инновационной державы», которая будет опубликована в одном из ближайших номеров.

Яков Михайлович запомнился нам тем, что до самого конца шел в ногу со временем. Он постоянно читал научную литературу, внимательно наблюдал за событиями в Китае и за дискуссиями китайских авторов, следил за публикациями своих российских коллег. Его искренне волновало, какой отклик получают его работы. Он счастливо избегал ловушки «научной смерти», настигающей тех, кто еще при жизни перестает стремиться к новым знаниям и теряет интерес к новым идеям.

В повседневном общении Яков Михайлович был отзывчивым, скромным и вежливым человеком, демонстрировавшим необычайное уважение к чужому мнению. Более полувека назад в 1959 г. вышла в свет его первая монография «Китай: экономико-географический очерк», в которой он поделился своим восприятием характера китайского народа — это трудолюбие, привычка к упорной кропотливой работе, высокая организованность и дисциплинированность. Наблюдая давку в переполненном общественном транспорте в Пекине, он отметил, что «никогда вы не услышите здесь повышенного, раздраженного тона».

Все эти характеристики можно применить к самому Якову Михайловичу. В повседневном общении он был воплощением конфуцианского духа толерантности и избегания крайностей. Среди афоризмов Конфуция есть слова о том, что благородный муж — *цзюньцзы* — способен жить в гармонии с окружающими, не унифицируя свои взгляды с мнением большинства. Яков Михайлович был именно таким человеком, способным жить с людьми в ладу, не подлаживаясь под них.

*Друзья и коллеги из редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока»
и Института Дальнего Востока РАН*

В Обществе российско-китайской дружбы

К 150-летию Сунь Ятсена

5 декабря 2016 г. Общество российско-китайской дружбы и ИДВ РАН отметили 150-летие со дня рождения великого китайского революционера Сунь Ятсена.

В Культурно-информационном центре «Китайский Зал» собрались члены Общества, представители общественности, научных кругов, молодежи и студенчества. Присутствовала большая группа сотрудников Посольства КНР в РФ во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Ли Хуэем.

Собрание открыл первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, директор Институт Дальнего Востока РАН, доктор исторических наук, профессор С.Г. Лузянин.

В своем вступительном слове он отметил, что Сунь Ятсен известен во всем мире как выдающийся политический и общественный деятель, революционер-демократ, мыслитель, первый президент Китайской Республики, провозглашенной 1 января 1912 г., основатель первой в Китае организации революционных демократов «Союз возрождения Китая», основатель и руководитель партии «Объединенный союз», вождь Синьхайской революции, основатель и руководитель партии Гоминьдан.

Содержание присяги, которую Сунь Ятсен принял как президент 1 января 1912 г., отражало не только национальные и политические цели свержения маньчжурской династии и укрепления Китайской Республики, но и обязательство заботиться о счастье и благоденствии народа. Деятельность Сунь Ятсена по посту президента и председателя партии Гоминьдан оставила глубокий след в истории Китая благодаря начавшемуся движению за модернизацию страны. За короткий срок пребывания в должности президента Китайской Республики с января по апрель 1912 г. Сунь Ятсен подписал ряд указов, направленных на прогрессивное преобразование китайского общества, отказ от старых норм жизни.

Сунь Ятсен установил связи с Советской Россией, оставил партии «Завещание Гоминьдану и письмо ЦИК СССР», в котором призывал к сохранению союза Китая с СССР. Об этом в своем докладе рассказала доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая Н.Л.Мамаева. Она подчеркнула, что жизнь и деятельность Сунь Ятсена, его место и роль в национально-освободительном движении Китая относятся к одной из популярных тем в советской и российской историографии на всех этапах ее развития.

С именем первого Временного президента Китайской Республики, великого мыслителя и политического деятеля Сунь Ятсена неразрывно связано понятие модернизации Китая. И чем больший период времени отделяет нас от судьбоносного для Китая периода — первой четверти XX века, — тем четче и ярче вырисовывается величие Сунь

Ятсена, его влияние на выбор пути развития страны, на содержание процесса модернизации, начало которого китайская историография с полным правом определяет Синьхайской революцией, отметила Н.Л. Мамаева.

Как известно, Сунь Ятсен родился 12 ноября 1866 г. в деревне Цуйхэн уезда Сяншань (ныне — г. Чжуншань провинции Гуандун) в зажиточной крестьянской семье. По окончании традиционной китайской школы он был отправлен родителями на Гавайи, в Гонолулу, где несколько лет учился в английской миссионерской школе. В 1883 г. Сунь Ятсен вернулся на родину.

В революционном движении, разворачивавшемся с конца XIX в. и направленном против монархического господства династии Цин, он участвовал с молодых лет. Синьхайская революция предложила новую модель политической структуры и государственного управления — на основе конституции и в рамках парламентской республики. В историографии Синьхайская революция оценивается чрезвычайно высоко как открывшая путь эпохе модернизации страны.

В конце 1911 г. Сунь Ятсен был избран первым Временным президентом Китайской Республики. За короткое время своего правления он инициировал целый ряд указов общенационального значения: против опиумокурения, торговли людьми; были запрещены физические пытки арестованных, ношение мужчинами длинной натуральной косы — символа маньчжурского владычества. Начало новой эры провозглашали указы о введении нового летоисчисления и григорианского календаря, об учреждении пятицветного государственного флага, символизовавшего единство народностей, проживавших на территории Китая. Политика сформированного Сунь Ятсеном Временного правительства включала также социальные аспекты, развитие просвещения, подготовку к реформе образования и др.

Содержание учения о «трех народных принципах» и процесс его адаптации к менявшимся политическим реалиям продемонстрировали целый ряд специфических характеристик Сунь Ятсена как мыслителя и политического деятеля. Хотя свое учение он создавал в эпоху войн и революций, выдвигавших на передний план практику классовый борьбы, в его основу он не включил распространенные в то время в научной и политической среде категории классовый борьбы и гегемонии того или иного класса. Сунь Ятсен сформулировал оригинальное учение, оперирующее новыми понятиями и категориями, связанными с традициями и отражающими специфику исторического и политического развития страны. Формируя теорию «трех народных принципов» — национализма, народовластия и народного благосостояния, потенциал которой для развития Китая еще далеко не исчерпан, Сунь Ятсен выстраивал свою мировоззренческую систему, исходя из идеи гармонии как основополагающей.

Реорганизуя Гоминьдан с начала 1920-х годов с помощью СССР и Коминтерна в партию нового типа, Сунь Ятсен способствовал его вовлечению в мировой революционный процесс, сумел поднять Национальную партию Китая до уровня руководящей политической силы национально-освободительного движения в стране.

Революционные события в России, особенно их антиимпериалистическая направленность, имели в Китае сильный резонанс. Сунь Ятсен сразу отреагировал на Октябрьскую революцию. Летом 1918 г., находясь в Шанхае, он через Канаду послал приветственную телеграмму В.И. Ленину, в которой выразил надежду на сплочение «революционных партий Китая и России в целях совместной борьбы». Взаимодействие с представителями Советского государства и Коминтерна стало реальным политическим фактором, корректирующим традиционные представления Сунь Ятсена о содержании политической борьбы и построении государственности.

Сближение Сунь Ятсена с международным и внутренним коммунистическим движением дало толчок к разработке политической программы выхода страны из кризиса на основе обновленной политической программы. Разрабатывая политику реорганизации Гоминьдана, Сунь Ятсен и его соратники проявили умение «шагать в ногу со временем», учитывать реалии современного мира. Новые программа и устав, принятые на

I съезде Гоминьдана (январь 1924 г.), зафиксировали процесс формирования «партии действия». В основу принятой съездом политической программы партии в национальной революции, которая уточнялась и в определенной степени была скорректирована II съездом Гоминьдана (январь 1926 г.), были положены теория и политическая практика лидера партии Сунь Ятсена. Из «трех народных принципов» в 1920-е годы роль основного инструмента поэтапного внедрения в жизнь всего учения отводилась принципу народо-властия. Сунь Ятсен давал ему широкое толкование: это и символ нового политического устройства, отличающегося от парламентской республики западного типа, и теория «четырёх прав» народа и «пяти конституционных властей», которые рассматривались в тесной связи с планом «строительства государства».

Сунь Ятсену импонировал революционный энтузиазм страны Советов. В известной степени Гоминьдан чувствовал свою причастность к мировому коммунистическому движению, главным образом, к его антиимпериалистическому аспекту.

Однако, используя целый ряд конкретных рекомендаций Коминтерна и Москвы, Сунь Ятсен не отступал от своего принципа приоритета общенациональных целей объединения и суверенитета страны над интересами отдельных классов и социальных слоев. В этом отношении он проявлял твердость и отвергал те предложения и рекомендации, которые, по его мнению, не отражали китайские реалии.

В завещании Гоминьдану перед своей смертью в марте 1925 г. Сунь Ятсен призывал к сохранению и развитию дружеских связей между Китаем и СССР. Заветы Сунь Ятсена о необходимости сотрудничества и дружбы с СССР оставались живы в среде прогрессивной китайской интеллигенции и отдельных представителей левого крыла Гоминьдана и в ситуациях «конфликта интересов».

Концепции и планы Сунь Ятсена четко проявились в Договоре между СССР и Китайской Республикой, подписанном 14 августа 1945 г. Он укреплял конструктивный характер отношений между двумя странами. Предусмотренное Договором вступление СССР в японо-китайскую войну на стороне Китая по существу гарантировало поражение Японии, а в целом победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

На собрании, посвященном памяти великого китайского революционера и демократа, выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй, который поблагодарил ОРКД за внимание к юбилейным датам КНР, особенно таким важным, как 150-летие со дня рождения Сунь Ятсена, великой личности, выдающегося политического деятеля Китая. Посол напомнил о бессмертном подвиге, который Сунь Ятсен совершил во имя китайской нации. Он отметил, что Сунь Ятсен возглавил борьбу Китая за независимость и национальное освобождение, свержение монархии и установление Республики, стоял у истоков исторических связей между Китаем и Советской Россией. Сегодня, когда политические отношения между КНР и РФ находятся на самом высоком за всю историю уровне, подчеркнул посол, необходимо поддерживать отношения стратегического всеобъемлющего партнерства между нашими странами и народами, исходя из завещания Сунь Ятсена поддерживать союз с СССР, и быть навсегда друзьями и никогда врагами.

С сообщениями, посвященными памяти Сунь Ятсена, выступили также академик РАН В.С. Мясников, главный научный сотрудник ИДВ РАН, д.и.н. Ю.М. Галенович и старший научный сотрудник ИДВ РАН А.Л. Верченко.

Подводя итоги торжественного заседания, С.Г. Лузянин еще раз подчеркнул, что Сунь Ятсен сыграл важнейшую роль в истории Китая, а выступившие на заседании научные сотрудники осветили деятельность Сунь Ятсена с разных сторон и остановились на участии в судьбах страны членов его семьи — супруги Сунь Цинлин и сына Сунь Фо. Уровень подготовленных выступлений соответствует уровню научной конференции, отметил в заключение С.Г. Лузянин.

Рецензии

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.

Не так давно, не далее как десятилетие тому назад, одними из наиболее дискутируемых вопросов в русле полемики о содержании внешней политики современного Китая стали вопросы о том, изменились ли или меняются качество и направленность внешней политики Китая, ведет ли усиление комплексной национальной мощи Китая к росту его агрессивности или напористости на региональной и международной аренах, сопровождается ли «возвышение» Китая ростом внешнеполитических амбиций китайского руководства, продолжает ли Пекин в реализации внешней политики придерживаться сформулированных еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Дэн Сяопином руководящих внешнеполитических принципов и установок, известных как формула из 28 иероглифов, и т.д., и т.п.

Внешнеполитические действия пятого поколения китайских лидеров, пришедших к руководству страной в 2012–2013 гг., в известном смысле подводят черту под подобными дискуссиями и дают нам достаточно оснований утверждать, что качество китайской внешней политики действительно изменилось. Тремя важнейшими характеристиками внешней политики Китая в период Си Цзиньпина стали активизация, инициативность и напористость: активизация внешнеполитической деятельности по всем направлениям и во всех регионах мира, инициативность китайского руководства в выдвижении новых крупномасштабных внешнеполитических проектов, напористость в отстаивании национальных интересов Китая.

В связи с этим несомненный научный интерес представляет изучение внешней политики Китая в 2002–2012 гг., в переходный период, когда Китай совершил резкий качественный скачок в своем экономическом развитии, выйдя

на ведущие позиции в мире по целому спектру экономических показателей и превратившись в «локомотив» мирового экономического развития. На фоне такого резкого изменения положения Китая в системе координат мировой экономической системы китайское руководство столкнулось со сложной дилеммой: либо по-прежнему оставаться в русле внешнеполитических заветов Дэн Сяопина с тем, чтобы развеять возможные опасения, связанные с распространением в мире теории «китайской угрозы» или же, опираясь на головокружительные экономические успехи, оставить в прошлом такие установки, как «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное» (*таогуан янхуэй, юсо цзо вэй*), и перейти к новому качеству внешней политики, в большей степени отражающему статус великой державы с глобальными амбициями.

Именно четвертое поколение китайских лидеров во главе с Ху Цзиньтао, находившееся у власти в 2002–2012 гг., оказалось на сложном перепутье и перешло важный исторический рубеж, коим стал для Китая, да и, пожалуй, для всего мира финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Этот кризис оказал серьезное воздействие на развитые страны и обнаружил несовершенство моделей их макроэкономического управления, равно как и глобального экономического управления в целом, и одновременно рельефно выявил достижения китайской экономики на фоне переживавших экономические трудности западных стран. После кризиса развитие получила тенденция выхода Китая на ведущие позиции в мировой экономике: к 2010 г. Китай прочно занял позиции второй крупнейшей экономики мира из расчета ВВП в текущих ценах, а к 2014 г. — крупнейшей мировой экономики из

расчета ВВП по ППС; Китай стал крупнейшей торговой державой мира, равно как и ведущим торговым партнером более чем сотни стран. Экономические достижения Китая стали сопровождаться форсированным военным строительством, усилиями по наращиванию научно-технического и инновационного потенциала, а также «мягкой силы».

Вместе с тем, несмотря на высокую теоретическую и практическую значимость концептуального осмысления протекающих трансформаций во внешней политике современного Китая, ее перехода к новому качеству, эта тематика пока не стала предметом многочисленных научных работ российских китайедов. И в этом отношении «светлым пятном» представляется выход в свет монографии заслуженного российского китайеда, многие десятилетия успешно занимающегося изучением Китая и его внешней политики, Владимира Яковлевича Портякова «Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии» (М.: ИДВ РАН, 2015). Помимо глубины сделанных в монографии выводов, тщательной проработки ранее не изученных в российской китайедческой литературе аспектов внешней политики Китая, солидной доказательной базы и новизны полученных результатов, этот труд отличает введение в научный оборот огромного массива китайских источников и литературы, ранее не известных не только широкой читательской аудитории, но и специалистам-китаеведам.

Так, монография В.Я. Портякова начинается с подробного анализа внешнеполитических заветов Дэн Сяопина, или формулы из 28 иероглифов — комплекса сформулированных в конце 1980-х — начале 1990-х годов рекомендаций в сфере внешнеполитической деятельности, в свое время сыгравших стабилизирующую роль в международной обстановке вокруг Китая и позволивших тогда китайскому руководству сконцентрировать усилия на задачах внутреннего развития, осуществлении критически значимых для страны экономических преобразований. В частности, в монографии детально рассмотрены такие недостаточно освещенные в отечественной и зарубежной историографии сюжеты, как генезис и исторические условия формирования формулы из 28 иероглифов, многообразие современных интерпрета-

ций заветов Дэн Сяопина в Китае и на Западе, возникшие в Китае в начале XXI в. и усилившиеся с началом мирового финансово-экономического кризиса дискуссии относительно актуальности и эффективности заветов Дэн Сяопина в меняющихся международных условиях.

В эволюции внешней политики Китая в рассматриваемый в монографии период (2002–2012 гг.) В.Я. Портяков схематично выделяет три этапа: 2002–2008 гг., 2009–2011 гг.¹ и 2012 г. При этом в фокусе внимания автора находятся два последних этапа, так как именно после успешного проведения в 2008 г. в Пекине Олимпийских игр и возникновения мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., сопровождавшегося усилением абсолютной и относительной экономической мощи Китая, в китайской внешней политике стали развиваться новые тенденции и проявились новые характеристики. В ряду новаций во внешней политике Китая в 2009–2010 гг. В.Я. Портяков особо выделяет и характеризует следующие: самоидентификацию Китая как ответственной державы; смещение внешнеполитической опоры Китая с развивающихся государств на «новоподнимающиеся» страны (*синьсин да го*); усиление напористости Китая; претензии на большую роль Китая в мировой политике; официальное обнародование существа понятия «коренные интересы» Китая и последующая постоянная апелляция к ним в вопросах реализации внешней политики; «уверенность в себе, присущая великой державе». Весьма любопытна даваемая В.Я. Портяковым характеристика внешней политики Китая в 2009–2010 гг. как включающей элементы «поискового характера» и не имевшей внятной программы действий на всех направлениях, что объясняется в монографии слишком резким и даже неожиданным для самих китайцев переходом Китая в лигу «богатых и сильных» (с. 88–102).

Указывая на осложнение международного окружения Китая как на следствие его напористого внешнеполитического курса 2009–2010 гг., В.Я. Портяков отмечает внесение с конца 2010 г. в китайскую внешнюю политику заметных коррективов, призванных подтвердить «мирную» направленность «возвышения» Китая. На концептуальном уровне это проявилось во временном, пришедшемся на 2010–2012 гг., стремлении китайского руководства

придать «второе дыхание» заветам Дэн Сяопина в качестве меры, направленной на снижение градуса напряженности в отношениях Китая с США и соседними странами. На практике коррективы нашли свое отражение в увеличении внимания к наращиванию «мягкой силы», некоторому снижению напористости при сохранении глобального характера внешнеполитического курса Китая. Это способствовало, в частности, стабилизации отношений Китая с Японией и Индией, некоторому спаду напряженности вокруг территориальных споров в Южно-Китайском море, процессу взаимной адаптации Китая и США и др. Важно то, что к концу 2012 г. был накоплен опыт активной внешней политики, в ней более четко и заметно стало проявляться стремление совмещать «твердость и мягкость, решительность и разумность» (с. 128–139).

Выделяя особенности внешней политики Китая пришедшего к власти в стране в 2013 г. пятого поколения китайских лидеров, В.Я. Портяков называет большую активность, а подчас и жесткость внешнеполитического курса, расширение диапазона и более гибкое использование внешнеполитического инструментария, нюансированный и дифференцированный подход к разным странам мира. Автор монографии делает вывод о том, что международная деятельность Китая объективно стала выходить за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина, а упоминания об этих заветах при Си Цзиньпине полностью прекратились. Делая прогнозы, В.Я. Портяков отмечает, что при сохранении формальной приверженности заветам Дэн Сяопина будет происходить их наполнение новым, отличным от первоначального содержанием.

Освещая вопросы изменения внешней политики Китая, В.Я. Портяков особо останавливается на российском направлении внешней политики Китая и эволюции российско-китайских отношений с 1992 г. по настоящее время. Этим сюжетам отводятся пять из одиннадцати глав монографии. Тщательно реконструируя развитие двустороннего взаимодействия Китая и России на указанном историческом отрезке, автор выделяет достигнутые в двустороннем сотрудничестве результаты, обозначает потенциальные и текущие сложности и проблемы взаимодействия, современные форматы, сферы

и направления сотрудничества Китая и России, анализирует основные совместные документы, а также достигнутые или просто обсуждавшиеся двусторонние договоренности по широкому спектру вопросов.

Особого внимания заслуживает пятая глава монографии, в которой В.Я. Портяков подробно останавливается на анализе основных факторов, препятствующих или потенциально способных помешать углублению стратегического партнерства между двумя странами. В частности, описываются различия в трактовке отдельных аспектов истории двусторонних отношений, в особенности затрагивающих вопросы границ и территориального размежевания, а также советский период двусторонних отношений. Новаторский характер имеет выделение автором несовпадений позиций Китая и России по актуальным международным и внутренним проблемам. В то время как на высшем государственном уровне неизменно акцентируется совпадение и близость подходов двух стран по международной проблематике, В.Я. Портяков обращает внимание и на их различия: например, на озбоченность Пекина относительно российской доктрины ядерного сдерживания, на американский фактор как осложняющий российско-китайское взаимодействие, на опасения с китайской стороны относительно сближения России с Индией и Вьетнамом и пр. (с. 79–87).

В своей монографии В.Я. Портяков не оставляет без внимания и такой серьезный вопрос, как китайская позиция (как официальная, так и представленная в научно-экспертном дискурсе и в общественном мнении) по украинскому вопросу и факту присоединения Крыма к России, российское восприятие (на официальном, экспертном уровне и среди российского населения) китайской позиции по указанным вопросам, а также влияние украинского кризиса на российско-китайские отношения. В целом, делается вывод о том, что украинский кризис не только не поколебал фундаментальные основы стратегического сотрудничества России и Китая, а напротив — способствовал его выходу на качественно новый уровень. Завершая анализ российско-китайских отношений, автор подчеркивает их восходящий характер, преобладание в них положительного фона. Самостоятельный интерес представляет авторский ана-

лиз перспектив дальнейшего возвышения Китая и его внешней политики (с. 178–188).

В заключение В.Я. Портяков справедливо отмечает недостаточную разработанность проблематики современной внешней политики и международных отношений Китая в трудах российских исследователей, призывая молодых ученых-китаеведов обратиться к изучению этой проблематики на систематической основе и с опорой на китайские источники. Представляется, что монография В.Я. Портякова станет для

молодых российских ученых-китаеведов прекрасным примером того, как нужно и должно писать научные работы. А для читательской аудитории в целом знакомство с монографией позволит понять существо и логику происходящих изменений во внешней политике современного Китая, а также ознакомиться с рядом малоизученных аспектов современного развития Китая, его внешней политики, позиционирования на мировой арене, а также взаимодействия с Россией.

© 2017

*Я.В. Лексютина,
доктор политических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета*

-
1. Подробно на вопросе об особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. В.Я. Портяков остановился в другой своей работе – на страницах одной из глав изданной Городским университетом Гонконга коллективной монографии «Новые тенденции и вызовы внешней политики Китая». См.: *Portyakov V. Certain specific features of China's foreign policy: 2009–2011 // New trends and challenges in China's foreign policy / Ed. by Joseph Y.S. Cheng. Hong Kong, 2015. P. 151–179.*

**Сахалинская каторга (вторая половина XIX — начало XX в.).
Документы и материалы: в 2 т. / Архив. агентство Сахалин. обл., Гос.
истор. архив Сахалин. обл., Рос. гос. истор. архив Дальнего Востока;
[сост.: М.В. Гридяева, Л.В. Драгунова, Н.А. Троицкая, Ким Чан Ок]. —
Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2015. — ISBN 978–5–89290–323–3.
Т. 1: — 433 с.: ил. Т. 2: — 411 с.: ил.**

Сотрудниками Государственного исторического архива Сахалинской области создана двухтомная работа, в которую вошло около 400 ранее не публиковавшихся документов по истории каторги и ссылки на Сахалине за период второй половины XIX — начала XX века. Основные материалы двухтомника сгруппированы по трем разделам, в основе которых лежит проблемно-хронологический принцип: первый том — каторга и власть, жизнь каторги изнутри; второй том — каторга и остров. Сборник документов открывается Положением Комитета об устройстве каторжных работ от 18 апреля 1869 г. Последний документ в нем датируется мартом 1913 г. и представляет заметку из газеты «Приамурские ведомости» о праздновании на Сахалине 300-летия дома Романовых.

Вместе с документами (а это сведения, доклады, прошения, приказы, донесения, инструкции, телеграммы и многие другие образцы канцелярского производства прошлых столетий) в состав двухтомника вошли примечания и комментарии, различные фотографии, описание хроники важнейших событий на каторге. Предваряет все документы и сопроводительные материалы статья А.И. Костанова об архивах сахалинской каторги. Считается, что появившийся в 1920–1930 гг. термин «архив каторги» являлся неофициальным и ассоциировался с хранившимися в Иркутске фондами сахалинского происхождения второй половины XIX — начала XX века. Первым, кто с научной целью обратился к сахалинским архивам, по мнению Костанова, был А.П. Чехов. Позже доступ к архивам получил Б.О. Пилсудский, занимавшийся на Сахалине этнографическими исследованиями. Признанный «король фельетона» В.М. Дорошевич в своих каторжных очерках упоминал канцелярских писарей, исполнявших работу современных архивариусов.

Официально-деловой стиль, безусловно, не предполагает пристрастности и многозначности. Между тем, страницы «Сахалинской каторги...» дают совершенно уникаль-

ную возможность вдумчивым, ищущим читателям увидеть лица многих российских знаменитостей второй половины XIX — начала XX в. — писателя А.П. Чехова, репортера В.М. Дорошевича, лингвиста и этнографа Б.О. Пилсудского, народовольца и писателя И.П. Ювачева, отца поэта Даниила Хармса и многих других. Вместе с тем, канцелярская четкость позволят сохранить нехрестоматийные сведения об известных преступниках, таких как К.Х. Ландсберг или С.И. Блювштейн, известная как Сонька Золотая Ручка.

Так, в феврале 1891 г. Чехов пишет «большое письмо» В.О. Кононовичу о приобретенных книгах для сахалинских школ. Чеховское обращение к начальнику Сахалина показывает, что, невзирая на сильную занятость, писатель хлопочет о необходимости придерживаться учебной программы, составляет детальный перечень высылаемых книг с указанием точного количества экземпляров, а также с подробным описанием имен иныхдателей произведений русской и зарубежной литературы. В написанном спустя восемь дней еще одном послании «многоуважаемому Владимиру Осиповичу» Чехов уточняет, что «Комитет Добровольного Флота» уведомил его о совершенно бесплатной доставке книг. При этом в полушутливой манере Чехов сообщает о столичных новостях: литераторах А.Н. Плещееве и Г.И. Успенском, о модном юристе Ф.Н. Плевако и его подзащитном А.М. Баргеневе, о провалившемся «средстве Коха» и других событиях.

Отдельные эпизоды книги позволяют восстановить детали прибытия на Сахалин сотрудника «Одесского листка» Дорошевича. В своем прошении «начальнику Главного тюремного управления» А.П. Саломону в январе 1897 г. репортер объясняет «задачу» своего путешествия на каторгу и констатирует взятые на себя обязательства по описанию «типов, нравов, образа жизни, занятый ссыльных и их постепенного исправления». О том, какую силу

имели очерки Дорошевича о Сахалине, свидетельствует документ 1901 г. — многостраничный машинописный «комментарий военного губернатора, генерал-майора М.Н. Ляпунова...» о бесчинствах «смотрителя поселений 2 участка Корсаковского округа» В.Н. Бестужева — одного из многочисленных героев публицистических описаний Дорошевича.

Благодаря сохранившимся документальным свидетельствам эпохи удивительным образом выстраивается портрет С.И. Блювштейн. В первый год пребывания на острове (с 1887 г.) преступница пытается вести себя благовидно, в частности, составляет прошение о присоединении к православной церкви. Казалось бы, о положительных намерениях к исправлению говорит и рукописный рапорт «начальника Александровского округа», сообщающий, что Блювштейн «ни в чем предосудительном со дня прибытия замечается не была и задлживается на шитье арестантского белья и одежды». Но уже ровно через год появляется новый документ — рапорт временно исполняющего обязанности начальника Александровского округа А.П. Таскина о том, что ссыльнокаторжная «содержалась в течение минувшего октября месяца по 1 ноября под арестом при гауптвахте Александровской тюрьмы по обвинению ее в мошенничестве». В марте 1890 г. рукою другого «начальника Александровского округа С.Н. Таскина» пишется рапорт о задержании Блювштейн по обвинению в связи с «убийством Кинжаловым и другими поселенца Никитина, а также по подозрению «как причастную и по другим делам». Авантюрная натура Блювштейн, как это отражено в документах, не смогла удержаться в пределах каторжного порядка.

При этом в ином свете рисуется личность К.Х. Ландсберга — некогда блистательного гвардейского офицера, совершившего убийство двух незащитных людей практически по сюжету романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». О нарушившем

закон Ландсберге в 1879 г. сообщалось не только в российских газетах. О преступлении русского офицера писали Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, К.М. Станюкович и, конечно же, А.П. Чехов и В.М. Дорошевич. Однако сведения о том, как сложилась жизнь прошедшего наказание каторгой Ландсберга, сейчас могут дать только документы.

Среди сохранившихся письменных свидетельств и иных деловых бумаг — рукописный доклад самого Ландсберга, рассказывающего об устройстве на острове «почтово-кордонной линии». Инженерно-технические знания Ландсберга многократно использовались сахалинской администрацией. О героическом принятии Ландсбергом решения встать на оборону Сахалина во время русско-японской войны свидетельствуют прошение дружинника Акимы Новосельского о перемене вида жительства с упоминанием о том, как прошли два боя дружины Ландсберга с японцами. Аналогичное упоминание обнаруживается и в прошении дружинника Михаила Брежинского, служившего под командованием «начальника 1-й народной дружины» Ландсберга, находившегося в декабре 1905 г. в плену.

Эти и многие другие сведения, которые можно почерпнуть из документов периода каторги, могут быть интересны как специалистам, так и рядовым читателям.

При этом нужно отметить, что в истории каторжного Сахалина существуют разнообразные лакуны: чаще всего не восстановленными остаются полные имена и отчества, годы жизни не только обычных каторжан, но и людей, внесших значительный вклад в освоение островного края в период царской России. Не включен в общий перечень представленных документов и ряд сохранившихся материалов о сахалинской каторге на японском языке. Вполне возможно, что эти не менее интересные данные могут составить в будущем третий том «Сахалинской каторги...».

Юбилей ученого

Алексею Ивановичу Сенаторову — 90 лет

4 января 2017 г. исполнилось 90 лет видному российскому востоковеду, бывшему ведущему научному сотруднику Центра японских исследований ИДВ РАН Алексею Ивановичу Сенаторову. Его жизненный путь — пример «социального лифта», поднимавшего в Советском Союзе «людей из народа» до уровня политического руководства страны.

Алексей Иванович родился в селе Ольховка Умётского района Тамбовской области. В январе 1943 г., после окончания 8-летней средней школы в селе Град-Умёт он поступил на трехмесячные курсы трактористов при Сергиевской машинно-тракторной станции и после завершения учебы до декабря 1944 г. работал трактористом в колхозе «Коминтерн».

В декабре 1944 г. в качестве добровольно-призывника А.И. Сенаторов был принят на военную службу, которую первоначально проходил в учебной пулеметной роте 101-го запасного стрелкового полка под Борисоглебском в Воронежской

области. С сентября 1945 по август 1948 г. служил в Группе советских оккупационных войск в Германии (г. Вердер).

С августа 1948 по сентябрь 1950 г. А.И. Сенаторов — курсант Рижского военно-политического училища ВВС, по окончании которого получил воинское звание «лейтенант». После училища началась полоса его офицерской службы в качестве политработника Военно-воздушных сил в Риге и ряде других мест Прибалтийского военного округа, которая продолжалась в течение 6 лет.

Достоинно служа Родине в качестве солдата и офицера, Алексей Иванович упорно учился. На прочную основу ответственности, выдержки и упорства, воспитанных у него в юности, легло отличное образование. В июле 1953 г. Алексей Иванович окончил экстерном полный курс Высшего военно-педагогического института им. М.И. Калинина в Ленинграде по специальности «политическая экономия» и получил диплом офицера-политработника с высшим военно-педагогическим образованием.

С 1956 по 1959 г. А.И. Сенаторов обучался в Военно-дипломатической академии, где получил второе высшее образование, овладел базовыми знаниями о Японии и осно-

вами японского языка. По окончании учебы он был зачислен в резерв Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, где в течение года стажировался в Восточном управлении, одновременно помогая сотрудникам Информационного управления обрабатывать сообщения и документальные материалы, поступающие из Японии.

С октября 1960 по январь 1964 г. Алексей Иванович — второй секретарь Посольства СССР в Японии, курировавший вопросы советско-японских экономических отношений, связи с оппозиционными партиями и демократическими общественными организациями страны.

Во время перерыва в Москве между двумя длительными командировками в Японию (февраль 1964 — май 1966 г.) А.И. Сенаторов неоднократно привлекался Международным отделом ЦК КПСС для работы с находившимися с визитами в СССР делегациями КПЯ и СПЯ, участвовавшими в переговорах и консультациях с руководителями КПСС.

По настоятельной просьбе посла СССР в Японии В.М. Виноградова, поддержанной руководством Международного отдела ЦК КПСС, в мае 1966 г. А.И. Сенаторов был вторично направлен в командировку в Японию в качестве первого секретаря Посольства, где проработал до июня 1970 г.

Во время пребывания в Токио Алексей Иванович собрал материалы о деятельности Коммунистической партии Японии и в 1971 г. в Институте востоковедения АН СССР защитил кандидатскую диссертацию по этой тематике.

С июня 1970 по июнь 1974 г. А.И. Сенаторов был преподавателем кафедры страноведения Военно-дипломатической академии, переименованной впоследствии в Военную академию Советской Армии.

В течение многих лет А.И. Сенаторов являлся ответственным работником Международного отдела ЦК КПСС — референтом (1974–1980 гг.) и заведующим сектором Восточной и Юго-Восточной Азии (1980–1989 гг.). Он внес большой вклад в налаживание взаимодействия КПСС с прогрессивными силами Японии, укрепление дружбы и сотрудничества с коммунистическими партиями Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Эту работу Алексей Иванович сочетал с активными исследованиями и научным редактированием востоковедческих изданий.

На протяжении двух десятилетий, с апреля 1989 по октябрь 2009 г., А.И. Сенаторов напряженно и плодотворно трудился в институтах Российской академии наук: в Институте международного рабочего движения, переименованном в 1998 г. в Институт сравнительной политологии (апрель 1989 — сентябрь 2001 г.) и в Институте Дальнего Востока (октябрь 2001 — октябрь 2009 г.). Высокой оценки заслуживают глубокие работы о политической жизни Японии, подготовленные А.И. Сенаторовым в Институте Дальнего Востока РАН. В его авторской монографии «Очерки административной реформы», изданной в 2004 г., представлено первое в российской науке комплексное исследование осуществленной в Японии административной реформы. Заметным событием научной жизни стал выход в 2008 г. коллективной монографии «Реформы современной Японии (1994–2006 гг.)», подготовленной в Центре японских исследований ИДВ РАН под руководством и общей редакцией Алексея Ивановича.

С 2009 г. А.И. Сенаторов находится на заслуженном отдыхе.

Работавшие вместе с Алексеем Ивановичем знают его как доброжелательного, отзывчивого, сердечного человека, всегда готового оказать содействие и помощь. Он продолжает щедро делиться с коллегами своими богатыми знаниями и опытом.

Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН поздравляют Алексея Ивановича Сенаторова с юбилеем и желают ему здоровья, счастья и благополучия.

Contents

POLITICS

- V. Portyakov.* Foreign Policy of the People's Republic of China in 2016
V. Kuzminkov, V. Pavlyatenko. Some Results of the Russian-Japanese Summit
A. Vinogradov. European Advance of Beijing
V. Sova. The Role and Policy of Australia in the Asia Pacific Region

ECONOMY

- I. Zabelina, E. Klevakina.* Evaluation of Structural Changes in the Economy of Regions' Cross-Border Cooperation between Russia and China
Song Byung Jik. Structure of Foreign Trade of the Republic of Korea with the Russian Federation
S. Sazonov, Wu Zi, Chen Xiao, E. Zaklyazminskaya. The Transport Complex of the PRC "Spurs On" the Development of the National Economy
O. Borokh. Wang Yanan and the Concept of "Chinese Economic Science"

RUSSIAN FAR EAST

- N. Samsonov, Ya. Kryukov, V. Yatsenko.* The Possibility of Receiving Investments of Asia Pacific Region in Mining Projects of the Russian Far East and Transbaikalia

STATE AND SOCIETY

- A. Semyonov.* Regulation of the Activities of Foreign NGOs in China
Yu. Gracheva. The Situation of the Naxi Nationality in the Context of Globalization
T. Guruleva. National Education in China: Current State and Measures of State Regulation

VIEW POINT

- Fan Xuesong.* China's Position on the Issue of the Southern Kuril Islands

HISTORY

- V. Kuzminkov.* Joint Declaration of 1956 by the USSR and Japan in Japanese Historiography

CULTURE

- V. Grigoriev.* The New Books about the Founder of Russian Sinology Iakinf Bichurin
E. Voitishchek, A. Rechkalova. Japanese Heraldry at the Present Time

RELIGION

- O. Pelevina.* Christian Communities in Contemporary China: Typology Coined by Scholars in the Field of Chinese Religious Studies

SCIENTIFIC EVENTS

- XXII International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World: History, Present, Prospects"

IN MEMORIAM

To the Memory of Yakov Mikhailovich Berger

IN THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY

On the 150th Anniversary of Sun Yat-sen

BOOK REVIEW

Ya. Leksyutina. Portyakov V.Ya. Foreign Policy of the People's Republic of China in the XXI Century

E. Ikonnikova. Sakhalin Penal Servitude (Second Half of XIX — Beginning of XX Century)

SCHOLAR JUBILEE

Alexei Ivanovich Senatorov — 90 years

Summary

V. Portyakov. Foreign Policy of the People's Republic of China in 2016

Main features and directions of China's foreign policy in 2016 are analyzed. The desire of Beijing to play a greater role in global governance, relying upon such instruments as "summits' diplomacy" and cooperation in "One Belt, One Road" format, is shown. The development of the situation around the disputes on the South China Sea and China's relations with the US and Russia have been examined briefly.

Keywords: China, foreign policy, Year 2016, global governance, South China Sea, USA, Russia.

V. Kuzminkov, V. Pavlyatenko. Some Results of the Russian-Japanese Summit

The article highlights the process and results of the Russian-Japanese summit talks held on December 15–16, 2016 in Japan. It gives a brief evaluation of these negotiations and analytical overview of the reaction in political and business circles of two countries on the summit's outcomes in terms of prospects for development of bilateral relations.

Keywords: Russia, Japan, Russian-Japanese relations, the southern Kuriles, Russian Far East, Hokkaido, a peace treaty, the Joint Declaration.

A. Vinogradov. European Advance of Beijing

December 11, 2016 marks 15 years since the PRC's entry into the WTO. According to statements of the Chinese side, this means for China automatic granting the status of the country with market economy. What will change in the relations between China and the countries of the European Union after it happens? And what stands behind the reluctance of European countries to grant China this status? How the results of the referendum in the UK will affect the relationship between China and the EU? What are the prospects for conclusion of an agreement on the Transatlantic Partnership between the EU and the US and how it will change China's position in Europe? These and other questions are addressed in this article.

Keywords: European Union (EU), China (PRC), WTO, status, brexit, the UK, the US, Transatlantic Partnership.

V. Sova. The Role and Policy of Australia in the Asia Pacific Region

The article considers the process of formation of a new strategy of political development in Australia. It is noted that Australia has traditionally regarded APR as a potential threat to its existence, on the one hand, and at the same time — as an important trading partner. Reasons for the formation of pro-Western policies of Australia are explained through the prism of the historical background.

Keywords: Asia Pacific, Australia, the image of the enemy, instability, neorealism.

I. Zabelina, E. Klevakina. Evaluation of Structural Changes in the Economy of Regions' Cross-Border Cooperation between Russia and China

The article discusses the process of transformation of the reproductive structures in the Russian and Chinese regions that are involved in the processes of cross-border collaboration,

which appears to be an urgent task in the light of particular geopolitical interests of the Russian Federation. Special attention is paid to the analysis of changes in the structure of employment of population of the Russian regions.

Keywords: cross-border cooperation, Russia, China, the Silk Road Economic Belt (SREB), three sectors of the economy, structural shifts, employment.

Song Byung Jik. Structure of Foreign Trade of the Republic of Korea with the Russian Federation

The article describes the structure of foreign trade between the Republic of Korea and the Russian Federation. Special attention is paid to the peculiarities of the structure of bilateral trade in goods and services. Analyzing the dynamics of its development, the author reached the conclusion of the need to increase turnover in goods and services, as well as to resolve the problems of structural imbalance.

Keywords: complementary trade, the geographical structure of trade, economic cooperation, diversification of the trade structure, trade surplus and deficit, the Commonwealth of Independent States (CIS).

S. Sazonov, Wu Zi, Chen Xiao, E. Zaklyazminskaya. The Transport Complex of the PRC “Spurs On” the Development of the National Economy

In an effort to minimize the negative impact of the global financial crisis and the slowdown of GDP growth on the economy, the Chinese government increases investment in infrastructure construction. This gives a multiplier effect in the related industries, promotes employment growth. High-speed railway and automobile highways of the ‘grip’ space stimulate domestic demand, spurring the development of related high-tech production which allows to increase export revenues, becoming a new strategic sector of the economy.

Keywords: China, transport sector, financial crisis, investment, multiplier effect, sustainability, competitiveness, domestic demand, innovation, added value.

O. Borokh. Wang Yanan and the Concept of “Chinese Economic Science”

The article focuses on Wang Yanan’s contribution to development of Chinese economic thought of the Republican period. The idea of creation of “Chinese economic science” proposed by the scholar in the 1940s and his assessments of classical political economy and Marxism are analyzed. Theoretical foundations of Wang Yanan’s criticism of non-Marxist trends in Chinese economic theories in the first half of the 20th century are studied. The paper reveals the connection between scholar’s ideas and contemporary discussions on sinification of economic science.

Keywords: Republican China, political economy, Marxism, Austrian school, national specifics.

N. Samsonov, Ya. Kryukov, V. Yatsenko. The Possibility of Receiving Investments of Asia Pacific Region in Mining Projects of the Russian Far East and Transbaikalia

The article presents the analysis of the development of complex investment projects in the mining industry in the East of the Russian Federation. The expediency of using flexible forms of risk-sharing, associated with the attraction of foreign capital and technology that extend the territorial scope of the projects and bring the processing of raw materials to the high income level, has been proved.

Keywords: Far East, Asia Pacific Region (APR), mineral resources, investment, state regulation, priority development areas, added value.

A. Semyonov. Regulation of the Activities of Foreign NGOs in China

The article discusses the activities of foreign non-governmental organizations (NGOs) and representatives of international funds, their legal regulation and typology of foreign NGOs in China. The author analyzes the major changes in the legislation on the activities of foreign NGOs in China that occurred in 2016, and examines the international response to the new rules.

Keywords: China, NGO, civil society, legislation of the PRC.

Yu. Gracheva. The Situation of the Nazi Nationality in the Context of Globalization

The worldwide processes of globalization are spreading rapidly in the most remote corners of the planet, affecting economic, social, political, cultural and other spheres of life of large and small ethnic groups in different countries, including the Nazi in China who have been subjected to its tangible impact on the threshold of a new millennium. This article analyzes the situation of the Nazi people in the context of globalization, describes the main challenges and threats that this national minority faced with in the XXI century. Also the article pays attention to the role of China's national policy in solving these problems.

Keywords: the Nazi, national minorities of China, globalization.

T. Guruleva. National Education in China: Current State and Measures of State Regulation

The article studies the problem of ethnic minorities' education in China. The author considers two kinds of the educational institutions, which are carrying out the education of ethnic minorities: a national educational institution and an educational institution of the national area. Measures for improvement of the system of public administration in national education sphere are investigated.

Keywords: national education in the People's Republic of China, ethnic minorities, national educational institution, educational institution of the national area, state measures of educational regulation.

Fan Xuesong. China's Position on the Issue of the Southern Kuril Islands

Against the background of comprehensive cooperation between Russia and China there might be some doubts about the future of Russian-Chinese interaction, the reason of which in Russian society sometimes is related to historical position of China on the question of the South Kuril Islands. This article presents a historical analysis of the position of the People's Republic of China concerning the southern Kuril islands and its impact on Russian-Chinese cooperation in the sphere of regional security.

Keywords: southern Kuril islands, foreign policy of China, Chinese-Russian relations, Sino-Japanese relations, regional security.

V. Kuzminkov. Joint Declaration of 1956 by the USSR and Japan in Japanese Historiography

The article discusses the problem of interpretation in Japanese historiography of the Joint Declaration of 1956, which ended the state of war between the USSR and Japan. Based on a comprehensive analysis of the documents, the author presents his view about historic significance of the Declaration and assesses the arguments put by the representatives of the academic community of Japan.

Keywords: Joint Declaration, the territorial issue, negotiations, a peace treaty, the Soviet Union, Japan, USA, Kuril Islands, southern Sakhalin.

V. Grigoriev. The New Books about the Founder of Russian Sinology Iakinf Bichurin

The author presents the analysis of the book by Chinese historian Li Weili "The Great Russian Sinologist N. Bichurin", notes its importance and relevance to the modern trend in development of Russian-Chinese relations and the New Silk Road project. Based on the new documents he provides updated curriculum vitae of N. Bichurin (1777–1853): place of birth, information about his father, etc.

Keywords: N. Bichurin, Russian oriental studies, New Silk Road, Sino-Russian relations, Li Weili.

E. Voitishkek, A. Rechkalova. Japanese Heraldry at the Present Time

The article investigates the current stage of the development of heraldry in Japan. The various applications of heraldic symbols, the value of heraldry to the modern and traditional cultures are discussed. The issue of the perception of Japanese coats of arms as part of the culture and history of the country is touched upon. The problem of preservation of cultural heritage in the conditions of negative external influence is also considered.

Keywords: Japanese heraldry, coat of arms, traditional culture, design.

O. Pelevina. Christian Communities in Contemporary China: Typology Coined by Scholars in the Field of Chinese Religious Studies

The author proposes a survey of Christianity researches, conducted by Chinese sociologists. The article focuses on recent publications that deal with characteristics of different groups of Chinese Christians. The characteristic religious behavior of professing Christianity representatives of four Chinese social groups — residents of rural areas and cities, intellectuals and businessmen — is described.

Keywords: religion, Christianity, China, sociology.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

В соответствии с требованиями ФГУП «Издательство «Наука» авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный бланк «Договора о передаче авторского права» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно найти на сайте ФГУП «Издательство «Наука»: <http://www.naukaran.ru>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 30.01.2017 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70х100 ¼
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 6,0 тыс. Уч.-изд. л. 15,0. Бум. л. 6,0.
Тираж 406 экз. Зак. 1045. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2017 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.